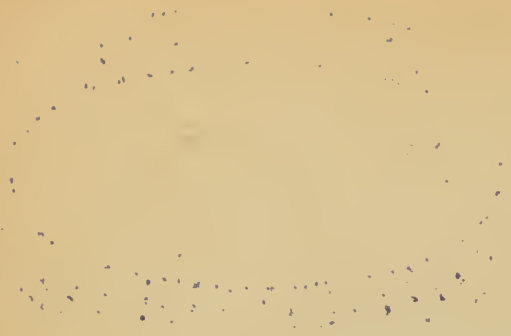
3 1761 06635556 1

СОЧИНЕНІЯ
ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ II.

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

Printed in Russia



2/30
№ 1021
1651

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ВТОРОЙ

LR
L4314V

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

Polnoe sobranie sochinenij

СОЧИНЕНІЙ

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

ТОМЪ ВТОРОЙ

НЕМНОГО ЛѢТЪ НАЗАДЪ

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ

494860
25.7.45

ИЗДАНІЕ
поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12
1899

Дозволено цензурою. Спб., 15-го марта 1899 г.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—7.

НЕМНОГО ЛѢТЪ НАЗАДЪ

НЕМНОГО ЛѢТЪ НАЗАДЪ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Прошу послѣдовать за мною въ уѣздный городъ одной изъ великороссійскихъ губерній. Дадимъ ему имя Луковки. Физіономія нашихъ уѣздныхъ городовъ такъ похожа одна на другую и такъ часто была описываема, что мы не примемъ на себя труда повторять зады. Въ Луковкахъ, замѣтимъ, однакожъ, побольше каменныхъ домовъ, нежели въ другихъ подобныхъ городахъ, но они, по крайней мѣрѣ на третью часть ихъ, стоятъ безъ оконъ, отданные зубамъ времени и разнымъ невзгодамъ нашего климата на окончательное разрушеніе. Кстати, хозяева ихъ, живущіе въ одной, двухъ заднихъ уцѣлѣвшихъ каморкахъ, гдѣ ночью едва виденъ подслѣповатый огонекъ, подъ защитою этого разрушенія избѣгаютъ надлежащаго военнаго постоя. Говорили одни, что эти дома строены для отдачи въ залоги и, отслуживъ свой казенный срокъ, заброшены. Говорили другіе, въ секретной бесѣдѣ, что воздвигали ихъ въ блаженное время, когда наши доморощенные алхимики вѣдали тайну творить изъ

тряпья золото и сбывали свое издѣліе на Дону и въ другихъ степныхъ губерніяхъ черезъ луковскихъ гражданъ, которые отъ того страшно богатѣли. Счастливое это время для нихъ миновалось и потому палаты ихъ пришли въ запустѣніе.

Начало нашего разсказа отнесемъ лѣтъ за десять назадъ, можетъ быть, немного болѣе.

Мы въ большомъ плодовитомъ саду, огороженномъ каменною оградою, изъ-за которой видны только блестящая игла колокольни и ярко-голубой куполъ пятиглавой церкви, осыпанный золотыми звѣздами. Садъ примыкаетъ съ одной стороны къ двухэтажному каменному дому съ колоннадой и террасой, по бокамъ которой, на подножіяхъ изъ дикаго камня, возлежатъ два огромные сфинкса. Русскій мастеръ, изваявъ ихъ, завѣрялъ, что они малымъ чѣмъ уступятъ петербургскимъ, и, для большаго правдоподобія, вздумалъ было изсѣчь на пьедесталахъ велемудрую надпись, украшавшую нѣкогда знаменитые подлинники; но хозяинъ дома, къ удивленію и огорченію доморощеннаго художника, не далъ ей покрасоваться и одного дня въ Луковкахъ. Съ другой стороны въ садъ смотрятъ рѣшетчатыя окна длиннаго трехэтажнаго, каменнаго же дома. По высокимъ трубамъ, суживающимся кверху, можно признать это зданіе за фабрику или заводъ. Нынѣ трубы не выкидываютъ дыма и не слышно стоновъ паровика. Вѣроятно, по какому-нибудь особенному случаю, рабочіе пошабашили, хотя день и не праздничный.

Домъ съ колоннадой, какъ видно, богатый, но нѣсколько запущенъ. Штукатурка на коллоннахъ и стѣнахъ мѣстами облуплена, зеленый цвѣтъ крыши выцвѣлъ и порябѣлъ. Посреди сада довольно большая ротонда, опоясанная цвѣточною рабаткою, а на концѣ его домикъ въ англійскомъ вкусѣ. Сквозь растворен-

ныя двери его видны грабли, лейки и прочія принадлежности садоводства.

Утреннее майское солнышко играетъ въ чистомъ небѣ. Развѣ изрѣдка пробѣжитъ по немъ тонкое облачко, словно снѣжная струя, и тотчасъ растаетъ, Въ воздухѣ замѣтно какое-то дрожанье. Кажется, слышишь, какъ грудь земли дышетъ и обдаетъ васъ своимъ теплымъ, ароматнымъ дыханіемъ. Яблонныя, вишневыя и грушевыя деревья оброшлись цвѣтами, такъ что изъ-за нихъ почти не видно зелени листьевъ. Будто на весь садъ накинута цвѣточная сѣть. Молочно-розовый фонъ его кое-гдѣ оттѣненъ лиловыми кистями сирени, или окропленъ желтымъ крапомъ акацій. Яблони ростутъ стройно, въ полной силѣ и красѣ, то вытягиваются пирамидой, то раскидываются легкимъ шатромъ. Стволы ихъ свѣжи, прямы, вычищены, выхолены; ни морщинистый мохъ не пестритъ ихъ, ни паукъ не смѣетъ ткать на вѣтвяхъ свою сѣть, или гусеница повѣсить на нихъ свою паутинную колыбель. Тамъ, гдѣ дерево одряхлѣло и ждетъ, чтобы топоръ покончилъ съ его существованіемъ, уже невдалекѣ отъ него ростетъ молодой, но крѣпкій наслѣдникъ, который скоро надъ его могилой раскинетъ свои свѣжіе побѣги. Въ саду такъ тихо, что не только слышно, какъ прожжужитъ пчела, но и какъ шелестятъ крылья мотылька, ударяясь одно объ другое. Но вотъ послышались чьи-то шаги. Показался мужчина, которому на видъ можно дать лѣтъ съ небольшимъ пятьдесятъ. Хотя въ саду есть нѣсколько прямыхъ дорожекъ, сходящихся треугольниками у песчаной площадки, на которой стоитъ ротонда, однакожъ человѣкъ, нами замѣченный, не ходитъ по этимъ дорожкамъ, а пробирается черезъ куртины, между деревьевъ и кустовъ, какъ попало, безъ опасенія. Только тамъ, гдѣ вѣтви, увитыя гроздіями цвѣтовъ,

преграждаютъ ему дорогу, онъ бережно склоняется подъ ними, чтобы они не осыпались. Онъ останавливается почти у каждаго дерева, любуется имъ нѣсколько минутъ, потомъ обращается къ другому, то обрѣзываетъ ножомъ мертвый сукъ, а который не поддается ножу, отдѣляетъ пилой. Пробираясь между деревьями, онъ скоро исчезъ на другомъ концѣ сада. По одеждѣ видно, не простой садовникъ, даже и не рядовой житель города.

Въ Луковкахъ, гдѣ купцы и мѣщане ходятъ въ поддевкѣ или русскомъ кафтанѣ со сборами, и только «про всякій случай имѣютъ и панталоны», какъ изъяснялся одинъ тамошній сватъ на спросъ отца невѣсты о нарядѣ жениха; гдѣ господствуетъ разнохарактерная борода, а не носящіе ея брѣются одинъ разъ въ недѣлю; гдѣ неряшество, со всѣми его атрибутами, во вкусѣ не только канцелярскаго, но и высшаго чиновничества,—въ Луковкахъ, говорю я, очень замѣтны на человѣкѣ, завидѣнномъ нами въ саду, мастерской покрой пальто, тщательно обритая личность, свѣжая бѣлизна и тонкость полотна манжетъ, завороченныхъ за рукава, и рубашки, искусно сшлоенной на груди. Вообще, по изысканной опрятности и щегольству во всей одеждѣ, можно бы признать его за столичнаго жителя, или за иностранца. Правильное и пріятное лицо, нѣсколько болѣзненное, чрезвычайно добродушно; свѣтло-голубые глаза, въ которыхъ отражается особенная мягкость характера, глядятъ на все такъ привѣтливо, такъ ласково. На деревья обращаетъ онъ ихъ съ какою-то любовью, какъ на живыя существа, съ которыми сроднился и жаль разстаться. Видно, что они радуютъ его, красуясь передъ нимъ въ своей весенней одеждѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ это удовольствіе, по временамъ, смѣняется на лицѣ его какою-то заботой и грустью.

Мы ошиблись бы, принявъ его за столичнаго жителя, тѣмъ болѣе за иностранца. Онъ русскій уроженецъ и коренной житель Луковокъ, хозяинъ сада, дома съ колоннадой и фабрики, званіемъ купецъ, и купецъ первостатейный, не только именемъ, но и воспитаніемъ и образомъ жизни. Въ городкахъ, подобныхъ Луковкамъ, гдѣ даже самые богатые купцы не отличались, да и нынѣ, большею частію, не отличаются отъ богатыхъ мужиковъ, гдѣ донынѣ говорятъ, что женскія училища имъ не нужны, онъ, по стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, далеко выдвинулся изъ ряда своихъ сочленовъ. Его зовутъ Сергѣй Семеновичъ Патокинъ—фамилія, какъ видите, совершенно плебейская, къ которой никакъ не прикленшь никакого нѣмецкаго титла. Отцу его было дано, не знаю почему, гражданами Луковокъ придаточное прозваніе *король*, которое перешло и къ сыну.

Подобныя личности попадаются нынѣ чаще и чаще въ столицахъ. Мы видимъ, что многіе изъ тамошнихъ купцовъ даютъ прекрасное воспитаніе своимъ дѣтямъ, читаемъ безпрестанно въ газетахъ въ числѣ отъѣзжающихъ за-границу имена купцовъ и купеческихъ дѣтей. Многіе изъ нихъ ѣдутъ не только погулять, но и поучиться и дѣло дѣлать. Неумолимое время творитъ свое, и прогрессъ захватываетъ съ прочими классами народа и купеческій, который ожесточеннѣе другихъ противился ему.

На такія личности, дѣлающія честь не только мѣсту своего рожденія, но и отечеству, своимъ образованіемъ и просвѣщеннымъ, благотворнымъ вліяніемъ на все ихъ окружающее, можно бы указать и въ глухихъ уголкахъ Россіи. За примѣромъ далеко ходить не надо. Стоитъ только побывать въ Осташковѣ и видѣть, что сдѣлалъ одинъ купеческій домъ Са—на изъ бывшей ничтожной рыбачьей слободы, которую

Екатерина Великая возвела въ городъ даже противъ желанія жителей и вопреки ихъ слезныхъ моленій оставить ихъ въ томъ скромномъ положеніи, въ какомъ они были. Члены этого дома не трубили о своихъ подвигахъ, но скромно, твердо и разумно шли къ цѣли, ими предположенной. Они, конечно, думали о своихъ выгодахъ, но выгоды общественныя были для нихъ выше всего [1]).

Въ домѣ часы пробили восемь, и вслѣдъ за тѣмъ одиночество Сергѣя Семеновича нарушилось приходомъ новыхъ лицъ. Двое слугъ, чисто одѣтыхъ, въ бѣлыхъ

---

[1]) За то члены этого дома основали банкъ, публичную библіотеку, женское училище, когда о нихъ не говорили такъ горячо, какъ нынѣ, училище для дѣтей рабочихъ при своихъ фабрикахъ, бумагопрядильной и кожевенной, образцовую пожарную команду изъ гражданъ, которой подобную до сихъ поръ старается правительство завести въ другихъ городахъ: освѣтили газомъ цѣлый кварталъ, пустили пароходъ по озеру Селигеру и купеческіе корабли кругомъ свѣта, возбудили и поддержали въ городскихъ жителяхъ любовь къ искусствамъ и невиннымъ общественнымъ удовольствіямъ, отвлекающимъ жителей отъ кабацкихъ и трактирныхъ увеселеній, основали городской театръ, развели общественные сады и, чего забыть не надо, сами подавали примѣръ гражданскихъ доблестей. Присовокуплю къ чести осташковскаго общества, что оно, болѣе развитое и единодушное, нежели въ другихъ городахъ, сильно содѣйствовало Са—нымъ основанію многихъ полезныхъ учрежденій. Посѣтивъ однажды Осташковъ по дѣламъ службы, я не могъ долго придти въ себя отъ изумленія, когда нашелъ въ домѣ Са—ныхъ просвѣщенный комфортъ и одну только роскошь, невиданную до того въ нашихъ купеческихъ домахъ—роскошь лучшихъ англійскихъ журналовъ, газетъ, иллюстрацій, которые хозяинъ дома, осташковскій городской голова Ѳ. К., переводилъ мнѣ, читая ихъ по-русски. Приглашенный хозяиномъ дома на народный балъ, устроенный въ одномъ изъ флигелей его фабрики, я былъ также пріятно изумленъ, увидѣвъ рыбачекъ, мѣщанокъ, наканунѣ таскавшихъ неводъ или разсѣкавшихъ весломъ воды Селигера, а нынѣ по-бальному одѣтыхъ и обутыхъ, съ сохраненіемъ отчасти ихъ народнаго костюма — красивой жемчужной подвязки — исполняющихъ отчетливо и граціозно французскую кадриль и вальсы — хоть бы въ любомъ губернскомъ собраніи. Не говорю о купеческихъ женахъ и дочеряхъ, которыхъ я видѣлъ на другомъ *городскомъ* балѣ.

перчаткахъ, внесли въ садъ круглый столъ и поставили его подъ деревомъ, предлагавшимъ болѣе другихъ тѣни. Столъ накрытъ бѣлоснѣжною камчатной скатертью, на которой солнечные лучи обозначили роскошный рисунокъ. Огненнымъ снопомъ брызнули они на самоварѣ, разрѣзали они свѣтлыми полосами густой паръ, валившій изъ него, разсыпались блестящими искрами и переливами на серебрѣ, фарфорѣ и хрусталѣ. Всѣ эти принадлежности чайнаго прибора изобличали художественную, иностранную работу, вкусъ и богатство хозяина. Слуги, разставивъ кругомъ стола кресла и стулья, отошли на небольшое разстояніе.

Вскорѣ стали подвигаться къ столу, по одной изъ дорожекъ сада, два новыя лица. Одинъ высокій мужчина, среднихъ лѣтъ, по атлетическому сложенію своему готовъ, кажется, поддержать на плечахъ своихъ тяжелый дубъ, который свалила бы на него буря. Румянецъ играетъ на загорѣломъ, открытомъ его лицѣ. Волны бѣлокурыхъ волосъ падаютъ почти до плечъ. Онъ одѣтъ въ пальто изъ тонкаго синяго сукна съ бронзовыми пуговицами и въ широкихъ панталонахъ такого же сукна. Полный подбородокъ утопаетъ въ бѣломъ батистовомъ платкѣ съ пышнымъ бантомъ. Ни одной пушинки, ни одного пятнышка на всей одеждѣ. Косматая, высокая грудь видна сквозь разрѣзъ рубашки тонкаго полотна. Онъ говоритъ на какомъ-то ломаномъ русскомъ языкѣ, который можно понимать съ трудомъ. Мы передадимъ его въ переводѣ, очищенномъ отъ безсмыслицы подлинника. Спутникъ этого Самсона, маленькій человѣкъ, перешедшій гораздо за половину вѣка—приходящійся ему подъ мышку, тощій, тщедушный, истертый въ невзгодахъ жизни. Судя по наружности, порывъ вѣтра могъ бы повалить его, а широкоплечій товарищъ придавить своею тяжелою пятой. Въ лицѣ ни кровинки; глаза его немного ко-

сятъ. Вы не могли бы опредѣлить цвѣтъ ихъ: то кажутся они сѣрыми, то желтыми съ темными крапинками. Такъ и взглядъ его какъ бы двойственный, одинъ—наружный, мягкій, согласный съ его вѣчною улыбкой; другой—внутренній, бѣсовскій, выглядывающій изъ-за него. Несмотря, что рѣчь товарища ему непріятна, онъ умѣетъ владѣть собою. Чѣмъ болѣе тотъ возвышаетъ голосъ, тѣмъ болѣе мизерный человѣкъ склоняетъ голову и чаще вздыхаетъ, кладя изподтишка едва замѣтные кресты на предсердіе, какъ будто хочетъ избавиться отъ нечистаго духа, его осаждающаго, между тѣмъ не забываетъ оглядываться въ кусты и за деревья.

Смѣлая, твердая поступь одного идетъ въ разладъ съ вялыми шагами другого. Одежда человѣчка подъ-масть его наружности, изученно подобрана, какъ будто на показъ его бѣдности. На тощихъ, какъ жерди, ногахъ болтаются нанковыя, песочнаго цвѣта панталоны, сапоги осоюзены и не смазаны. Подъ мышками нанковаго, засаленнаго сюртука вставлена новая заплата, отличающаяся свѣжестью своею отъ поношенной матеріи всей одежды. Изъ-подъ узенькаго лоскута чернаго коленкора, отороченнаго кожей и повязаннаго въ видѣ ошейника со стальною, нѣсколько заржавленною пряжкой, выставляются два конца рубашки грубаго холста. Тощій рыжій паричекъ, а поверхъ его порыжѣлый кожаный картузъ вѣнчаютъ эту фигурку.

— Прошу выслушать меня, господинъ Опенкинъ,— говорилъ высокій мужчина своему спутнику, остановясь противъ него и взявшись крѣпко за пуговицу его сюртука.

— Какой я господинъ!—прибавилъ мизерный человѣкъ, приглядывая за своей пуговицей,—я бѣдный луковскій мѣщанинъ, и если значу что-нибудь, такъ по милости моего хозяина и благодѣтеля.

— Знаю,—отвѣчалъ первый,—что у васъ называютъ господами дворянъ, но я привыкъ такъ относиться ко всякому, будь онъ князь или простой гражданинъ. Не пріучаться же мнѣ къ вашимъ порядкамъ! Дѣло не въ званіи человѣка, а въ самомъ человѣкѣ. Вотъ вы называете меня нехристемъ за то, что я не ношу креста на груди; знайте, господинъ Опенкинъ, я ношу крестъ Спасителя въ груди своей.

— Господи помилуй,—прошепталъ второй, крестясь и вздыхая.

— Вы и тутъ въ моихъ словахъ находите святотатство. Да, я ношу крестъ Спасителя въ сердцѣ моемъ, потому что ученіе Его стараюсь выполнять по силамъ и разумѣнію моему. Я понимаю, что вѣра безъ дѣлъ мертва, любовь къ ближнему—высшій законъ Божій. Не думаете ли угождать Ему, когда одѣляете одною рукою нищихъ копѣечками, выходя изъ церкви, а другою тащите послѣдній кусокъ хлѣба изъ сумы истинно бѣднаго. Вы поступаете хуже язычника.

— У насъ есть свои православные проповѣдники, господинъ Джонсъ.

— Я и не думалъ говорить вамъ проповѣди, я хотѣлъ только обличить васъ въ вашихъ черныхъ поступкахъ. Не къ суду Божьему хочу васъ вести—придетъ и безъ меня часъ, когда вы сами на него пойдете. Я зову васъ покуда къ суду вашей совѣсти. Если мои слова на васъ не подѣйствуютъ, разскажу всѣ ваши продѣлки господину Патокину.

— Въ чемъ же я провинился передъ вами?

— Передо мною? О, въ такомъ случаѣ я плюнулъ бы, и еслибъ вы меня кровно оскорбили, я раздавилъ бы васъ, какъ поганое насѣкомое.

Мизерный человѣкъ, несмотря на такое презрительное обращеніе съ нимъ, не перемѣнился въ лицѣ;

только едва замѣтное подергиваніе щеки обличало его душевное волненіе.

— Не знаю, что намъ дѣлить, господинъ Джонсъ,— сказалъ онъ смиреннымъ голосомъ.—Вы управляете искусственною частью, какъ называетъ хозяинъ ваше дѣло, а я хозяйственной. Сверхъ того, я приказчикъ, кассиръ и стряпчій Сергѣя Семеныча, а въ эти дѣла вы не входите.

— Правда, наши занятія разныя, права также, но есть дѣло, которое должно быть близко сердцу всякаго человѣка, какое бы мѣсто онъ ни занималъ. Это дѣло нашего ближняго, когда онъ утѣсненъ. Онъ обиженъ и проситъ моей помощи; постыдно, безчестно, если я не подамъ ему этой помощи. Я не разбираю тогда чужихъ правъ—помню только долгъ христіанина, долгъ человѣка. Слушайте же меня. Ко мнѣ, басурману, пришла нынѣ цѣлая артель рабочихъ съ жалобами на васъ.

— У нихъ есть хозяинъ, къ нему должны обратиться.

— Посмотрѣлъ бы я, какъ допустили бы!

— Вы ихъ балуете, такъ они и лѣзутъ къ вамъ.

— Нѣтъ, не балую, а обращаюсь съ ними по-человѣчески, какъ съ людьми, а не скотами, не обижаю ихъ, а требую съ нихъ должнаго, справедливаго. Отъ этого они довѣряютъ мнѣ, басурману. Говорятъ, если господинъ Патокинъ не выслушаетъ ихъ, такъ они всѣ до единаго бѣгутъ съ фабрики.

— Да это бунтъ, ихъ перепорятъ.

— Ого-го! какъ вы широко шагаете! Бунта тутъ нѣтъ никакого; ихъ не тронутъ пальцемъ, за это ручаюсь моею честью. Они просятъ довести ихъ жалобу до господина Патокина.

Зловѣщій живчикъ сильнѣе забился на лицѣ Опенкина.

— Фабричные жалуются,—продолжалъ Джонсъ,—что вы выдаете имъ заработанныя деньги истертою, обрѣзанною монетой, которую никто не береть; не даромъ вашъ народъ такъ вѣрно называетъ ее *слѣпою*.

— Монета государственная, — возразилъ Опенкинъ,—съ казеннымъ, императорскимъ гербомъ: орелъ двуглавый, держава на ней и точки, и ленточка есть. Запретятъ указомъ царскимъ брать, такъ мы и не будемъ, а покуда указа нѣтъ, мы ее беремъ и раздаемъ. Не копить же!

— То-то и есть, что вы берете ее отъ рабочихъ за полцѣны, а сбываете имъ же за указную. Хорошую монету собираете и отдаете мѣняламъ изъ барышей. Этого мало, вы подсовываете иногда и фальшивые билетцы. Хоть бы вчера.

Лицо мизернаго человѣчка еще сильнѣе подернуло.

— Слѣдовало бы представить въ полицію; дѣло уголовное.

— Въ полицію? Чтобы засадили рабочаго въ тюрьму, да затаскали по разнымъ мытарствамъ? Признаетесь ли, что вы дали билетъ?

— Я... не давалъ. Хоть къ присягѣ, хоть подъ колокола.

— Слыхали мы про эти колокола! У кого совѣсть спитъ, не разбудятъ они ея.

Опенкинъ пропустилъ мимо ушей сильный аргументъ своего спутника и продолжалъ: — Фабричный, плутъ, гдѣ-нибудь досталъ да взваливаетъ на меня, авось, дескать, испужается да промѣняетъ.

— Вы сдѣлались подрядчикомъ рабочихъ—отпускаете имъ впередъ въ счетъ заработанныхъ денегъ муку и говядину, и какую муку, какую говядину! Въ мукѣ на одну треть мякины и песку; мясо тухлое, и за все ставите самую высокую цѣну.

— Зачѣмъ же они берутъ?

— Затѣмъ, что имъ ѣсть надо; не умирать же съ голоду. Грѣшно и стыдно, господинъ Опенкинъ. А деньги, которыя вы удерживаете у нихъ за время ихъ болѣзни?

— Я поступаю по правиламъ нашего заведенія и отступиться отъ нихъ не смѣю; я соблюдаю хозяйскій интересъ.

Послѣднія слова онъ сказалъ громче: авось, не услышитъ ли Патокинъ, если бы находился гдѣ-нибудь тутъ, за деревьями.

— Это противно его собственнымъ правиламъ, противно доброму его сердцу.

— Мало ли лѣнтяевъ притворяются больными? не могу же я свидѣтельствовать ихъ безпрестанно по квартирамъ или посылать за дохтуромъ. Вижу, нѣтъ на работѣ, такъ и прогульный день.

— Притворяется?... А знаете ли, одинъ изъ этихъ притворщиковъ, одинъ изъ вашихъ лѣнтяевъ, у котораго вы удержали деньги не только за время его болѣзни, но и за рабочіе дни...

— Десятникъ говоритъ, работа его была плохая.

— Оттого, что она валилась изъ слабыхъ рукъ, оттого, что помутившіеся глаза не могли уже различать предметы. Смерть уже была за плечами его. Такъ знайте же, этотъ лѣнтяй, этотъ притворщикъ, умеръ съ часъ тому назадъ. Что онъ былъ боленъ, засвидѣтельствуетъ дѣвица Изумрудова. Она посылала къ нему лѣкаря и лѣкарства и сама навѣщала его. Потрудитесь сходить на его квартиру; подите, повѣрьте... Подлѣ гроба его стоитъ гробикъ его ребенка. Матери и вдовѣ нечѣмъ похоронить умершихъ. Вы услышите жалобныя причитанья ея, вопли трехъ сиротъ, которыя просятъ хлѣба.

— Божья воля, — сказалъ Опенкинъ, вздыхая и перекрестясь.

— Въ жизни нашей, конечно, Богъ воленъ. И мы всѣ умирать должны. Но есть, какъ вы знаете, другая жизнь—за гробомъ, господинъ Опенкинъ. Тамъ всѣмъ надо явиться предъ судомъ Божіимъ; туда же явится и несчастный работникъ съ своимъ младенцемъ. Не скажетъ ли онъ Господу, указывая на васъ: этотъ человѣкъ, когда я былъ боленъ, ускорилъ мою смерть; онъ отравилъ послѣдній часъ мой, онъ отнялъ насущный хлѣбъ у жены и у троихъ дѣтей, изсушилъ послѣднюю каплю молока въ груди матери?

Мускулы на лицѣ Опенкина сильно заиграли. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но, услыхавъ голоса, стиснулъ зубы... Оба повернули головы въ ту сторону, откуда слышались эти голоса, и остановились.

Опенкинъ скинулъ свой картузъ, пригладилъ на себѣ паричокъ и силился выжать улыбку на лицо свое.

Вскорѣ поравнялись съ ними три женщины, которыя такъ и просились на полотно художника. Между свѣженькими личиками двухъ дѣвушекъ, полныхъ жизни, рѣзко выдавалось бѣловосковое лицо старушки, будто вставшей изъ гроба. Лобъ ея былъ повязанъ бѣлымъ батистовымъ платкомъ, а поверхъ его темнымъ шелковымъ, котораго концы спускались на спину. Голова ея сильно тряслась, помутившіеся глаза глядѣли безсознательно. Казалось, она погружена была въ какую-то летаргію. Но когда солнечные лучи на нее упали и оживили ее, улыбка порхнула на ея губахъ; она взглянула на небо, перекрестилась и сказала: «Словно въ Божьемъ раю». Несмотря на то, что лицо ея глубоко избороздили морщины, такъ искажающія старость, оно было не безобразно и дышало добродушіемъ. Старушка едва переступала, опираясь на костыль и руки своихъ спутницъ. Съ одной стороны, вела ея дѣвушка лѣтъ семнадцати. Красавицей нельзя

было ее назвать, но во всѣхъ правильныхъ, тонкихъ чертахъ ее лица, въ движеніяхъ, въ звукѣ голоса было столько привлекательнаго, столько симпатичнаго, что съ перваго взгляда ея темнокарихъ глазъ, глубоко упадавшаго въ вашу душу, съ перваго слова, къ вамъ обращеннаго, вы хотѣли бы, чтобъ эти глаза на васъ долго и долго смотрѣли, чтобы ея рѣчь не умолкала. На ней было бѣлое кисейное платье, опоясанное широкою голубою лентой; черная ленточка обхватывала ея лебединую шею, спускалась на грудь и скрывалась въ тайникахъ ея. Къ чернымъ, съ синеватымъ отливомъ, волосамъ, приколота была бѣлая, одинокая роза. Съ другой стороны поддерживала старушку миловидная, со вздернутымъ носикомъ, вертлявая дѣвочка лѣтъ четырнадцати. Нетерпѣніе проглядывало во всѣхъ ея движеніяхъ, живые глаза ея безпрестанно бѣгали по сторонамъ. Такъ и замѣтно было, что если бы дали ей волю, она порхнула бы по саду, какъ бабочка — поди, лови ее! Съ благоговѣйною любовью вела одна старушку, будто выполняла святое служеніе; другая видимо дѣлала это по долгу, которымъ тяготилась: гримасы ея это доказывали.

Старушка будто встрепенулась и стала вслушиваться въ крупный разговоръ Опенкина и его товарища. Когда они всѣ поровнялись, дѣвушка съ голубымъ поясомъ едва кивнула Опенкину, а спутнику его протянула свою бѣленькую ручку, которая и потонула въ его огромной, косматой рукѣ, назвала его милымъ Джонсомъ и привѣтствовала съ добрымъ утромъ. Этотъ знакъ дружескаго вниманія видимо радовалъ его, а въ лицѣ Опенкина произвелъ то непріятное подергиванье, которое служило барометромъ его душевнаго состоянія.

— О чемъ они такъ спорятъ, Дуня?—спросила старушка, обращаясь къ дѣвушкѣ съ голубымъ поясомъ.

Дуня обратилась съ тѣмъ же вопросомъ къ Джонсу и онъ передалъ ей, со всѣмъ жаромъ взволнованной души, вполовину по-англійски, вполовину исковерканнымъ русскимъ языкомъ, содержаніе своего горячаго разговора съ Опенкинымъ, и Дуня передала этотъ разговоръ посвоему, дополняя мимикой то, чего старушка не понимала, какъ это дѣлаютъ няньки съ дѣтьми, у которыхъ понятія еще не совсѣмъ развились.

— Вотъ видите, бабушка, —говорила она, указывая на Опенкина: — этотъ человѣкъ-у! какой! (здѣсь она сердито сдвинула свои брови, въ глазахъ ея вспыхнуло негодованіе) обижаетъ бѣдныхъ фабричныхъ, не платитъ имъ денегъ за работу. Одинъ умеръ... въ гробу... Маленькій ребенокъ сосалъ грудь у матери... молоко пропало отъ горя и отъ того, что нечего было ѣсть... Умеръ и маленькій... положили въ гробикъ. Осталось еще трое дѣтей... одинъ вотъ такой... другой этакій... третій немного больше (Дуня указывала рукой на возрастъ дѣтей), нѣтъ хлѣба...

Предчувствую, что если дѣвушка-пуританка читаетъ вслухъ мой разсказъ не только при постороннихъ, но даже въ домашней семьѣ, какъ скоро дойдетъ до слова «сосалъ грудь», смѣшается на этихъ словахъ; если же при чтеніи находится мать или русская гувернантка, то посмотритъ вопросительно на-ту или другую, а та или другая скажетъ: «можешь пропустить это мѣсто». Да, таково наше женское воспитаніе! Оно пріучаетъ дѣвицъ въ ложному стыду, къ *игрѣ въ невинность*. Не говорю о закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ этотъ ложный стыдъ доведенъ до крайности. Я видѣлъ, какъ вышедшія изъ этихъ заведеній, даже воспитательницы, краснѣли до бѣлка глазъ, когда при нихъ говорили, что женщина беременна, отворачивались, когда мать кормила свое дитя грудью; я былъ свидѣтелемъ, какъ одна изъ этихъ воспита-

тельницъ пришла въ истерическое состояніе отъ того только, что девятилѣтняя воспитанница ея съ дѣтскимъ простодушіемъ сказала ей: «вотъ и у васъ будутъ дѣтки и вы будете кормить ихъ грудью, у васъ будетъ молочко».

Вы видите, что Дуня не принадлежала къ разряду этихъ дѣвицъ-пуританокъ.

Разсказъ ея произвелъ какъ будто гальваническое потрясеніе во всемъ существѣ старушки, фосфорическій огонь блеснулъ въ ея глазахъ; она выпрямилась и погрозила на Опенкина костылемъ.

— Злодѣй!... пожаръ... укралъ много у моего друга... старичекъ со звѣздой мнѣ сказалъ... въ аду сгоришь... Денегъ... дай денегъ, Дуня!

Сказавъ это, старушка какъ будто истощила всѣ свои жизненныя силы, упала на руки своихъ спутницъ и пришла опять въ то безсознательное состояніе, въ которомъ прежде находилась.

Дуня, понявъ изъ рѣчи своей названной бабушки, что надо помочь осиротѣвшему семейству, пріостановилась немного и, кивнувъ вертлявой дѣвочкѣ, сказала ей:—«Постой, Параша, я сыщу Сергѣя Семеныча, разскажу ему все; онъ такъ добръ, вѣрно поможетъ несчастнымъ».—Потомъ, приложивъ палецъ ко лбу и немного подумавъ, прибавила:—«Нѣтъ, лучше ничего не скажу ему, чтобы не огорчать на дорогу. Мамаша сдѣлаетъ это, не потревоживъ его. Ему и такъ грустно разставаться съ родиной своей, съ этимъ садомъ, который онъ выростилъ и воспиталъ вмѣстѣ съ отцомъ. Мамашѣ будетъ пріятно, что мы въ этомъ случаѣ не обошли ее. Я ворочусь къ ней, а вы (она сдѣлала знакъ рукою Джонсу, чтобы тотъ подошелъ къ ней), мой добрый Джонсъ, вмѣсто меня поведите бабушку».

Джонсъ взялъ старушку подъ руку. Съ ея стороны не было сопротивленія. Такимъ образомъ, под-

держиваемая имъ и Парашей, она побрела къ мѣсту, гдѣ былъ накрытъ столъ, а Дуня побѣжала назадъ.

На встрѣчу ей шла величавая дама, въ нѣкоторомъ отдаленіи слѣдовалъ за ней слуга.

Лицо ея, уже не совсѣмъ молодое, сохранило еще остатки прежней красоты, которую она постаралась подновить легкимъ слоемъ бѣлилъ и румянъ. По турецкой тысячной шали, модному кружевному чепцу, едва державшемуся на головѣ, и утренней блузѣ, обшитой дорогими блондами, можно бы думать, что она собралась дѣлать утренній церемонный визитъ. Между тѣмъ она ѣхала только въ свою деревню.

Это была супруга Сергѣя Семеновича Патокина-короля. Ее звали Маріей Михайловной.

Она смотрѣла на все свысока, походка ея была размѣрена.

Дуня со слезами на глазахъ, поцѣловавъ у ней руку, съ жаромъ разсказала, зачѣмъ воротилась къ ней.

— О чемъ же плакать, дурочка? Мертвыхъ не поднимешь, а живымъ надо помочь, — сказала Патокина, потрепавъ Дуню по щекѣ опахаломъ, заигравшимъ въ лучахъ солнца, вмѣстѣ съ богатыми перстнями и кольцами, которыми унизаны были ея пальцы.— Вотъ тебѣ ключъ отъ моей шкатулки—ты знаешь, она стоитъ въ спальнѣ, подлѣ кровати. Вынь изъ нея пятьдесятъ рублей и перешли съ Джонсомъ, съ кѣмъ хочешь, вдовѣ и сиротамъ. Хорошо, что ты обратилась ко мнѣ, а не къ Сергѣю Семенычу. Ты знаешь, его нынче тревожить не надо, онъ и безъ того не въ добромъ духѣ. Съ Опенкинымъ я сама справлюсь, по своему. Чтожь дѣлать, мой мужъ ввѣрился ему по уши и не хочетъ ничего слышать объ немъ. А воръ, самый хитрый воръ!

Ж. Ж. Руссо говоритъ, что женщина, даже очень молодая и очень хорошенькая, когда скоро бѣжитъ,

всегда неловка и возбуждаетъ какое-то непріятное чувство. Онъ перемѣнилъ бы свой суровый приговоръ, если бы увидалъ, какъ бѣжала Дуня.

Патокина не ускорила своего шага и, приблизясь къ Опенкину, повелительно махнула ему рукой, чтобы онъ подошелъ къ ней.

Мизерный человѣкъ, весь съежившись и держа картузъ подъ мышкой, спѣшилъ исполнить ея приказаніе. Откуда взялась у него прыть! Онъ хотѣлъ было приложиться къ рукѣ ея, но она отвернула свою руку и, бросивъ на него молніеносный взглядъ, сказала:— «Послушай, негодяй, долго ли будешь проказничать? Тебя вытащили изъ грязи, а ты въ нее опять лѣзешь и тащишь съ собою людей, которыхъ подметки не стоишь. Слишкомъ добръ мой мужъ, я давно прогнала бы тебя. Рабочіе хотятъ на тебя жаловаться. Подумай, что изъ этого будетъ? Сергѣй Семенычъ желалъ бы разстаться мирно со всѣми вами. Не смѣй тревожить его. Пошелъ сейчасъ на фабрику и уладь такъ, чтобы рабочіе съ жалобой не приходили, а если придутъ, такъ сказали бы, что пришли съ хозяиномъ проститься. Да чтобъ принесли хлѣбъ-соль на дорогу!«

Опенкинъ хотѣлъ что-то сказать, но Патокина сердито перебила его:—«Ни слова! Дѣлай, какъ я тебѣ приказала».—Онъ отошелъ было нѣсколько шаговъ. Патокина воротила его.

— Посмотри, полюбуйся на себя,—сказала она,— пришелъ провожать насъ — еще главный приказчикъ именитаго гражданина, коммерціи совѣтника и, какъ нарочно, въ этотъ день напуталъ на себя свое тряпье.

— Вы знаете, у меня сынъ чиновникъ, надо ему помогать. Времена тяжелыя.

— Да, бѣднякъ, жалости достоинъ! Чай, полгорода тебѣ долженъ.

Въ голосѣ Патокиной слышалась злая иронія.

— Клевета, сударыня, сущая клевета! Враговъ не оберешься.

— Ничего не хочу слышать. Поди, переодѣнься, а съ нищимъ въ отрепьяхъ не хочу сидѣть за однимъ столомъ. Маршъ! Мигомъ, чтобъ былъ здѣсь франтомъ, въ лучшемъ праздничномъ платьѣ. Не то, знаешь меня, при всѣхъ тебя осрамлю.

Опенкинъ дѣйствительно хорошо зналъ, что съ этой барыней шутить нельзя и она поставитъ на своемъ, да еще опозоритъ его при всѣхъ такъ, что радъ бы тогда провалиться сквозь землю, и засѣменилъ къ главному дому.

На встрѣчу ему бѣжала Дуня, вся разгорѣвшаяся отъ быстрой ходьбы и удовольствія.

— Ради Бога, не говорите ничего Сергѣю Семенычу,—сказалъ ей Опенкинъ умоляющимъ голосомъ.— Свидѣтель Богъ, напраслина (онъ прижалъ картузъ къ сердцу и показалъ глазами на небо), все напраслина.

— Я знаю хорошо Джонса и васъ,—отвѣчала она, покачавъ головою.

— Все поправлю, все улажу... буду дѣлать по вашему... буду дѣлать, какъ хочетъ англичанинъ.

— Если такъ, не скажу. Видите (она показала сѣренькую кредитку). Теперь я счастлива и хочу, чтобъ всѣ были довольны. Только не обижайте бѣдныхъ людей. Желаю отъ души, чтобы вы узнали удовольствіе помогать ближнему. Это болѣе всего наказываетъ намъ Спаситель. За то я всегда буду заступаться за васъ.

— Заступница?—пробормоталъ сквозь зубы Опенкинъ, когда Дуня была уже далеко отъ него.—Тоже лѣзетъ въ важныя особы. Дѣвчонка, нищая, еще подкидышъ! Пожимай-ка лучше руку своему англичанину, авось-либо присватается, да увезетъ во-свояси. Туда и дорога! А я и безъ васъ обойдусь. Пятьдесятъ

рублей, легко сказать! На мужицкіе похороны, по моему, цѣлковинкихъ два, да прикинуть развѣ три на сиротъ, вдова баба молодая, найдетъ работу и на нашей фабрикѣ. Сыпьте безъ толку деньги, усѣйте ими дорогу, хоть до своей деревни; глупъ былъ бы я, еслибъ не подбиралъ ихъ за вами. Вотъ ужь въ долги втянулись!... Долго ли такъ процарствуешь, луковскій король?... Такъ и быть, угожу тебѣ, гордая барыня, напослѣдяхъ, а тамъ... Придетъ и мое время... Только непрытко, Самсонычъ (здѣсь онъ обращался къ собственному лицу), непрытко: тише ѣдешь, дальше будешь. Господи, прости мои прегрѣшенія. Самсоша, для тебя только волочусь.

Когда Дуня воротилась, все общество, которое прошло мимо насъ съ начала нашего разсказа, кромѣ Опенкина, расположилось около стола. Хозяинъ сидѣлъ въ грустномъ раздумьѣ, жена его разливала чай, но дѣлала это очень медленно; видно было, она кого-то поджидала. Старушка не прикасалась къ своей чашкѣ и оглядывалась по сторонамъ; подлѣ ея не было той нѣжной заботливой руки, которая всегда замѣняла ей дрожащія ея руки, отказывающіяся ужь служить. Джонсъ былъ пасмуренъ. Всѣ молчали. При появленіи Дуни всѣ оживились, какъ будто небесный радостный вѣстникъ коснулся ихъ крыломъ своимъ.

— Гдѣ это пропадалъ ты, мой изумрудный крестикъ, — сказалъ Патокинъ, поцѣловавъ ее въ разгорѣвшуюся щеку, когда Дуня подошла къ рукѣ его.

— Бѣгала по дѣлу мамаши, — отвѣчала она, сѣла подлѣ старушки и стала исполнять свои обыкновенныя обязанности, какъ самая усердная хожалка; но смущеніе и озабоченность замѣтны были на лицѣ ея.—Какъ искуснѣе передать эти деньги Джонсу, чтобы не видѣлъ этого маневра Сергѣй Семенычъ, отъ котораго это скрыть хотятъ, думала она и по временамъ украд-

кою бросала тревожные взгляды то на англичанина, то на Марѳу Михайловну. Кстати вскорѣ выручилъ ее Опенкинъ. Вниманіе всѣхъ обратилось на него. Онъ пришелъ расфранченный въ пухъ, въ нарядѣ, который надѣвалъ только въ Свѣтлое Христово Воскресенье. Отъ прежней одежды осталась одна фуражка, которую онъ почтительно держалъ въ рукѣ.

— Браво! — закричалъ Патокинъ, — каковъ нашъ Елизаръ Самсонычъ? Хоть къ вѣнцу. Да не пришелъ ли, братецъ, въ самомъ дѣлѣ звать на рукобитье?

Хозяйка хохотала отъ души, всѣ смѣялись; одна названная бабушка не принимала участія въ общей веселости.

Этимъ временемъ воспользовалася Дуня, чтобы осторожно вручить Джонсу таинственную посылку. Она подняла на него умоляющій взглядъ и приложила палецъ къ губамъ. Джонсъ понялъ эту мимику и, въ знакъ согласія, кивнулъ ей утвердительно. Чего-бъ онъ не сдѣлалъ для нея!... Когда-жь утихли общія поздравленія и привѣтствія герою этой сцены, зоркій глазъ Патокиной замѣтилъ, однакожъ, несчастную фуражку.

— Человѣкъ! — сказала она стоявшему невдалекѣ слугѣ,—возьми у Опенкина картузъ и брось его куда хочешь, хоть въ помойную яму.

Сергѣй Семеновичъ посмотрѣлъ на свою жену и покачалъ головою, давая знать, что шутка заходитъ слишкомъ далеко.

Слуга колебался исполнить приказаніе Патокиной.

— Возьми, говорю я тебѣ,—повторила она, возвысивъ голосъ,—ты знаешь, я два раза не приказываю.

Слуга взялъ изъ рукъ мизернаго человѣчка картузъ.

— На мѣсто этого дурацкаго колпака,—прибавила Марѳа Михайловна, — принеси изъ барскаго гардероба лучшій картузъ и отдай этому господину.

Новый щегольской картузъ былъ принесенъ и врученъ Опенкину.

— За особенную честь почту, — сказалъ онъ, — носить этотъ картузъ, который покрывалъ голову моего благодѣтеля.

На дворѣ, за оградой сада, послышались какіе-то тревожные голоса, довольно многочисленные.

Патокинъ смутился, жена его бросила грозный взглядъ на Опенкина, Дуня тоскливо посмотрѣла на Джонса, Джонсъ взглянулъ на Опенкина. Онъ видѣлъ, что зловѣщій живчикъ не играетъ на лицѣ его. Слышанные голоса были довольно громки, но вялы и отрывисты. Ему слишкомъ хорошо знакомы были другіе, тревожные голоса, въ другой странѣ, когда неудовольствіе рабочихъ на хозяина овладѣетъ массами. Они вылетаютъ тогда единодушно, будто изъ тысячей мѣдныхъ трубъ; они покрываютъ вой бури, стонъ рѣчныхъ водъ, прорвавшихъ плотину, обхватываютъ цѣлое графство, разливаются по цѣлой странѣ, взбѣгаютъ по лѣстницамъ парламента и смущаютъ сонъ обитателей Виндзора. Джонсъ увѣрился, что голоса, раздававшіеся на дворѣ, хотя и похожіе на демонстрацію, однакожъ неопасны, и догадался, что Опенкинъ успѣлъ обѣщаніями, магическимъ словомъ: «на водку» такъ сильно дѣйствующимъ на русскаго человѣка, отвесть отъ своей головы тучу, готовую надъ нимъ разразиться.

— Фальшивая тревога, — сказалъ онъ вполголоса, обращаясь къ Дунѣ.

Слуга былъ посланъ узнать, что дѣлается тамъ, на дворѣ, и возвратясь доложилъ, что фабричные требуютъ дозволенія проститься съ хозяиномъ и проводить его съ хлѣбомъ-солью, что запряженныя лошади встревожились и кучера гонятъ народъ со двора.

Лица Дуни и Патокиной просвѣтлѣли. Опенкинъ видимо торжествовалъ и бросалъ ироническіе взгляды на Джонса, будто хотѣлъ сказать: «что взялъ басурманъ»?

Патокинъ велѣлъ благодарить фабричныхъ и сказать имъ, что какъ скоро напьется чаю и отслужитъ напутственный молебенъ, придетъ съ ними проститься, а кучерамъ велѣлъ отъѣхать за ворота.

— Что они вздумали горланить во дворѣ хозяина, — прибавила Потокина, — могутъ подождать!

Между тѣмъ какъ происходили эти переговоры, вошли въ садъ два новыя лица — старичокъ съ сѣдою ощипанной бородой, съ круглымъ брюшкомъ, въ русскомъ кафтанѣ кирпичнаго цвѣта, застегнутомъ на крючки, и старушка въ малиновой штофной душегрѣйкѣ, обложенной золотыми галунами, въ огромномъ кокошникѣ, вышитомъ золотомъ и жемчугомъ. Они обратились лицомъ къ главѣ церкви, видной изъ-за каменной ограды, сотворили крестныя знаменія, ударяя себя въ плечи концами перстовъ, сложенныхъ по раскольничьему обряду, поклонились *честной компаніи* на три стороны и перецѣловались со всѣми на обѣ щеки, кромѣ Джонса, котораго считали, вѣроятно, нечистымъ животнымъ.

Это были родители великолѣпной дамы, гаспожи Патокиной.

Дочка очень равнодушно кивнула имъ, и вмѣсто всякихъ сердечныхъ привѣтствій, сказала только каждому: «здравствуйте, батюшка, здравствуйте матушка», допустила ихъ приложиться устами своими къ ея щекамъ, не безъ боязни однакожь, что отъ этого прикосновенія слетитъ искуственный румянецъ съ ея лица, и указала имъ рукой на пустые стулья. Такое обращеніе дочери съ отцомъ и матерью сначала сильно волновало Джонса и Дуню, но со временемъ они по-

привыкли къ нему. Теперь, такъ какъ у Патокиныхъ не было никого кромѣ домашнихъ, родители принимались въ общемъ кругу. Когда жь бывали посторонніе, особенно почетные гости, стариковъ вводили черезъ заднюю лѣстницу въ чайную или дѣтскую, гдѣ оставляли ихъ однихъ возсѣдать на своихъ сѣдалищахъ и размышлять о суетахъ міра, пока дочка, урвавшись на минуту отъ гостей, удостоивала облобызаться съ ними. Разумѣется, на обѣды и пиры ихъ никогда не приглашали. Родители, съ своей стороны, не оскорблялись такимъ обращеніемъ, по крайней мѣрѣ, не смѣли этого выказывать и сами относились къ дочери и зятю съ особенными знаками уваженія. Они довольны были и тѣмъ, что лучи богатства и почета Патокиныхъ падали на нихъ хоть мимоходомъ—счастливые тѣмъ, что получали отъ дочери обильныя пособія. Чтобы не слыть дочерью банкрута, Марѳа Михайловна заплатила за отца долги его; чтобы не слыть дочерью мѣщанина, она вносила за него гильдейскія повинности. Къ довершенію благополучія ея родныхъ, великолѣпная дама не принуждала ихъ одѣваться въ нѣмецкое платье. Надо сказать, что самъ Патокинъ старался иногда смягчать холодность этого обращенія то ласковымъ словомъ, то пожатіемъ руки у старика, то усерднымъ приглашеніемъ ихъ сѣсть, потому что они всегда церемонно вставали, какъ скоро дочка или зять входили въ комнату, гдѣ они сидѣли въ заключеніи. И на этотъ разъ, когда обильное угощеніе чаепитіемъ произвело на нихъ дѣйствіе банныхъ паровъ, Патокинъ обратился къ тестю съ вопросами о ходѣ торговыхъ дѣлъ въ мучныхъ лавкахъ и на базарѣ. Далѣе понятія старика не простирались. Дуня, съ своей стороны, трудилась изо всѣхъ силъ занять тещу, принялась даже за стряпню и удой коровъ. Но какъ бесѣда съ обѣихъ сторонъ не вязалась, то Дуня

замолчала; Патокинъ, однакожъ, пытался расшевелить языкъ тестя новымъ предметомъ разговора.

— Вотъ, батюшка, Михаилъ Парамонычъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ нему: — купилъ себѣ деревеньку, землицы при ней малое-толико—болѣе тысячи десятинъ, луговъ заливныхъ до двухъ-сотъ, есть довольно строевого и дровяного лѣса, садъ плодовый на нѣсколькихъ десятинахъ, не считаю англійскаго; богатая усадьба!

— Текъ-съ! экая палестина! — произнесъ тесть, качая головой.

— Хочу сдѣлаться пахаремъ.

— Не къ лицу вашей милости, — отвѣчалъ старикъ, изумленный, что такой важный и богатый человѣкъ, какъ его зять, принимается за полевыя работы.—Чай, при деревнѣ и крестьянъ есть вдоволь и староста имѣется, всю работу и безъ васъ справятъ. На то и созданы рабы отъ Бога, чтобы работать на господъ.

— Рабовъ у насъ нѣтъ, Михайла Парамонычъ, — возразилъ Патокинъ,—а есть крѣпостные люди. Разумѣется, я самъ пахать не стану, ни косить, ни молотить, а буду нанимать тѣхъ же крестьянъ, какъ нанимаю теперь рабочихъ на свою фабрику.

— Какъ же, мужички крѣпостные и будутъ работать по волѣ?

— Вы знаете, купцы не имѣютъ права владѣть людьми. Мужички не мои. Они принадлежатъ генералу Огрызкову, на чье имя куплена деревня. Я только управляю ими по довѣренности. Конечно, по этой довѣренности, могу заставить ихъ работать на меня, но хочу, чтобы они были словно вольные, буду платить имъ деньги за работу, какъ это дѣлаютъ въ чужихъ краяхъ. Тамъ все вольные, а работы идутъ лучше нашего, и владѣльцы земель

получаютъ съ нихъ больше доходу, нежели наши помѣщики.

— Пожалуй, ты ихъ доведешь до того,—перебила Марѳа Михайловна съ неудовольствіемъ, — что они тебя самого запрягутъ въ соху. Удивляюсь, однакожъ, почему коммерціи совѣтникамъ не дано у насъ права покупать людей на свое имя; имъ пишутъ: его высокоблагородію, они считаются въ чинѣ маіора (при словѣ «маіора» она возвысила голосъ, желая придать еще болѣе значенія этому чину.)

— И слава Богу, матушка. Было время, когда каждый писецъ, личный дворянинъ, имѣлъ своихъ крѣпостныхъ и жена его называла свою служанку рабою, когда помѣщицы на ярмаркахъ промѣнивали своихъ дѣвокъ татарамъ на шали. Благодаря нашему благодѣтельному и разумному правительству, время это миновалось и не возвратится. Поговариваютъ даже, что и дворяне не будутъ имѣть крѣпостныхъ людей.

— Ну ужь, батюшка, Сергѣй Семенычъ, я и вдомекъ не возьму, — осмѣлился возразить старичекъ: — какой это будетъ дворянинъ безъ крѣпостныхъ людей. Только и отличка отъ нашего брата.

— Если только на этомъ основывать отличіе, — перебилъ Джонсъ: — такъ оно постыдно. У насъ дворянинъ, по нашему джентльменъ, ландлордъ, потому считается выше другихъ, что знаетъ болѣе другихъ всякую науку, что онъ неподкупной честности, благороденъ не одною личностью своей, а дѣлами. За то и ставится правительствомъ или народомъ защищать права всѣхъ сословій, защищать слабыхъ и бѣдныхъ отъ притѣсненія сильныхъ. Онъ правая рука государя въ совѣтѣ его, мечъ противъ нарушителей правды, противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Будетъ время, и въ Россіи дворяне будутъ гордиться этимъ отличіемъ, а не тѣмъ, что имѣютъ на свое имя людей.

Рѣчь Джонса была не совсѣмъ понятна для старичка; но Дуня, привыкшая къ ломанному языку англичанина, съ жаромъ перевела ее по своему, такъ что и самый простой человѣкъ могъ ее понять. Грудь ея волновалась, глаза горѣли необыкновеннымъ огнемъ. Покончивъ свой переводъ, она съ одушевленіемъ прибавила уже отъ себя въ заключеніе:

— О Господи! пошли скорѣе это время, вложи въ сердце царя горячую мысль сдѣлать свой народъ свободнымъ. Какая слава можетъ быть выше этой?

Сергѣй Семеновичъ слегка погрозилъ Дунѣ пальцемъ.

Румяное и полное лицо Джонса такъ и сіяло удовольствіемъ. Пока она переводила его рѣчь, онъ все ударялъ ладонью по столу, будто билъ тактъ, прибавляя:

— Такъ, такъ, прекрасно, миссъ Дуня!

Но когда она перестала говорить, англичанинъ протянулъ ей черезъ столъ свою дебелую руку, въ которой скрылась ея ручка, какъ птичка въ пасти огромнаго кота, и прогремѣлъ своимъ басомъ:

— Клянусь вамъ, я желалъ бы имѣть такую дочку и гордился бы ею. Лучше того, что вы сказали, не могла бы сказать королева Викторія въ рѣчи своей парламенту.

Лицо Патокиной все болѣе и болѣе хмурилось. Разговоръ этотъ не могъ ей нравиться, потому что предметомъ его было ограниченіе чьей-либо власти, а это было противно ея натурѣ, и потому что первенство въ немъ принадлежало другому. Въ такомъ случаѣ она никого не щадила, даже тѣхъ, къ кому была истинно привязана. Видно было, что она долго удерживалась отъ вспышки, готовой разразиться надъ Джонсомъ и Дуней; наконецъ не выдержала и сказала съ гнѣвомъ:

— Охота вамъ, Джонсъ, своею неосторожною рѣчью кружить голову этой сумасбродной дѣвочки. Она и безъ васъ нахваталась разнаго вольнодумства отъ своей швейцарки...

— И отъ Владиміра Сергѣича, — прибавила Дуня.

Марѳа Михайловна пристально посмотрѣла на нее.—Почему жь не Володи?.. Ты его прежде всегда такъ называла. Что за перемѣна?

— По тону разговора, — сказала съ твердостью Дуня.

— Сынъ мой, — продолжала Марѳа Михайловна, сдѣлавшись пунцовою отъ досады:—дѣло другое; онъ знаетъ, гдѣ и что говорить; онъ уже студентъ университета. Совѣтую тебѣ молчать, когда говорятъ старшіе о такихъ порядкахъ, въ которыхъ ты знаешь столько же толку, сколько Параша (Патокина указала на четырнадцатилѣтнюю вертлявую дѣвочку, стоявшую за стуломъ старушки).

Дуня хотѣла что-то возразить, но Патокина сердито закричала на нее:

— Молчать, когда я тебѣ приказываю! Вспомни, что ты такое...

— Луковская мѣщанка, — сказала Дуня съ энергіей, побагровѣвъ отъ стыда и глотая слезы, готовыя выступить изъ глазъ. — Но развѣ мѣщанка не человѣкъ? Будто ей отказано въ смыслѣ и чувствѣ, будто ей нельзя высказаться передъ тѣми, которыхъ она привыкла любить, которые не отказывали ей до сихъ поръ въ этомъ правѣ? Мы не въ собраніи законниковъ.

— Не трожь ее, Марѳа, — сказала названная бабушка, гнѣвно посмотрѣвъ на свою невѣстку и силясь обнять дрожавшею рукою дѣвушку, невольно наклонившуюся. — Старичекъ со звѣздой не приказываетъ.

Такая защита была дѣйствительнѣе другихъ. Считалось во всемъ домѣ большимъ грѣхомъ огорчить чѣмъ-нибудь старушку.

— Напрасно, мой другъ, обижаешь Дуню, — съ неудовольствіемъ промолвилъ Сергѣй Семеновичъ, обращаясь къ женѣ. — Мы ее держимъ и любимъ, какъ родную дочь. Въ первый разъ слышу отъ тебя такой жестокій и неразумный упрекъ. Безразсудно и грѣшно! Нынче она мѣщанка, завтра можетъ быть купчихой, какъ и ты: стоитъ только заплатить гильдейскія повинности. Купецъ завтра можетъ быть... (онъ хотѣлъ сказать: мѣщанинъ, но не договорилъ). Сравнивать же ее съ Парашей ни въ чемъ нельзя. Параша все-таки служанка. Экая бѣда, что Дуня высказалась, какъ понимаетъ и чувствуетъ!

Дуня, удовлетворенная защитою своего воспитателя и бабушки, забыла тотчасъ сдѣланное ей оскорбленіе, бросилась съ жаромъ цѣловать у Патокиной руку и просила у ней прощенія, что сказала, можетъ быть, лишнее. Марѳа Михайловна сначала слегка оттолкнула ее. Видно было, что властолюбіе ея боролось съ добрымъ сердцемъ, наконецъ послѣднее побѣдило. Обезоруженная ласками Дуни, она искренно поцѣловала ее въ знакъ примиренія и сама просила у ней извиненія, что ее обидѣла; просила, чтобъ ея глупая вспышка была забыта.

— Кто противъ Бога и великаго Новгорода? — весело произнесъ Патокинъ, пожавъ съ нѣжностью у жены руку... — Ну, не сердись на насъ, душа моя, Марѳа Посадница.—(Такъ шутя онъ иногда называлъ ее).

Патокина улыбнулась.

— Шути, шути,—сказала она. — Совѣтую и тебѣ перестать пересыпать изъ пустого въ порожнее. Развѣ забылъ, что́ сдѣлалось съ отцомъ твоимъ? Взгляни-ка

на мать. Про Джонса скажутъ, онъ иностранецъ, про Дуню—малолѣтняя (по закону, прибавила она, чтобъ не оскорблять болѣе свою воспитанницу), а тебѣ можетъ и не сойти съ рукъ.

Такое сильное убѣжденіе заставило всѣхъ прикусить языкъ. Опенкинъ и безъ того, во время общаго разговора, не проронилъ слова, или отъ осторожности, или потому, что не соглашался въ душѣ съ мнѣніемъ главныхъ собесѣдниковъ. Тесть испугался не на шутку и всталъ со стула. За нимъ послѣдовала и его супруга. Она давно была нѣма, какъ рыба, и еслибъ могла, заткнула бы себѣ уши, чтобъ не слышать рѣчей, которыя принимала за богопротивную ересь. Оба поблагодарили хозяина и хозяйку за угощеніе и ласки, просили *напредки* ихъ не оставлять, сотворили опять крестныя знаменія, обратясь къ церковной главѣ, опять перецѣловались со всѣми членами общества, кромѣ Джонса, и отправились домой.

— Теперь,—сказалъ Патокинъ:—передъ отъѣздомъ хочу сказать вамъ мое послѣднее слово любви и мира, вамъ, мой добрый, честный и усердный Джонсъ, и вамъ, Елизаръ Самсонычъ. Можетъ быть, послѣ молебна, мнѣ и не удастся. О дѣлахъ мы толковали такъ много, убѣжденій остаться въ крѣпости при фабрикѣ слышалъ я также безъ числа, и не желаю болѣе ихъ слышать. Рѣшено. Во всемъ, какъ вы знаете, я уступчивъ; но на этотъ разъ не перемѣню того, на чемъ остановился. Ѣду на покой, хочу отдохнуть отъ дѣлъ, которыя заняли всю жизнь мою отъ самыхъ юныхъ лѣтъ. Я здѣсь живу посреди фабрикъ, будто посреди остроговъ, въ звукахъ паровика слышу стоны заключенныхъ; вѣчно стукъ ударяетъ мнѣ въ уши, дышу однимъ дымомъ. Въ глазахъ рябятъ безпрестанно числа, бумажныя нити. Это хоть кого измучитъ. Наконецъ и самъ сдѣлаешься какою-то маши-

ной. Здоровье мое портится, духомъ падаю, хочу обновить то и другое деревенскою жизнью, хочу подышать свѣжимъ воздухомъ, заняться полевыми работами, садоводствомъ. Это было всегда моею любимою мечтою. Я родился не фабрикантомъ, а фермеромъ и развѣ садоводомъ. Оставляю фабрику и торговыя дѣла на хорошихъ рукахъ.

— Хотя и жаль намъ разстаться съ вами, Сергѣй Семенычъ, — проговорилъ Опенкинъ глубоко тронутымъ голосомъ и прижавъ новый картузъ къ своему сердцу: — но ваше здоровье для насъ такъ дорого... мы готовы для сохраненія его удесятерить наши труды.

— Мои убѣжденія были напрасны, — сказалъ Джонсъ. — Вы хозяинъ въ своихъ поступкахъ. И потому мнѣ осталось только пожелать, чтобы Господь хранилъ васъ съ семействомъ на всѣхъ путяхъ вашихъ. Объ одномъ прошу: навѣщать насъ почаще для повѣрки нашихъ дѣйствій.

— Буду, буду пріѣзжать. Въ случаѣ экстренной надобности посылайте за мной нарочнаго; я сейчасъ прискачу. Двадцать верстъ какъ рукой подать. Теперь объ одномъ прошу васъ, продолжайте дѣйствовать, какъ вы дѣйствовали при мнѣ. Обнимите меня на прощанье, братъ и другъ мой Джонсъ.

Джонсъ смутился; на глаза его набѣжали слезы.

— Живите мирно, каждый занимайся своею частью и оба помогайте другъ другу. Тебѣ, Елизаръ Самсонычъ, особенно поручаю рабочихъ. Ради Бога, въ разсчетахъ съ ними не дѣлай тѣхъ гнусныхъ продѣлокъ, которыя, къ стыду нашему, водятся у нѣкоторыхъ нашихъ фабрикантовъ. Пускай пропадаютъ мои интересы; хочу только, чтобы соблюдались интересы бѣднаго человѣка. Тебѣ особенно Елизаръ Самсонычъ, наказываю это, потому что у тебя — извини меня —

сердце жестоконько. Опять скажу, ты стараешься соблюдать мои выгоды, поступаешь по правиламъ фабричнымъ... Ну ихъ, эту строгость, эти правила! Говорю тебѣ, они противны мнѣ. Помни болѣе всего, что фабричные — твои ближніе, что трудъ ихъ тяжелъ. Посмотри на ихъ испитыя лица, на ихъ вдавленныя груди. Многіе ли изъ нихъ умираютъ не отъ чахотки?

Джонсъ обѣщалъ молчать и угрюмо молчалъ, тѣмъ болѣе, что половина дѣла была сдѣлана рѣчью самого Патокина.

Гнѣвный голосъ *бабушки* покрылъ послѣднія слова Патокина.

— Накажи строже, Сергѣй,—говорила она, выпрямившись и грозя дрожащею, изсохшей рукой на Опенкина:—накажи строже. Онъ больно обижаетъ бѣдныхъ рабочихъ. Убьетъ его Богъ! Не придетъ старичекъ со звѣздою спасти его.

Сергѣй Семеновичъ смутился.

— Слышите ли, Елизаръ Самсонычъ, что говоритъ матушка?—грустно произнесъ онъ.—Болѣе къ словамъ ея ничего не прибавлю. Помните ихъ. Эхъ! я не съ такими чувствами думалъ выѣхать изъ Луковокъ. Вы испортили нѣсколько дней моей жизни.

— Патокинъ посмотрѣлъ на мать свою — она уже погружена была въ свою прежнюю летаргію; онъ взглянулъ на Опенкина — лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго и страшно подергивало. Сергѣю Семеновичу стало жаль его; онъ хотѣлъ бы разстаться безъ неудовольствія со всѣми, кого считалъ своими близкими людьми. Обратясь къ главному приказчику, онъ сказалъ ему болѣе ласковымъ голосомъ:

— Можетъ быть, матушка... Я хочу забыть слова ея, какъ будто ихъ не слыхалъ. Помню вашу службу отцу моему, ваши большія и большія услуги мнѣ самому, помню, что у васъ есть сынъ, котораго имя

надо поберечь... онъ уже чиновникъ... Но, — прибавилъ Сергѣй Семеновичъ: — если рабочіе когда-нибудь на васъ пожалуются, несмотря ни на что... мы съ вами разстанемся.

Слуга доложилъ, что священникъ и церковники пришли служить молебенъ.

— Кстати, — сказалъ Сергѣй Семеновичъ: — помолимся о мирѣ душъ нашихъ и о прощеніи всѣхъ, насъ обидѣвшихъ, и протянулъ свою руку Опенкину, которую тотъ едва не поцѣловалъ.

Затѣмъ все общество отправилось въ домъ.

Подлѣ террасы стоялъ старикъ въ синемъ армякѣ, подпоясанномъ краснымъ шерстянымъ кушакомъ; голый черепъ его сіялъ подъ солнечными лучами, глаза безъ рѣсницъ, окруженные двумя кровяными чертами, подслѣповато смотрѣли. Онъ схватилъ руку Патокина и силился поцѣловать ее; руки не дали, а крѣпко обняли старика.

— А, Матвѣй!—сказалъ Сергѣй Семеновичъ: — не думай, чтобы я тебя забылъ: я не уѣхалъ бы, не простившись съ тобой. Ты былъ слуга вѣрный отцу моему и мнѣ. Мы всѣ вмѣстѣ выростили этотъ садъ, работали въ немъ, холили его. Оставлю его во всей красотѣ, какъ былъ онъ при батюшкѣ. Жаль мнѣ разстаться съ нимъ. Знаю, пока ты живъ, будешь радѣть о немъ, какъ объ родномъ дѣтищѣ. Хотѣлъ бы взять тебя съ собою, но...

— Нѣтъ, батюшка, — перебилъ его старикъ: — я былъ молодъ, когда мы разводили этотъ садъ, теперь я старъ, немного осталось мнѣ пожить... Хочу и умереть при немъ... Велите только на моей могилѣ посадить яблонку, что возлѣ моей избушки; батюшка вашъ, дай Богъ ему царствіе небесное! больно любилъ ее... на ней словно райскія яблочки растутъ... подъ нею веселѣе мнѣ будетъ лежать.

— Не забуду, старикъ. Богъ дастъ, еще поживешь годы. А чтобъ тебѣ было при жизни хорошо, я велѣлъ Опенкину доходы съ сада всѣ тебѣ отдавать.

— Эхъ, батюшка, куда мнѣ такое богатство? Я и безъ того доволенъ милостью вашею. Много-ли мнѣ надо? А у меня и родные только что вы. Прикажите-ка лучше денежки эти отсылать къ сынку вашему Владиміру Сергѣичу... на леденецъ или на пряники годятся... Чай, ему, голубчику, нечѣмъ полакомиться, когда захочетъ—не у родной матушки живетъ.

Патокинъ засмѣялся.—У него на лакомство довольно денегъ отъ меня,—сказалъ онъ

— Не поперечьте, батюшка, Сергѣй Семенычъ, потѣшьте старика. На то моя добрая воля.

Патокинъ на прощаніи обнялъ еще старика.

— Прощай, Матвѣй,—сказала ласковымъ голосомъ Патокина, протянувъ ему руку.

— Позвольте и вашу ручку, барышня ненаглядная моя,—пробормоталъ старикъ Дунѣ, когда она съ нимъ поравнялась.—Не забудьте, какъ я училъ васъ прививать: помните, глазкомъ лучше. Да не поминайте меня лихомъ, что подчасъ васъ журилъ Правда, доставалось и мнѣ за васъ отъ братца вашего Владиміра Сергѣича. Такъ, бывало, и налетитъ на меня ястребкомъ. Я вамъ, при оказіи, и прививочекъ, отъ лучшихъ яблонь пришлю—первый сортъ.

— Не забуду, не забуду, Матвѣй Яковличъ,—сказала Дуня, поцѣловавъ старика:—какъ прививать стану, всегда вспомню о своемъ учителѣ А что журилъ, такъ мнѣ впрокъ пошло.

Когда всѣ удалились, Матвѣй долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, провожая отъѣзжающихъ глазами, которые уже плохо видѣли, и бормоча всѣмъ имъ благословеніе, котораго они не могли слышать.

Отслужили напутственный молебенъ. Семейство

Патокина, собравшись въ дорогу, присѣли на диваны и кресла, накрытые бѣлыми чахлами, въ знакъ печальнаго опустѣнія дома, когда пришли доложить, что голова съ обществомъ просятъ проститься съ Сергѣемъ Семеновичемъ. Приняли ихъ.

Всѣ чины городского общества, войдя въ пріемную комнату, пыхтѣли и отдувались, какъ будто совершили тяжелый подвигъ, обгладили разнокалиберныя свои бороды, расчесали ихъ своею пятернею, словно прядки льну, и стали полукругомъ по старшинству должностей и гильдій—впереди ихъ голова, дюжій старикъ, отличавшійся широкою бородою въ видѣ лопаты и гуменцемъ, остриженнымъ подъ гребенку. Между ними были только два либерала съ оголенною личностію. При входѣ ихъ понесло прогорклымъ коровьимъ масломъ, котораго они не пощадили на свою прическу. У тѣхъ, которые были въ русскихъ кафтанахъ съ золотымъ шитьемъ, означающимъ ихъ классы, мотался на боку кортикъ, и только у двухъ либераловъ при кургузыхъ мундирахъ—шпага; они не знали, какъ съ нею сладить: то болталась она у нихъ между колѣнъ, то зацѣпляла сосѣда. Подлѣ головы стоялъ ассистентъ, держа на блюдѣ коровай чернаго хлѣба и на немъ серебряную солонку съ солью. У входныхъ дверей, при рогожномъ кулькѣ, изъ котораго выглядывала сахарная голова, вытянулись въ струнку два молодца, какъ стража, охраняющая сокровище. Когда вошелъ къ нимъ Патокинъ, всѣ низко поклонились, отряхнули головы и снова погладили свои бороды. Голова принялъ изъ рукъ своего ассистента блюдо, поднесъ его Сергѣю Семеновичу, указалъ на кулекъ и промолвилъ:

— Прошу принять хлѣбъ-соль отъ усердія нашего на здоровье и на добрый путь.

— Напрасно безпокоились, — отвѣчалъ Патокинъ, обмѣнявшись рукопожатіемъ съ головой и поклонив-

шись на три стороны всему обществу. — Я ужь теперь человѣкъ частный.

— Мы не скоты какіе неблагодарные, — перебилъ голова: — сколько лѣтъ родитель вашъ, дай Богъ ему царствіе небесное, былъ у насъ головой, да и вы лѣтъ двѣнадцать правили эту должность: стараго и малаго не обидѣли перстомъ, учили насъ, дураковъ, уму-разуму, стояли за наши интересы горой, знали всякое обхожденіе съ большими чинами, умѣли и принять, и угостить, и замолвить за насъ доброе слово, да и грамотой не обижены, не то что мы, грѣшные. Вотъ хоть бы я теперь, словно новорожденный младенецъ, ни къ ставцу сѣсть, ни ко рту подместь.

— Благодарю васъ, господа; я исполнялъ только долгъ мой. Поучитесь маленько, справитесь, лишь бы усердіе было.

— Что и въ усердіи, коли нѣтъ умѣнья. Какъ ни бейся лбомъ объ стѣну, все-таки не прошибешь.

— А что, побывали въ губернскомъ городѣ, властямъ поклонились?—спросилъ Патокинъ.

— Охъ, батюшка, вымучили тамъ душку по разнымъ мытарствамъ. Вспомнилъ я холерный годъ, какъ нанимали за себя въ карантинѣ сидѣть. Числится по спискамъ — сидитъ, къ примѣру сказать, купецъ 2-й гильдіи Прохоръ Парамоновъ, а на лицо крестьянинъ какой-нибудь Антонъ Сидоровъ—право слово. Кабы можно было на эвтотъ манеръ нанять кого съѣздить въ губерню, ей-ей не пожалѣлъ бы двухъ тысячъ: гуляй на мой коштъ, сколько душѣ угодно.

Патокинъ засмѣялся, засмѣялись за нимъ и всѣ члены общества.

— Были у начальника губерніи?—спросилъ Сергѣй Семеновичъ.

— Какъ же, сударь, съ него началъ, на то и главный начальникъ. Скажу вамъ, такой добродѣющій и

ласковый, да и собой ражій — мое почтенье, первый сортъ. Изволилъ посадить противъ себя въ кресла, а тутъ стоитъ офицеръ съ густыми аполетами, да съ ножки на ножку переминаетъ. Сталъ его превосходительство разспрашивать про думскія дѣла и городскія: сколько дѣлъ нерѣшенныхъ, сколько входящихъ не заслушано, сколько исходящихъ въ теченіе года. Разумѣется, человѣкъ небывалый, я и сталъ втупикъ. Да и господинъ такой важный, сидитъ передъ тобой, ошибешься, такъ пожалуй въ сибирку засадятъ. Думаю, скажу спроста всю правду, будь что будетъ—не сниметъ же головы. Про то секретарь знаетъ, говорю я: мы за эвто ему и жалованье платимъ. Усмѣхнулся только; потомъ сказалъ:— «правда, вы человѣкъ новый. Накажите вашему секретарю, чтобы исправнѣе статистическія свѣдѣнія доставлялъ. А то въ прошломъ году, въ одномъ городѣ, въ графѣ рогатаго скота, поставили козла, да двухъ козленковъ, а козы нѣтъ. Стали перебирать прежнія вѣдомости, и тамъ козы не оказалось. Откуда-жь взялись козлята? сами посудите. Стыдно, получаешь за васъ замѣчанія. Да вотъ, какъ станете о народномъ здравіи доносить... Что бишь въ нашемъ проэктѣ объ этомъ написано?»—спросилъ онъ тутъ, оборотившись къ дѣтинѣ, что сидѣлъ неподалеку за столомъ и строчилъ бумагу. Говорятъ, присланъ изъ Питера. Молодехонекъ, а слышно, правда ли, въ генералы наровитъ.—По нашему проэкту,—отвѣчалъ онъ, не вставая:—чтобъ узнать крѣпость и силу жителей города или села, надо взять трехъ человѣкъ: одного худощаваго, другого потолще, а третьяго самаго толстаго, да поставить ихъ всѣхъ на вѣсы; сколько вѣсу будетъ въ нихъ, раздѣлить на три, и тогда можно будетъ знать, сколько крѣпости въ народѣ.

«— Затвердилъ я въ головѣ эвти слова, да пере-

бираю по пальцамъ, да и говорю губернатору: смекаю, ваше превосходительство, неладно будетъ.

«— Какъ не ладно?—вскричалъ онъ.

«Не оробѣлъ я и говорю: — а коли поставить на вѣсы мужика въ водянкѣ, всѣхъ перетянетъ; какая-жъ тутъ крѣпость? того и гляди на тотъ свѣтъ уйдетъ.

«— Свѣтлая голова! — молвилъ онъ, и погладилъ меня рукой по головѣ: отъ ручки такъ розаномъ и понесло.

«— Сорока лѣтъ началъ уже сѣдѣть, ваше пре восходительство, отвѣчалъ я.

«— А то неравно,—молвилъ онъ: – и тамъ найдется *такой*, пожалуй осмѣетъ насъ

«— Вижу, будущій генералъ (голова лукаво подмигнулъ глазомъ) крѣпко смутился и косо посмотрѣлъ на меня.

«— Не хотите ли познакомиться съ моей женой?— спросилъ меня губернаторъ.

«— Много милости, ваше превосходительство, — отвѣчалъ я.

«— Проводите его къ женѣ,—сказалъ онъ офицеру съ густыми аполетами.

«— Пришелъ я къ начальницѣ губерніи, удостоился приложиться къ ручкѣ. Принесли въ скорости большую книгу въ бархатномъ окладѣ, словно какая церковная; не угодно ли, дескать, подписаться на сиротъ, сколько душѣ въ мѣру. Жертвую молъ, ваше превосходительство, пять сотъ рублевъ. Подали золотую чернильницу, да сунули мнѣ перо въ руки. Сѣлъ я на стулъ вт родѣ скамеечки—того и гляди упадешь съ нея—сталъ выводить каракульками свою должность, имя и фамилію... А тутъ, на мою голову, случись этакая оказія, право слово! Взберись за мною сынокъ губернаторскій, лѣтъ десяти, чай, будетъ, шустрый такой! да изъ-за плеча моего читаетъ по складамъ, что я пишу, и за-

смѣйся.—«Что это вы пишете? говоритъ: лу-каф-ской—гратской га-ла-ва Сидоръ Агурчиковъ. Надо писать го-ло-ва градскій съ добромъ, отъ города, града, а не съ твердомъ; Огурчиковъ, а не Агурчиковъ. Больно смутился я и оробѣлъ; инда руки затряслись, потъ градомъ прошибъ. Кабы мальчуганъ изъ своихъ купеческихъ или мѣщанскихъ, выдралъ бы ему порядкомъ вихоръ, долго помнить бы сталъ: не смѣйся щенокъ надъ стариками. А тутъ спасовалъ. Хотѣлъ было засыпать написанное пескомъ, да и хвать второпяхъ чернильницу вмѣсто песочницы: такую лужу напустилъ на книгу, что ахти мнѣ! Ничего, матушка, ваше превосходительство, говорю я, переводя духъ, дѣло поправимъ. За свою ошибку жертвую еще пятьсотъ рублевъ. На эти деньги можно, чай, новую книгу завести?»

— Прекрасно поправились,—сказалъ Патокинъ.

— Да такъ ходко, инда пригласить изволили къ столу своему откушать. Опять вспомнилъ я холерный годъ. А дѣлать было нечего, поѣхалъ. Не хотѣлъ ѣсть, поневолѣ ѣшь, потчуетъ усердно *сама*. А мальчуганъ губернаторскій такъ и смотритъ на меня ястребкомъ, словно налетѣть хочетъ, да вырвать кусокъ изо рта. Подали какія-то колючки, прахъ ихъ возьми! я и проглоти, чуть не подавился. Вижу, смѣются старшіе изподтишка, а пострѣленокъ такъ и прыснулъ, инда мать крѣпко пожурила, да изъ-за стола выгнала.

— И по другимъ властямъ прошлись?—спросилъ, усмѣхаясь, Патокинъ

Голова махнулъ рукой.

— Пошелъ тутъ ступеньки считать, даже въ глазахъ помутилось; то припадалъ къ казеннымъ, то къ уголовнымъ и гражданскимъ, то къ управителю губернаторской канцеляріи, къ дворецкому, къ барской барынѣ... Подарилъ ей-таки платочекъ, рубликовъ де-

сятка въ два. — Сувениръ отъ васъ, говоритъ: прахъ ее возьми, что за сувениръ! Кажись, торгуемъ всякими модными матеріями и платочками, есть у насъ и зонтики антуковые, а эвтого сорта не слыхалъ. Распоясывалъ бумажникъ, распоясывалъ, да и утомился. Домой пріѣхалъ—сплю, а все во снѣ хватаюсь за бумажникъ. Распоясывай, шепчетъ мнѣ лукавый. Хотѣлъ было забастовать на платочкѣ барской барыни, анъ говорятъ: надо къ дьячку знаменскому. — Зачѣмъ же къ дьячку, спрашиваю, отчитывать что-ли меня отъ вашихъ дьявольскихъ навожденій? Затѣмъ, говорятъ, скоро наборъ рекрутскій, привезутъ въ рекрута твоихъ мѣщанъ, а черезъ него всѣ дѣла по эвтой оказіи дѣлаются; надо заранѣе съ нимъ познакомиться. Пожалуй, и такъ: люди бывалые говорятъ, добра желаютъ. Мы словно слѣпцы: идемъ, куда ведетъ клюкой вожатый.

— Вотъ до какихъ тонкостей дошли, — перебилъ Патокинъ простодушнаго на видъ голову, и самъ пустился на откровенность.— Правда, знавалъ я ничтожнаго лекаришку; не имѣлъ практики, а занимался маклерствомъ своего рода. Дѣлалъ таки дѣла по одному вѣдомству, въ которомъ и не служилъ. Я самъ по порученію моего пріятеля, вручилъ ему большую сумму. А покрупнѣе люди, которые порѣшали это дѣло, сидѣли за ширмами, чуть ли не святые, и грозно преслѣдовали взяточничество въ мелкихъ чиновникахъ. Боже сохрани подступиться къ нимъ съ приносомъ: сейчасъ облаютъ, да еще потащутъ къ отвѣту, пожалуй, и въ тюрьму засадятъ. Но объ дьячкахъ до сихъ поръ не слыхалъ.

— Чтожъ дѣлать, сударь, побывалъ и у дьячка. Обѣщалъ свою руку. Посылали еще къ деньщику горнизоннаго офицера, у котораго рекруты на испытаніи. Ну, прахъ ихъ возьми! не пошелъ.

Стоявшій подлѣ головы ассистентъ, членъ думы,

смекнулъ, что начальникъ ихъ заговаривается, и дернулъ его за кафтанъ.

— Экой я пустомеля, заболтался, — да и забылъ вамъ сказать: — его превосходительство, губернаторъ приказалъ передать вамъ свой сердечный поклонъ. Такъ и сказалъ: передайте Сергѣю Семенычу мой сердечный поклонъ. Когда, дескать, поѣду въ вашъ городъ, заѣду къ нему непремѣнно въ деревню. Ужь не обойдите насъ, Луковцевъ, добрымъ словомъ своимъ.

Тутъ голова поклонился, за нимъ отвѣсили по поклону всѣ члены городскаго общества.

— Прошу васъ, господа,— сказалъ Патокинъ:—на случай пріѣзда губернатора въ Луковки или какой другой особы изъ губернскихъ властей или военнаго генерала, по прежнему назначать имъ квартиру въ моемъ домѣ. Располагайте имъ, какъ своимъ собственнымъ, общественнымъ. Опенкину прикажу, чтобы и угощеніе было на мой счетъ. Очень радъ буду и въ разлукѣ съ вами быть вамъ полезнымъ.

Опять поклонился голова и опять по этому флигельману отвѣсили поклоны члены городскаго общества.

Патокинъ раскланялся и отпустилъ было городское общество; но голова, не дошедши до дверей, воротился.

— Есть у меня комиссія отъ жены моей, хоть не къ вамъ, Сергѣй Семенычъ, а къ вашей питомкѣ, нашей гражданкѣ—слышно, ее зовутъ «изумрудный крестикъ». Вотъ видите, сударь, какое дѣло: захворалъ было у насъ мальчуганъ, лѣтъ пяти; жаба что ли, въ добрый часъ молвить, въ худой помолчать, захватила у него горлышко; ни пить, ни ѣсть не можетъ Въ мальчикѣ души не чаетъ мать, пригожій такой, да разумный. Хотѣлъ было я посылать за дохтуромъ, а жена говоритъ: не посылай, уморимъ; пошли лучше мамку къ питомкѣ Патокина, — говорятъ, даетъ зер-

нышки отъ всякой болѣсти, а можетъ и крестикъ, что на ней, посылаетъ исцѣленія. Отправили мамку: голубушка сама пришла къ намъ въ такую погоду, что и собаки не вызовешь изъ конуры, дождикъ такъ и слѣпилъ глаза. Посмотрѣла у мальчугана горлышко, приложила тряпочку съ мыльцемъ, да теплой кашицей съ масломъ велѣла прикладывать, да зернышковъ дала. Какъ рукой болѣсть сняла. И питье, и ѣда пошли въ потребу — бѣгаетъ ужь съ братишками. Приказала мать низко, низко поклониться вашей питомкѣ; будетъ, дескать, денно и нощно за нее молиться.

— Дуня, — крикнулъ Патокинъ, отворивъ дверь въ сосѣднюю комнату: — поди сюда, порадуйся.

Вошла Дуня, возобновились благодарности. Она искренно порадовалась и сказала, — что благодарить надо не ее, а Божью благодать.

Наконецъ, Патокинъ разстался и съ головой. Вздохнувъ свободнѣе, онъ съ своими домашними вышелъ на дворъ, гдѣ ожидала его толпа фабричныхъ. Сказана имъ приличная рѣчь, которая и увѣнчалась болѣе краснорѣчивымъ заключеніемъ — сѣренькимъ кредитнымъ билетомъ на водку.

Экипажи различнаго вида и величины стояли ужь у крыльца; битюги отъ нетерпѣнія ржали и рыли землю. Сергѣй Семеновичъ еще разъ обнялъ Джонса, потомъ осмотрѣлся кругомъ, какъ будто боясь встрѣтить взглядъ матери, смутился... Видно было, что онъ былъ въ какой-то нерѣшительности. Наконецъ, онъ обнялъ и Опенкина. Всѣ размѣстились въ экипажахъ по мѣстамъ. Дуня еще разъ протянула руку Джонсу.

— Рѣдкая дѣвушка, — сказалъ про себя англичанинъ, провожая ее глазами. — Кабы не лѣта мои!... Безумный, тебѣ ль объ этомъ помышлять. (Тутъ онъ сжалъ рукою грудь и грустно, грустно покачалъ головой). Дай Богъ ей счастія. Добрый, благородный

человѣкъ и воспитатель ея, — прибавилъ онъ, немного погодя: — но слабость характера его погубитъ.

Джонсъ оставался на чужбинѣ совершенно одинокій, имѣя возлѣ себя неразлучнаго товарища, къ которому сердце его лежало. Доброе расположеніе Патокина, дружеское, ласковое слово Дуни услаждали его одиночество. Всего этотъ Джонсъ лишился. Тяжело шелъ онъ на свою пустынную квартиру, но вдругъ встрепенулся, вспомнивъ, что у него хранятся деньги, назначенныя на помощь семейству умершаго фабричнаго, и ускорилъ свои шаги по направленію къ избушкѣ, гдѣ жила несчастная вдова и сироты Мысль о добромъ дѣлѣ облегчила нѣсколько его грусть.

Опенкинъ шелъ въ то же время домой торжествующій, довольный, что избавился отъ непосредственной опеки хозяина, хотя слабой и близорукой, но все-таки опеки, а пуще всего диспотизма его супруги, надъ нимъ тяготѣвшаго. Только бы сжить несноснаго англичанина, а тамъ заря богатства и почета могла бы встать и для него изъ за грубой, дырявой занавѣски, подъ которою онъ долженъ былъ еще скрываться. Онъ точно охмѣлѣлъ отъ своей свободы. Въ пароксизмѣ веселья, мизерный человѣчекъ мурлыкалъ пѣсенку, сочиненную подъ пьяную руку его тестемъ, подъячимъ, на счетъ того, кого Опенкинъ называлъ своимъ благодѣтелемъ.

«Сѣлъ онъ въ салазки:
Гора высока,
Дорога скользка,
Слетитъ безъ подмазки».

— Мнѣ-то что за дѣло!—прибавилъ онъ вслухъ.— Вольному воля, говаривалъ покойный король. Пошли бы и *тъ* туда же!... Но, видя, что прохожіе смотрятъ на него съ усмѣшкой, замолкъ, будто испугавшись

своего удальства, перекрестилъ ротъ и, вздыхая произнесъ вслухъ: — Господи прости мои прегрѣшенія.

Пока Патокинъ съ домашними своими ѣдетъ въ деревню, разскажемъ исторію всѣхъ членовъ его семейства. Мы должны начать издалека. Прошу терпѣнія у моихъ читателей.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Отецъ Сергѣя Семеновича, Семенъ Прохоровичъ Патокинъ-король, былъ человѣкъ мало образованный. Онъ носилъ бороду не потому, однакожъ, что считалъ ее священною, какъ магометанинъ хвостъ у знамени пророка, и что снять ее было для него тяжелымъ, неискупимымъ грѣхомъ, а потому, что съ молодыхъ лѣтъ, по приказанію отца, нѣсколько державшагося раскола, носилъ ее и попривыкъ къ ней. Щедрые дары природы — бойкій, свѣтлый умъ и необыкновенная энергія — вознаграждали его за недостатокъ образованія Семенъ Прохоровичъ былъ нѣсколько грубъ въ обращеніи и рѣзокъ на словахъ, несмотря ни на какую личность, къ которой или о которой относился; онъ не тратилъ по-пусту словъ, да и не любилъ, чтобы другіе употребляли съ нимъ многорѣчіе. — «Добра и правды въ томъ нѣтъ, говаривалъ онъ, кто разсыпается мелкимъ бѣсомъ». Сказалъ слово, какъ ножомъ отрѣзалъ. Никакое вліяніе, ни даже собственныя выгоды, не могли заставить его перемѣнить это слово.

Англичане, съ которыми онъ велъ торговлю саломъ, пенькою и хлѣбомъ, принимали отъ него товаръ на вѣру, и не было случая, въ долголѣтнихъ его сношеніяхъ съ ними, чтобъ они были обмануты въ добротѣ и вѣсѣ товара, а кто не знаетъ, какъ это рѣдко

бываетъ съ нашими торговцами. Обыкновенно, вы играв довѣренность покупщика, они стараются порядкомъ надуть его. Такой негоціантъ, какъ Патокинъ, говорили англичане, сдѣлалъ бы честь нашему отечеству. Казалось бы, по необыкновенной твердости его характера, этотъ человѣкъ былъ выкованъ весь изъ желѣза, но подъ этою наружною броней билось сердце, готовое на всякое добро и помощь ближнему. Исполняя слишкомъ десять лѣтъ должность головы въ Луковкахъ, онъ болѣе всего заботился о пользахъ сиротъ и обижаемыхъ по рекрутскимъ наборамъ. Трудно было неправдѣ бороться съ нимъ. Подъячіе разныхъ степеней, и малые, и большіе, еслибъ и хотѣли съ нимъ потягаться, знали, что Семенъ Прохоровичъ упрямъ и не пожалѣетъ ничего, чтобы поставить на своемъ. Не только что въ губернскій городъ, пожалуй, заткнувъ за пазуху свой толстый инвалидный бумажникъ, махнетъ и въ Питеръ, въ какую бы то ни было погоду. А въ Питерѣ, какъ знали всѣ, были у него благопріятели, важные люди, которые любили и жаловали его не только за богатство, но и за здравый умъ и опытность по дѣламъ внутренней и внѣшней торговли. Не разъ приглашаемъ онъ былъ высокими административными лицами на совѣщаніе по этимъ дѣламъ и не разъ принимались его мнѣнія, несмотря на шероховатость и рѣзкость его рѣчи, которыя не простили бы другому. Напротивъ, этимъ важнымъ лицамъ, привыкшимъ къ лести, безпрестанному поддакиванію и раболѣпному исполненію ихъ воли, нравилась грубая истина, высказанная простымъ *сыномъ природы*, какъ называли Патокина. Такъ удивительно ли, что не только въ ничтожныхъ Луковкахъ, но и въ губернскомъ городѣ гладили его по головкѣ и прощали ему смѣлыя выходки. Иной разъ онъ такъ смѣло выражался о разныхъ важныхъ пред-

метахъ и лицахъ, что у трусливаго человѣка, слушавшаго его, волосы дыбомъ становились. Но въ одинъ неблагополучный часъ (это случилось въ концѣ прошлаго столѣтія) неосторожная рѣчь его, сказанная при подозрительномъ лицѣ и переданная съ сильнымъ придаткомъ клеветы, едва совсѣмъ не погубила его. Спасли его только покровительство сильныхъ людей и счастливый часъ. Кончилась бѣда тѣмъ, что ему велѣно было держать языкъ за зубами. Между тѣмъ этотъ несчастный случай оставилъ глубокіе и печальные слѣды въ его семействѣ.

Долго еще послѣ того, какъ пронеслась эта громовая туча, когда сынъ его былъ ужь молодымъ человѣкомъ, проѣзжая съ нимъ по Лубянской площади въ Москвѣ, Семенъ Прохоровичъ указалъ ему на небольшой каменный домъ, расположенный внутри двора и теперь еще существующій подъ №..

— А помнишь, Сергѣй, этотъ домъ? — спросилъ старикъ сына.

— Нѣтъ, батюшка, — отвѣчалъ Сергѣй Семеновичъ.

— Припамятуешь, коли скажу тебѣ, какъ въ одну темную ночь—тебѣ было тогда лѣтъ восемь—провели тебя съ матерью съ задняго крыльца, по истертымъ каменнымъ ступенямъ узкой лѣстницы и ввели въ маленькую комнату. Помнишь? въ ней стоялъ старичекъ со звѣздою; онъ отворилъ дверку въ другую комнату.

— Батюшка, съ того времени...—могъ только проговорить Сергѣй Семеновичъ и, закрывъ глаза рукою, чтобы прохожіе не видали его слезъ, зарыдалъ.

— Да, съ того времени,—сказалъ старикъ, придавивъ кулакомъ слезу, которая прошибла эту желѣзную натуру. — Мать твоя была тогда молода, пригожа, мы жили съ ней въ любви и согласіи, утѣшались тобою...

Отецъ-Патокинъ махнулъ рукой... и немного погодя продолжалъ: — Старичекъ со звѣздою впустилъ меня въ комнату, гдѣ вы меня ждали...

— Я не узналъ бы васъ, — сказалъ сынъ: — такъ вы перемѣнились въ нѣсколько дней.

— Да, горе, и такое, какое пало на мою голову, не краситъ. Крѣпокъ я, знаю, что крѣпокъ, а посѣдѣлъ въ одну недѣлю.

— Помню, вы бросились обнимать мать мою, цѣловали меня... матушка повисла у васъ на шеѣ... вы крѣпко, крѣпко, по нѣскольку разъ принимались насъ цѣловать... лицо мое было мокро отъ вашихъ слезъ... Зазвенѣлъ колокольчикъ на дворѣ... «Прощайте, мои милые, мои дорогіе, — сказали вы: — не убивайтесь... Богъ милостивъ, скоро увидимся»... Тутъ какіе-то люди растащили насъ... матушка вскрикнула: «возьми насъ съ собою»! и грянулась о полъ... Я бросился къ ней, ломалъ себѣ руки... Пришла какая-то почтенная дама, терла ей виски, давала нюхать спиртъ, обливала водой... Матушка очнулась... явился старичекъ со звѣздой, блѣдный, дрожащій; его словно била лихорадка — сталъ уговаривать матушку, ручался честью, головой своей, что вы возвратитесь, что онъ станетъ хлопотать за васъ, потому что вы невинны.. Но съ этого времени..

Сергѣй Семеновичъ не могъ болѣе говорить.

— Вотъ замѣть, — сказалъ Патокинъ-отецъ: — въ этомъ невзрачномъ домикѣ было это прощанье... А знаешь ли, старичекъ со звѣздой могъ бы дорого поплатиться, что допустилъ это свиданіе. Онъ сдержалъ свое слово и горячо хлопоталъ за меня... Онъ мой спаситель; имя его вырѣзано на доскѣ, на которой писанъ Михаилъ Архангелъ. Оттого мы свято чтимъ день великаго архистратига небесныхъ силъ.

Оба замолчали и погрузились въ глубину экипажа. Дѣйствительно, Семенъ Прохоровичъ былъ скоро возвращенъ, клеветникъ наказанъ... Но со времени рокового прощанія, съ женою его сдѣлались сильные нервическіе припадки. Голова ея начала трястись, мутные глаза часто останавливались на одномъ предметѣ: она помѣшалась на старичкѣ со звѣздой. Когда упоминали при ней о какомъ-нибудь дурномъ человѣкѣ, она обыкновенно говорила: «Богъ его убьетъ; не придетъ старичекъ со звѣздой спасти его». Разсказывали о добромъ человѣкѣ, котораго постигло несчастіе, она не упускала прибавлять: «Молите Бога, чтобъ старичекъ со звѣздой пришелъ къ нему на помощь». Мужа и сына любила она по прежнему, слушала ихъ во всемъ, ласкала какъ дитя, и вдругъ вся тряслась — бросалась къ нимъ на шею, хваталась за ихъ одежду, и до тѣхъ поръ не выпускала, пока не успокоивалась. Когда умеръ Семенъ Прохоровичъ, только въ припадкѣ ея болѣзни могли оторвать ее отъ гроба. Дуню, неразлучную ея подругу, посвятившую себя попеченіямъ о ней, любила она, какъ родную внучку, приголубливала ее,—говорила, что старичекъ со звѣздой прислалъ къ ней ангела въ видѣ дѣвушки, чтобы за нею ухаживать. Вообще она всѣхъ кругомъ себя любила, кромѣ Опенкина, къ которому чувствовала отвращеніе, и не скрывала этого. При звукѣ колокольчика съ нею дѣлались обычные ея болѣзненные припадки. Оттого строжайше запрещено было въѣзжать съ нимъ на дворъ, да и комната отведена ей была въ садъ, такъ что она не могла слышать этихъ звуковъ съ улицы. Въ темныя ночи она особенно чего-то боялась, и потому нѣсколько лампадъ горѣли передъ иконами, у ея изголовья. Приходили и къ ней свѣтлыя минуты отъ радостной вѣсти о сынѣ, отъ нѣжныхъ ласкъ Дуни, отъ луча солнечнаго, играющаго на ясномъ небѣ, отъ какой-нибудь

бездѣлицы. Иногда ничего не слышала и не понимала, что говорили; иногда, поймавъ слухомъ одно значительное слово изъ цѣлой рѣчи, здраво составляла по немъ въ умѣ своемъ цѣлую рѣчь. Обыкновенно была она погружена въ летаргію, изъ которой выходила по какому-нибудь особенному случаю, когда, по ея словамъ, посѣщалъ ее старичекъ со звѣздой. Въ день Михаила Архангела Патокина-мать одѣвалась въ лучшее свое платье и жарко молилась за своего старичка.

Нить нашего разсказа прервалась было на эпизодѣ о несчастіи въ семействѣ Патокиныхъ Свяжемъ ее снова.

Семенъ Прохоровичъ, ѣздивъ по торговымъ дѣламъ своимъ на собственномъ «суденышкѣ» въ Англію, и наглядѣвшись на тамошній людъ, смекнулъ здоровымъ умомъ, что наука не только не мѣшаетъ наживать деньгу, но еще находитъ для тѣхъ, кто умѣетъ пользоваться ею, новые источники богатства, недоступные для невѣжества, и потому порѣшилъ отдати единственнаго сына своего, Сергѣя, въ науку Онъ, однакожъ, не отдалъ его, какъ дѣлали и дѣлаютъ донынѣ купцы, въ ученіе какому-нибудь дьячку, гдѣ мальчикъ могъ бы только зазубрить часословъ и пройти цыфирную азбуку. Нѣтъ, по рекомендаціи одной иностранной конторы въ Москвѣ, онъ помѣстилъ его въ частное учебное заведеніе, которое содержалъ педагогъ Карлъ Карловичъ (французовъ Семенъ Прохоровичъ не любилъ).

Сережа учился хорошо, былъ нрава кроткаго, уступчиваго, краснѣлъ, какъ стыдливая дѣвушка, отъ нескромнаго слова. Щедрый отъ природы, онъ не имѣлъ ничего завѣтнаго. Сынъ милліонера, который, послѣ несчастія, случившагося съ его женой, видѣлъ въ немъ единственныя свои надежды и утѣшеніе въ старости, онъ получалъ изъ дому богатыя средства

для удовлетворенія своихъ прихотей. Сережа отдавалъ свой лакомый кусокъ, лучшую вещицу товарищу, которому она понравилась. Узнавъ, что у комнатнаго дядьки его былъ сынъ однихъ съ нимъ лѣтъ, онъ часто выкидывалъ многіе предметы изъ своего гардероба, какъ негодные (хотя они могли еще служить ему), чтобъ имѣть случай подарить ихъ своему ровеснику.

Содержатель пансіона былъ человѣкъ добрый и попечительный; учители обращались съ учениками безъ лозы, что было въ тогдашнее время большою рѣдкостью. Такъ прошли три мирные года въ пансіонѣ; казалось, и будущая его жизнь въ немъ пролетитъ также безмятежно. Случилось, однакожъ, не такъ.

На четвертомъ году пришлось ему испытать неожиданный ударъ, вызванный не имъ самимъ, а силой сословныхъ предразсудковъ. Доселѣ дѣти купеческія и дворянскія жили мирно, одною братскою семьей. Но поступилъ въ пансіонъ новичекъ, примѣрный сорванецъ и забіяка, воспитанный дома въ исключительномъ духѣ своей касты, словами и примѣромъ своихъ родителей и раболѣпнымъ потворствомъ крѣпостной дворни. Съ появленіемъ его въ пансіонѣ, стала между дѣтьми перегородка, раздѣлившая ихъ на двѣ партіи. Онъ сдѣлался вождемъ одной изъ нихъ; сынъ нѣмецкаго негоціанта избранъ предводителемъ другой. Новичекъ началъ посмѣиваться надъ происхожденіемъ Сережи. — «Меня, дворянина, — говорилъ онъ, — не смѣютъ сѣчь, а тебя лавочника, можно отпороть, какъ душѣ угодно». Сначала Сережа отшучивался отъ этихъ пошлыхъ насмѣшекъ. Но обидчикъ, вмѣсто того, чтобы удовлетвориться уступками маленькаго Патокина, сталъ все болѣе и болѣе преслѣдовать его разными оскорбленіями. То спроситъ его, почемъ продаетъ сало, то не продаетъ ли пуговицы на курткѣ, выводилъ его фамилію отъ продавца патоки, акомпа-

нируя эту насмѣшку извѣстнымъ припѣвомъ, оглашавшимъ въ былыя времена московскія улицы: «Патока съ имбиремъ, варилъ дядя Симеонъ»; наконецъ, къ довершенію обиды, провозгласилъ, что отецъ Сережи нажилъ милліоны дѣланіемъ въ Гуслицахъ фальшивыхъ ассигнацій. Тутъ Сережа, какъ ни былъ кротокъ и уступчивъ, далъ обидчику пощечину. Дѣти, составлявшія партію забіяки, вступились за побитаго товарища; дѣти *лавочниковъ* и *сапожниковъ*, какъ называла эта партія купцовъ и иностранцевъ, вступились за Сережу и дали почувствовать противникамъ всю силу своихъ кулаковъ. Партія забіяки была побѣждена и пристыжена, другая торжествовала, да еще спрашивала, довольно ли было имбирю въ патокѣ.

Послѣдствія этой побѣды были, однакожъ неблагопріятны для торжествующей партіи.

Дѣти благородныхъ родителей лично и письменно поспѣшили увѣдомить своихъ папашекъ и мамашекъ, что содержатель пансіона, подкупленный подарками купцовъ и сапожниковъ, всячески потворничаетъ дѣтямъ ихъ, назначаетъ имъ предпочтительно на актахъ награды, переводитъ ихъ пристрастно въ высшіе классы и, наконецъ, къ довершенію несправедливости, за драку, затѣянную купеческимъ сынкомъ, въ которой многіе изъ нихъ, дворянскихъ, дѣтей, изувѣчены, не сдѣлалъ даже никакого взысканія. Родители, выслушавъ и прочитавъ съ умиленіемъ жалобы дѣтей своихъ, распалились неукротимымъ гнѣвомъ на Карла Карловича, явились къ нему гурьбою и объявили, что если онъ не высѣчетъ дѣтей купцовъ и сапожниковъ, или не выгонитъ изъ пансіона, такъ они всѣ поберутъ дѣтей своихъ. Карлъ Карловичъ былъ честный нѣмецъ, однакожъ, разсудилъ, что если потеряетъ большую часть своихъ пансіонеровъ, то посадитъ свое многочисленное семейство на сухоядѣ-

ніе и разорится въ конецъ, и потому волей-неволей предложилъ побѣдителямъ подвергнуть себя или тѣлесному наказанію, или изгнанію изъ пансіона. Вождь ихъ, истый тевтонъ, провозгласилъ:

— Изгнаніе, а не позоръ. Стыдъ тому, кто измѣнитъ этому лозунгу!

— За нимъ повторили то же и прочіе осужденные. Не *могъ* отстать отъ нихъ Сережа Патокинъ. Карлъ Карловичъ, выпроваживая изгнанниковъ, проливалъ искреннія слезы, ужъ, конечно, не отъ горести разставанія.

Сережа возвратился къ отцу. Сердце его сильно билось отъ ожиданія домашней грозы. Строгій выговоръ, думалъ онъ самое слабое наказаніе, которое ему готовится, но и выговора онъ страшно боялся. Напротивъ того, отецъ, выслушавъ отъ сына весь ходъ печальной исторіи въ пансіонѣ, горячо обнялъ его и наказалъ ему во всѣхъ подобныхъ случаяхъ жизни, гдѣ страдаетъ честь его фамиліи, поступать такимъ же образомъ. Къ содержателю же пансіона, зная его недостаточное состояніе, написалъ, что на него не сердится и прощаетъ ему забранныя за годъ впередъ деньги.

Теперь, Сергѣй,—сказалъ ему ласково Семенъ Прохоровичъ: — я тебя провѣрю, не забылъ ли ты моего ученія,—и повелъ сына въ свой садъ. Патокинъ-отецъ былъ страстный садоводъ и съ малолѣтства Сережи привилъ и ему эту страсть.

Время подходило къ послѣднимъ числамъ августа. Садъ былъ, въ полномъ смыслѣ, осыпанъ плодами, такъ что вѣтви, унизанныя ими, ломились отъ тяжести и не могли бы держаться безъ помощи надежныхъ подпорокъ. Даже въ питомникахъ *дѣтки* несли не по силамъ плоды. Солнечные лучи скользили по глянцовитой оболочкѣ ихъ, а мелкая тѣнь отъ листьевъ

окропляла ихъ рябью, то и дѣло измѣняющеюся при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка. Черезъ кожицу однихъ, налитыхъ будто янтаремъ, сквозили черныя сѣмечки, на другихъ игралъ румянецъ, какъ на щекахъ дѣвушки, соблазняющихъ на поцѣлуй; отъ нѣкоторыхъ несло запахомъ корицы; чернь, которою иные были окрашены, изобличала ихъ родину—Аравію, опортовыя, почти съ голову новорожденнаго младенца, покоились въ сѣточныхъ гнѣздахъ; близъ этихъ великановъ роемъ усыпали деревцо китайскія яблочки, эти красивыя лилипутцы въ царствѣ Помоны.

— Вотъ это,—говорилъ отецъ, показывая на одно дерево:—посажено въ тотъ день, какъ ты родился.—Посмотри, сколько на немъ яблокъ. Дай Богъ, чтобы и твоя жизнь была не безплодна. Это посажено на третій день брака съ своею матерью. Дерево полно силы и красы, а мать твоя... (Семенъ Прохоровичъ глубоко вздохнулъ). Вотъ на этомъ училъ я тебя въ первый разъ прививкѣ. Да и за всѣми мы ухаживали вмѣстѣ съ тобой и Матѳеемъ. Примемся-ка снова за нихъ. А тамъ, къ зимѣ, надо подумать и о твоемъ воспитаніи.

И принялись снова усердно Патокинъ-отецъ и мальчикъ за любимое свое занятіе.

Настала зима. По первоснѣжью пріѣхалъ къ Семену Прохоровичу помѣщикъ Стародубовъ, съ отцомъ котораго онъ имѣлъ большія связи по хлѣбной торговлѣ. Стародубовъ находился въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ; заложенное имѣніе его должно было продаваться на дняхъ съ аукціона, несмотря на угожденія земской полиціи, посылавшей не разъ въ губернское правленіе неправильныя описи. Дальнѣйшая проволочка уѣздныхъ милостивцевъ грозила имъ судомъ. Въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ Стародубовъ рѣшился прибѣгнуть къ помощи Семена Прохоровича.—«Не слѣдъ бы мнѣ выручать тебя, — ска-

залъ Патокинъ просителю:—больно мотоватъ, живешь не по доходамъ: вмѣсто того, чтобы платить долги, задаешь пиры да банкеты. Посмотри на себя, оплылъ жиромъ отъ лѣни и обжорства. Такая жизнь до добра не доведетъ, или кондрашка какъ разъ ударитъ, или посадятъ тебя въ тюрьму

Такая встрѣча ошеломила Стародубова.

— Ну, да дѣлать, видно, нечего. Помню поговорку: долгъ красенъ платежомъ. Отецъ твой не мало выгодъ доставлялъ мнѣ; отъ него не одинъ десятокъ тысячъ перепалъ въ мой сундукъ. На память его, надо вытащить тебя изъ бѣды. Даю тебѣ на выручку деньги, но помни, въ первый и послѣдній разъ

Тутъ Патокинъ-король побрелъ къ своему сундуку, стоявшему у него въ спальнѣ. Ключъ щелкнулъ, за этимъ звукомъ послѣдовалъ звонъ, раздавшійся едва ли не на весь домъ, и отрадно пробѣжалъ по сердцу Стародубова. Онъ крестился и возводилъ глаза къ небу. Когда же увидалъ толстую пачку кредитокъ въ рукахъ старика, онъ хотѣлъ было разсыпаться въ благодарности, но Семенъ Прохоровичъ, предупреждая его, наотрѣзъ сказалъ:—Мнѣ изъ твоей благодарности не шубу шить. Помни не для тебя это дѣлаю, для покойника твоего.

Оставалось одолженному молчать Зная аккуратность Патокина, онъ не преминулъ счесть деньги. Въ противномъ случаѣ Семенъ Прохоровичъ могъ бы сдѣлать съ нимъ такую же продѣлку, какую сдѣлалъ съ однимъ своимъ заемщикомъ, который, получивъ отъ него важную сумму на заемное письмо, пренебрегъ ее счесть. Деньги были взяты назадъ, а актъ возвращенъ должнику, какъ человѣку неаккуратному и, слѣдовательно, не заслуживающему довѣрія.—Пять тысячъ серебромъ,—отвѣчалъ Стародубовъ съ трепетомъ сердечнымъ.—Теперь закуси маленько, да и поворачивай

оглобли со двора и скачи въ губернскій городъ.—А заемное письмо?—спросилъ Стародубовъ.—Заемное письмо за поручительствомъ жены твоей, привезешь, когда покончишь дѣла свои.

— Проценты...—осмѣлился было со страхомъ проговорить Стародубовъ.

Семенъ Прохоровичъ сурово посмотрѣлъ на него.—Что?... проценты?.. Ахъ ты, душенка перекатная! Съ кого? съ покойника отца твоего, что-ли?... Съ твоей мученицы жены?... Съ дѣтей, неповинныхъ въ глупомъ мотовствѣ отца?... Поди ты съ своими процентами къ бѣсу!...

Стародубовъ проглотилъ горькую пилюлю, не смѣя даже поморщиться; спряталъ кредитки въ порыжѣлый бумажникъ, который швырнулъ ему на столъ Патокинъ, и положилъ въ боковой карманъ сюртука, ощупавъ его нѣсколько разъ, ради удостовѣренія въ своей аккуратности. Но маневры эти были напрасны: старикъ видѣлъ своего заемщика насквозь и, прекративъ разговоръ о деньгахъ, велѣлъ подать закуску.

Пока подавали ее и запрягали лошадей, Сережа явился въ комнату отца. Слово за слово, разсказана была его невзгода въ пансіонѣ. Тутъ Стародубовъ, какъ бы вдохновенный какимъ-то наитіемъ свыше, ударилъ себя по лбу и предложилъ Патокину, не согласится ли отдать сына къ нему на воспитаніе.—У меня,—говорилъ помѣщикъ,—иностранецъ учитель, жалованье получаетъ хорошее, смирный, непьющій и, сказываютъ люди знающіе, человѣкъ ученый. Прикиньте ему сотни двѣ, три, онъ съ радостію возьмется учить вашего сына, чему учатся мои дѣти; жена моя, какъ вы знаете, женщина добрая...

— И разумная, перебилъ Патокинъ.— Когда бы не она, у тебя домъ повернулся бы вверхъ дномъ. Безъ нея, нечего грѣха таить, ты давно пропалъ бы.

— Благодарю Бога,—сказалъ Стародубовъ: — Онъ послалъ мнѣ въ ней не жену, а ангела. Признаюсь, я и ноготка ея не стою.

Семенъ Прохоровичъ призадумался и сообразилъ въ умѣ своемъ всѣ шансы за и противъ предложенія. Въ пользу его оказалось много причинъ.

Къ Сережѣ ходилъ учитель изъ уѣзднаго училища, задавалъ ему уроки на выучку, бывалъ иногда подъ хмѣлькомъ, и всегда писалъ ему аттестаціи не иначе, какъ: *хорошо*, *прекрасно*, *превосходно*, хотя мальчикъ и не зналъ урока. Сережа замѣчалъ, что и учатъ его не такъ, какъ у Карла Карловича, и познанія училищнаго педагога были очень ограничены. Мальчикъ забывалъ и то, что пріобрѣлъ въ пансіонѣ. Объ иностранныхъ языкахъ не могло быть и рѣчи. Въ устахъ педагога это были какія-то варварскія нарѣчія, которыхъ смысла не могъ бы добраться самъ Мецофанти, еслибы его сдѣлать драгоманомъ въ домѣ Патокина. Сережа горько жаловался отцу на это ученіе. Товарищей у него никого не было, луковское общество не могло дать ему хорошихъ примѣровъ. Скучно и безплодно проходили дни его. Натуры впечатлительной, онъ съ грустью видѣлъ ежедневно болѣзненное, безвыходное состояніе матери, часто задумывался и одичалъ. Неужели оставить долѣе мальчика прозябать въ Луковкахъ? Не на суда жь послать его воспитывать въ кругу бурлаковъ, лоцмановъ и приказчиковъ. Патокинъ вспомнилъ годы своей юности, когда онъ тоже ходилъ на баркахъ, и приказчики усердно соблазняли его потѣшиться въ трактирахъ и харчевняхъ всякими грубыми удовольствіями и учили обманывать родителя. Хорошо еще, что твердость характера побѣдоносно вынесла его изъ этихъ обольщеній. Сережа не въ него. Къ чему поведетъ его такой образъ воспитанія? Отецъ хотѣлъ сдѣлать изъ него русскаго негоціанта,

а не ...вого торгаша, какихъ много изъ разбогатѣвшихъ мужиковъ. Правда, безалаберно живетъ и Стародубовъ, но въ его домѣ хранитъ благочестіе и добрые нравы умная и безукоризненная женщина, подъ опекой которой Сережа не избалуется, а найдетъ материнскія попеченія и наставленія.

— Спасибо,—сказалъ старикъ:—но прежде чѣмъ привезу къ тебѣ сына, попрошу Карла Карлыча, у котораго онъ прежде учился, чтобъ попыталъ твоего учителя—какъ его зовутъ тамъ?.

— Францъ Иванычъ Голье Онъ воспитывался въ страсбургскомъ университетѣ

— Французъ?

— Да.

— Охъ, эти французы не по нраву мнѣ; народъ вѣтреный!—Ну, такъ и быть, если Карлъ Карлычъ скажетъ, что твой французъ знающій человѣкъ, хорошій, такъ и дѣло рѣшеное.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Патокинъ-король привезъ Карла Карловича въ деревню къ Стародубову и вмѣстѣ съ нимъ прожилъ тамъ съ недѣлю Наблюденія за познаніями и преподаваніемъ Франца Ивановича кончились благопріятно Оказалось, что учитель имѣетъ основательное образованіе: сверхъ французскаго и нѣмецкаго языковъ, знаетъ отчасти англійскій, за который Семенъ Прохоровичъ крѣпко держался; учитъ разумно. Въ хорошей нравственности его завѣрила Стародубова.

Ударили по рукамъ. Патокинъ объявилъ учителю, что будетъ платить ему за своего сына столько, сколько онъ получаетъ за всѣхъ дѣтей Стародубова, подарилъ Карлу Карловичу богатую шубу за труды, потомъ съѣздилъ за Сережей, одѣлъ его съ иголочки, какъ одѣваютъ богатыхъ дворянскихъ дѣтей, выпросилъ ему благословеніе матери, сказавъ ей, что старичекъ со

звѣздой велѣлъ отдать его въ ученіе, и сдалъ съ рукъ на руки Стародубовой, прося быть ему второю матерью.

Семейство Стародубова состояло изъ жены, дочери лѣтъ тринадцати и двухъ сыновей, почти ровесниковъ Сережѣ.

Всѣ въ домѣ полюбили Сережу Стародубова, по добротѣ души своей и по чувству благодарности, обращалась съ нимъ какъ съ сыномъ, и старалась всячески доказать, что не отличаетъ его отъ дѣтей своихъ. Дѣти называли его своимъ братомъ. Учитель былъ доволенъ успѣхами своего новаго ученика, кротостью и благородствомъ его характера; прислуга угождала ему за щедрые подарки, гости ласкали мальчика, сына милліонера, въ которомъ могли имѣть когда-нибудь нужду.

Скоро Сережа усвоилъ себѣ манеры сына богатаго русскаго дворянина; не отказывалъ себѣ въ барскихъ прихотяхъ, хотя и невинныхъ, но, по тогдашнимъ понятіямъ, неприличныхъ сыну купца. Онъ имѣлъ прекрасную верховую лошадь, которую прислалъ, по его просьбѣ, отецъ вмѣстѣ съ другою, подаренною старшему сыну Стародубова, имѣлъ и упряжного кровнаго рысака и щегольской тильбюри. Къ этимъ затѣямъ присоединились и другія, болѣе вредныя для его нравственности. Вовлеченный баловствомъ главы дома въ отъѣзжія поля, онъ завелъ свой смычекъ борзыхъ, входилъ въ споры съ старыми охотниками и съ удовольствіемъ, хотя краснѣя, слушалъ ихъ соблазнительныя рѣчи о крѣпостныхъ Парашкахъ и Матрешкахъ.

— Пріѣзжай, братъ Сережа,—говорили охотники:— у насъ ѣсть дичь, деликатесъ, про своихъ и про чужихъ; славно угостимъ. Къ этимъ рѣчамъ присоединялись и негодныя книженки съ картинками, гдѣ юноши почерпаютъ съ такою воспріимчивостью развратъ вре-

менъ Дюбари и подобныхъ фаворитокъ. До другихъ ли ему уроковъ было въ этой школѣ! Хорошо еще, что сѣмена, брошенныя этими преступными сѣятелями на его, еще не испорченную душу, не имѣли времени въ ней укорениться. По настоянію учителя и Стародубовой, отъѣзжія поля были скоро запрещены Сережѣ. Но, вкусивъ разъ веселой, беззаботной жизни русскихъ помѣщиковъ, онъ смаковалъ ее въ своемъ воображеніи и соблазнялся на подобную, когда ему будетъ можно все дѣлать, что онъ захочетъ. Скоро Сережа забылъ о своемъ назначеніи. Мысль, что ему придется торговать саломъ, пенькой и хлѣбомъ, крѣпко его озадачивала. О возвращеніи въ домъ родительскій онъ помышлялъ неохотно. Ужь и борода отца представлялась ему какимъ-то пугаломъ: при появленіи ея должны были слетѣть изъ его райскаго сада всѣ надежды, всѣ мечты, такъ соблазнительно напѣвавшія ему свои пѣсни. Въ головѣ его заронилось желаніе современемъ имѣть такое же помѣстье, съ такою же обстановкой, какую онъ видѣлъ передъ собою. Онъ захотѣлъ выдти въ дворяне. Эти мечты поощрялъ Стародубовъ, присоединивъ къ нимъ и свои.—Развѣ не могъ будущій дворянинъ, милліонеръ Сергѣй Семеновичъ Патокинъ, жениться на его дочери?

Но всѣ эти мечты скоро разлетѣлись въ прахъ.

Патокинъ, при вступленіи сына своего въ домъ Стародубова, объявилъ учителю, что желаетъ сдѣлать изъ него образованнаго, дѣльнаго негоціанта. Monsieur Голье, встревоженный дворянскими вкусами и замашками Сережи, развѣвающимися все болѣе и болѣе, поспѣшилъ исполнить честно свою обязанность. Съ дозволенія Стародубовой, онъ увѣдомилъ Семена Прохоровича о наклонностяхъ своего ученика. Старикъ недолго думалъ, прискакалъ къ сыну и взялъ его съ собою въ Луковки, объявивъ ему наотрѣзъ, что если онъ осмѣ-

лится когда-нибудь помышлять о дворянствѣ, такъ лишитъ его своего благословенія и наслѣдства. Но и здѣсь продержалъ его недолго. Чрезъ нѣсколько недѣль, чтобы отбить совсѣмъ у Сережи охоту возвратиться на стародубовскій путь соблазна, Семенъ Прохоровичъ отправилъ его въ Лондонъ съ письмомъ на имя торговаго дома, съ которымъ велъ давно дѣла.

Юноша разставался съ родиной, какъ будто ѣхалъ въ изгнаніе. Много горькихъ слезъ было пролито при этомъ случаѣ. Долго преслѣдовали его воспоминанія о пріятной жизни у Стародубовыхъ, охота, прогулки, игры, танцы, пожатіе ручки хорошенькой дочки и голубые глазки ея, такъ ласково на нее обращаемые и такъ сладко тревожившіе его молодое сердце; но всѣ эти воспоминанія разбились о берегъ Англіи; грудь его стѣснилась, слезы полились изъ глазъ; ему казалось, что онъ навсегда погрузился въ туманы и никогда ужь изъ нихъ не вырвется. Однакожъ сентиментальничать было некогда. Пріѣхавъ въ Лондонъ, Сережа явился къ хозяину конторы, къ которому былъ адресованъ. Его приняли, какъ товарный тюкъ, осмотрѣли съ ногъ до головы, сказали ему два-три слова, какъ будто прочитали на немъ фирму дома, откуда онъ присланъ, дали отдохнуть денька два и отправили на третій съ однимъ изъ старшихъ конторщиковъ въ одно изъ лондонскихъ учебныхъ заведеній. Здѣсь онъ долженъ былъ кончить курсъ своего воспитанія и отсюда перейти въ торговую контору съ тѣмъ, чтобы изучить въ ней коммерческое ремесло и также ходъ управленія бумагопрядильною фабрикой, которую Патокинъ хотѣлъ непремѣнно завести въ Луковкахъ. Поступивъ въ школу, гдѣ языкъ, нравы, правила жизни и воспитанія были ему чужды и такъ рѣзко отличались отъ всего видѣннаго и слышаннаго имъ на родинѣ, онъ, казалось ему, попалъ въ другой міръ. Но и къ

этому міру долженъ онъ былъ мало-по-малу привыкнуть. Года черезъ три, согласно назначенію отца, онъ перешелъ въ торговую контору. Скоро обступили его огромныя книги: сначала онъ долженъ былъ ознакомиться съ физіономіей ихъ, а потомъ изучить ихъ характеръ. Люди, движущіеся около него, съ ихъ лаконизмомъ, показались ему живыми машинами, издававшими какіе-то дикіе звуки; за то бухгалтерія и фабричные термины, какъ живые люди, преслѣдовали его съ утра до ночи и даже въ сновидѣніяхъ. По строгомъ испытаніи въ нравственности молодого человѣка, введенный въ семейный кругъ главы дома, онъ и тутъ не нашелъ пищи для души своей. Мать семейства была съ нимъ ласкова, дочери любезны, но въ этихъ ласкахъ, въ этой любезности онъ читалъ все тѣ же цифры, ту же бухгалтерію, съ которыми такъ часто бесѣдовалъ въ конторѣ. Одно что разнообразило еще жизнь его, такъ это знакомство съ памятниками искусствъ и художествъ и человѣколюбивыми заведеніями, такъ доступными въ Англіи для своихъ и чужихъ. Еще прибавить надо—прогулки по окрестностямъ. Всѣ лучшіе котеджи, всѣ лучшіе сады были имъ осмотрѣны на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ Лондона. Чтобы потѣшить отца, онъ послалъ ему множество экземпляровъ рѣдкихъ сортовъ яблонь, грушъ и вишенъ. Послѣ шестилѣтняго искуса въ Англіи, Сережу, нынѣ Сергѣя Семеновича, отецъ вытребовалъ въ Луковки для личныхъ переговоровъ обо всемъ, что касалось устройства бумагопрядильной фабрики. Между тѣмъ у старика былъ тутъ другой замыселъ, о которомъ, однакожъ, онъ умолчалъ въ своемъ письмѣ. Онъ хотѣлъ женить сына, и въ отсутствіе его избралъ ему невѣсту, безприданницу-красавицу! Она особенно понравилась Семену Прохоровичу по бойкости своего характера.

Молодой Патокинъ оставилъ Англію безъ сожалѣнія. Онъ выносилъ изъ нея, сверхъ познаній, нужныхъ негоціанту и фабриканту, уваженіе къ закону, къ личности человѣка и собственному достоинству, любовь къ просвѣщенному комфорту, къ общественнымъ учрежденіямъ, прославившимъ эту страну. Сердце его радостно билось отъ мысли, что онъ скоро увидитъ родину, съ которою такъ давно разстался. О женитьбѣ онъ и не помышлялъ.

Патокинъ-король былъ обрадованъ пріѣздомъ сына, тѣмъ болѣе, что тотъ привезъ съ собою аттестацію изъ купеческой конторы. Въ этомъ свидѣтельствѣ выхвалялись его примѣрная нравственность, образованіе и свѣдѣнія въ коммерческомъ и фабричномъ дѣлѣ. Не успѣлъ Сергѣй Семеновичъ оглянуться въ Луковкахъ, какъ отецъ предложилъ ему избранную невѣсту. Красота Маріы Михайловны не могла не сдѣлать впечатлѣнія на свободное сердце молодого человѣка; его только смущало необразованіе ея. Свадьба скоро состоялась. Но едва прошли медовые мѣсяцы, какъ молодой Патокинъ долженъ былъ, по волѣ отца, отправиться вновь въ Англію, ужь на короткое время, чтобы привезти оттуда механика (это не былъ еще Джонсъ, а другой механикъ, по смерти котораго Джонсъ и поступилъ впослѣдствіи), и всѣ нужныя машины для фабрики. Вслѣдъ за нимъ посылалась значительная сумма на покупку этихъ предметовъ. Но едва прибылъ онъ въ Лондонъ, какъ получилъ отъ жены письмо, что Семенъ Прохоровичъ, волею Божіей, скончался отъ паралича во время случившагося въ домѣ пожара; сумма, назначенная для пересылки на устройство фабрики, украдена слугой, ходившимъ за нимъ и бѣжавшимъ въ это время. Взамѣнъ этой суммы пересылалась другая, черезъ петербургскаго банкира, на имя извѣстнаго торговаго дома.

Марѳа Михайловна умоляла мужа, поручивъ всѣ всѣ дѣла свои этому дому, пріѣхать немедленно въ Луковки.

Извѣстіе о смерти отца глубоко огорчило Сергѣя Семеновича, тѣмъ болѣе, что онъ оставилъ его въ совершенномъ здоровьѣ, обѣщавшемъ ему еще долгіе дни. Пропажа денегъ была, при этомъ извѣстіи, мало чувствительна, такъ какъ она составляла едва двадцатую часть получаемаго имъ огромнаго богатства. Предоставивъ всѣ дѣла свои въ Англіи попеченіямъ извѣстнаго торговаго дома, онъ поспѣшилъ въ Россію на первомъ отходящемъ кораблѣ.

По пріѣздѣ домой, молодой Патокинъ засталъ дѣла свои въ порядкѣ, благодаря энергической и разумной распорядительности жены, принявшей властительною рукою бразды правленія въ домѣ и по всѣмъ торговымъ дѣламъ его. Умѣя только читать и писать съ грѣхомъ пополамъ, она дѣйствовала не хуже опытнаго и смѣтливаго дѣльца. Ничто не было упущено, чтобы привесть въ извѣстность капиталы, наличные и оборотные, покойника и сохранить стройное теченіе торговыхъ дѣлъ. Казалось, Семенъ Прохоровичъ не умиралъ.

Вотъ что разсказала Марѳа Михайловна мужу о случившемся пожарѣ и смерти свекра. Семенъ Прохоровичъ за недѣлю до этого несчастнаго случая сдѣлался нездоровъ, но былъ въ полной памяти и распоряжался какъ будто прежнія силы не оставляли его. Невѣстка поѣхала за нѣсколько верстъ отъ города въ монастырь, гдѣ была икона, къ которой во множествѣ припадали вѣрующіе съ мольбами объ исцѣленіи болящихъ и утѣшеніи страждущихъ. Въ отсутствіе ея случился пожаръ, какъ объяснилось послѣ и какъ показывали первые слѣды огня, отъ свѣчи, теплившейся передъ образами въ спальнѣ больного. Подъ подушкой

у старика хранился пакетъ съ 25 тысячами рублей, которые слѣдовало отправить на слѣдующій день къ петербугскому банкиру для перевода въ Лондонъ; надпись на пакетѣ сдѣлана рукою Опенкина, но гдѣ хранился потомъ пакетъ съ деньгами, извѣстно было только Семену Прохоровичу и невѣсткѣ.

Опенкинъ былъ довѣренное лицо старика.

Онъ выросъ въ домѣ Патокина, сначала былъ у него на побѣгушкахъ и не разъ Елизарка получалъ изъ владычныхъ рукъ хозяина порядочныя потасовки. Выучившись бойко грамотѣ, красивому и четкому письму и ариѳметикѣ, онъ сталъ вести канцелярскія книги и всю переписку по торговымъ дѣламъ подъ руководствомъ стараго конторщика и самого Семена Прохоровича. Находчивый, смѣтливый, терпѣливый, готовый по одному слову хозяина въ огонь и въ воду, молчаливый какъ рыба, когда его не спрашивали, и скорый на отвѣтъ, когда для испытанія его, старикъ обращался къ нему съ вопросомъ въ затруднительномъ дѣлѣ, онъ умѣлъ вкрасться въ довѣренность Семена Прохоровича такъ, что по смерти стараго конторщика должность эта была ему предоставлена. Надо сказать, что онъ ни разу не употребилъ во зло этой довѣренности, по крайней мѣрѣ, не былъ уличенъ ни въ какихъ безчестныхъ поступкахъ. Всѣ суммы, вручаемыя ему для передачи какому-нибудь лицу или для отправленія на почту, были исправно доставляемы. Никакого замѣшательства не происходило по счетамъ.

Все это относилось такъ сказать, къ *служебной* его жизни; въ *частной* онъ отличался необыкновенною скаредностью. О ней ходили разные анекдоты.

Опенкинъ обыкновенно покупалъ дрова на деньги, ему отпускаемыя, за городомъ, и дѣлалъ иногда по нѣсколку верстъ въ самую худую погоду, чтобы

уловить какой-нибудь возъ, который не могла везти кляченка, выбившаяся изъ силъ, и тутъ бѣдный хозяинъ этой измученной лошади со слезами на глазахъ вынужденъ былъ отдавать ему свой возъ за полцѣны. Для покупки съѣстныхъ припасовъ онъ обходилъ всѣ воза на базарѣ и обыкновенно выбиралъ всегда залежавшіеся припасы, разумѣется, по самой дешевой цѣнѣ: гастрономы, слышалъ онъ, всегда любятъ рябчиковъ съ душкомъ. Онъ отказывалъ себѣ въ порядочномъ бѣльѣ и платьѣ, носилъ всегда сапоги осоюзенные и съ заплатами. Получая отъ хозяина хорошее жалованье и наградныя деньги, на которыя не былъ скупъ старикъ Патокинъ для тѣхъ, кто служилъ ему усердно и вѣрно, Опенкинъ каждый вечеръ откладывалъ въ сторону, что пріобрѣлъ днемъ, и если къ вечеру не было пріобрѣтенія, то считалъ тотъ день несчастнымъ и могъ, какъ императоръ Титъ, сказать, «что онъ потерянъ въ его жизни». При случаѣ отдавалъ свои денежки въ ростъ за жидовскіе проценты, подъ ручной залогъ. Горе должнику, не заплатившему въ срочный часъ занятыхъ денегъ: залогъ безвозвратно поступалъ въ сундукъ неумолимаго кредитора. Такимъ образомъ, говорили, скопилъ онъ себѣ порядочный капиталецъ. Смѣялся Патокинъ-отецъ надъ всѣми этими продѣлками, подчасъ журилъ его за неряшество одежды и наконецъ махнулъ рукой, говоря: «Вольному воля распоряжаться своимъ добромъ, какъ хочетъ. Никто не жалуется мнѣ на него. Человѣкъ торговый, оборотливый; пускай наживаетъ; есть сынишко, скажетъ спасибо».

Опенкинъ женился очень молодымъ человѣкомъ на дочери выгнаннаго изъ службы подъячаго, который, бывъ секретаремъ въ какомъ-то судѣ, утратилъ или укралъ важный денежный документъ, былъ судимъ нѣсколько лѣтъ, сидѣлъ въ острогѣ и могъ бы сдѣ

лать путешествіе въ соболиный край, если бы мастерски не свалилъ преступленія и заслуженнаго наказанія на помощника своего; самъ же остался въ сильномъ подозрѣніи. Онъ имѣлъ особенный даръ подписывать подъ чужія руки. Совѣты и руководство такого тестя, конечно, не могли быть изъ тѣхъ, которые направили бы молодого зятя на путь чести и добра. Говорили, что Елизаръ Самсоновичъ взялъ порядочный кушъ за женою—плоды неправильнаго стяжанія ея родителя, но это приданое осталось покрыто глубокою тайной. Жена недолго жила. Злые языки болтали, будто мужъ уморилъ ее голодомъ и суровыми взысканіями за то, что бѣдная женщина осмѣливалась иногда, подъ секретомъ, выпить лишнюю чашку чаю, а чай и сахаръ держалъ онъ отъ нея на запорѣ. Во время ея предсмертной болѣзни, онъ еще съ живой снялъ мѣрку для гроба, въ который должно было ее положить, и покрова для прикрытія ея грѣшнаго тѣла, разсчитывая, что могъ, по неизвѣстности, будетъ ли она жива или умретъ, сторговаться дешевле съ столяромъ и купцами. Она оставила ему малолѣтняго сына, наслѣдника его имени и состоянія. Усидчивый, одаренный необыкновенною памятью, мальчикъ учился сначала у отца своей матери, потомъ въ уѣздномъ училищѣ, былъ во всѣхъ классахъ хорошимъ ученикомъ, перешелъ въ гимназію, кончилъ и тамъ курсъ съ отличіемъ и довершилъ свое образованіе въ университетѣ. Вездѣ онъ умѣлъ угождать учителямъ, товарищамъ и стороннимъ людямъ. Ни въ одномъ проступкѣ незамѣченный, онъ всегда оставался въ сторонѣ, когда шалость товарищей случалась въ его присутствіи и выходилъ сухъ изъ воды, въ которой утопали другіе. Опенкинъ-сынъ фискалилъ иногда, но такъ искусно, что товарищи не могли уличить его въ явной измѣнѣ; тайно оговаривая другихъ, онъ иногда,

чтобы отвести отъ себя подозрѣніе, принималъ вину на себя. — «Неправда, — говорили надзиратели Опенкину:—вы неспособны на такой гадкій поступокъ; вы, по добротѣ сердца, на себя наговариваете.»—Богатому, аристократическому студенту переписывалъ лекціи прекраснымъ почеркомъ, которымъ щеголялъ, дѣлалъ ему сочиненія на заданныя темы, исполнялъ съ усердіемъ его порученія и умѣлъ даже угодить товарищу съ злымъ языкомъ. Хозяйкѣ дома, гдѣ онъ жилъ на хлѣбахъ, подставлялъ скамеечку подъ ноги, держалъ мотокъ нитокъ, когда она наматывала ихъ на клубокъ, цѣловалъ ея ручку съ нѣжностію сына, кухаркѣ писалъ письма къ сыну-солдату, говорилъ ей ласковыя слова.—Кто знаетъ?—думалъ онъ:—можетъ быть и она современемъ пригодится на что-нибудь.—Дворовую собаку ласкалъ и отдавалъ ей лакомый кусокъ. И все это онъ дѣлалъ не по добротѣ души, не изъ бѣдности, потому что старикъ Патокинъ щедро содержалъ и одѣвалъ его на свой счетъ и въ уѣздномъ городѣ, и въ Москвѣ. Вездѣ у него были *виды*, расчеты. Однимъ словомъ, онъ успѣвалъ такъ *ловко* держать себя, что угождалъ *вашимъ* и *нашимъ*.

Начальство было имъ довольно, сынъ аристократа или богатаго человѣка вводилъ его въ свое семейство, гдѣ онъ держалъ себя прилично и приноравливался къ характерамъ и понятіямъ лицъ, въ нихъ преобладавшихъ; товарищъ съ злымъ языкомъ не преслѣдовалъ его уже своими насмѣшками, а только порѣшилъ, что этотъ человѣкъ сумѣетъ проложить себѣ дорогу и сквозь терновникъ, и по непроходимому болоту; хозяйка дома, гдѣ онъ жилъ, называла его своимъ милымъ постояльцемъ, душенькой, и нерѣдко потчивала разными сластями; кухарка превозносила его доброту и смиреніе по всему околодку; собака дворовая никогда на него не лаяла. Только большинство товарищей не до-

любливало его за его смиренное лицо, вѣчно заискивающую улыбку и униженныя манеры. Не было у него задушевнаго друга, не было, однакожъ, и враговъ. Поступивъ на службу, Опенкинъ-сынъ шелъ успѣшно съ нижнихъ ступеней на болѣе высшія. Въ то время, какъ Патокины отправились въ деревню, онъ былъ ужь ассесоромъ въ какой-то палатѣ, а папенька его, избѣгая расходовъ на гильдейскія повинности, все еще оставался мѣщаниномъ, чѣмъ сынъ покуда не оскорблялся, зная, что эти деньги копятся въ сундукѣ, который можетъ и ему достаться. Обратимся къ разсказу о пожарѣ.

При больномъ оставалась полупомѣшанная жена и слуга, Алешка, крестный сынъ его, изъ мѣщанъ, малый лѣтъ двадцати. Прочіе слуги и прикащики не могли иначе входить къ хозяину, какъ по докладу этого крестника. Пока дали знать Марѳѣ Михайловнѣ о случившемся пожарѣ, Опенкинъ успѣлъ явиться на мѣсто, гдѣ показался огонь, и вынести Семена Прохоровича и жену его изъ горѣвшей части дома, желѣзный сундукъ съ хранящимися въ немъ денежными суммами, документами и приходо-расходными книгами, надавно провѣренными и засвидѣтельствованными Семеномъ Прохоровичемъ, и все, что было цѣннаго въ домѣ. Усердіе, дѣятельность и благоразумныя распоряженія Елизара Самсоновича въ этомъ случаѣ были примѣрныя. Говорили, что онъ, для спасенія своего благодѣтеля и имущества, не разъ подвергалъ жизнь свою опасности. Пожаръ былъ скоро погашенъ фабричными, дѣйствовавшими по его указанію. Сгорѣлъ только уголъ дома, гдѣ находилась спальня больного и прилегавшая къ ней комната. Въ то ли время, когда Семенъ Прохоровичъ увидалъ огонь въ своей спальнѣ, или когда его вынесли изъ дому, случился съ нимъ ударъ, — никто не могъ сказать навѣрно. Видѣли

только, что его безчувственнаго вынесли Опенкинъ и два фабричныхъ. Крестникъ скрылся; его нигдѣ не могли сыскать. Всѣ подозрѣнія въ похищеніи денегъ пали на него. Домашніе подтвердили, что при больномъ оставался бѣжавшій малый и полупомѣшанная. Отъ послѣдней могли только выпытать, что она впала въ глубокій сонъ, изъ котораго вышла, когда накинули на нее подушку, кто накинулъ—не могла она сказать. Между тѣмъ она утверждала, будто старичекъ со звѣздой указалъ ей въ это время на вора, и этотъ воръ былъ—Опенкинъ. То же твердила она до самой своей смерти. Полиція дѣйствовала горячо въ отысканіи преступника; посланы были гонцы по всѣмъ дорогамъ, но слѣды его исчезли. Взяли было Опенкина подъ стражу, но, по прибытіи Сергѣя Семеновича изъ Англіи, его тотчасъ освободили, такъ какъ противъ него не было никакихъ уликъ, кромѣ показаній полупомѣшанной женщины, которымъ нельзя было ни по закону, ни по совѣсти дать вѣру. Сергѣй Семеновичъ рѣшительно объявилъ, что никакого подозрѣнія на него не имѣетъ и, въ доказательство своего полнаго довѣрія къ нему, оставилъ при себѣ главнымъ прикащикомъ съ значительной прибавкой жалованья, въ благодарность за спасеніе отца и матери и имущества, за претерпѣнные допросы и оскорбительное содержаніе подъ арестомъ. Съ того времени онъ не измѣнился къ Опенкину. Правда, впослѣдствіи доходили до Сергѣя Семеновича слухи о нѣкоторыхъ продѣлкахъ съ рабочими и прикащиками, но, по мягкости и довѣрчивости характера своего, боясь оскорбить человѣка безъ явной вины, онъ не углублялся въ изслѣдованіе этихъ слуховъ. Марѳа Михайловна нерѣдко называла его воромъ; но мужъ говорилъ: «непойманный—не воръ. Дѣла наши идутъ хорошо, съ меня довольно, и я не хочу болѣе ничего знать: неужели

пускаться намъ въ слѣдствіе и суды? Кѣмъ замѣню его? Безъ воровства русскій человѣкъ жить не можетъ».—Марѳа Михайловна хотя и не могла опереться ни на какія явныя доказательства въ крупныхъ плутняхъ его, которыхъ концы умѣлъ Опенкинъ искусно прятать, не менѣе того, по какому-то инстинкту, не любила его, и всегда, когда находила случай, давала ему чувствовать свое недоброжелательство. Елизаръ Самсоновичъ не претендовалъ даже на личныя, рѣзкія оскорбленія ея, лишь бы она не трогала его кармана, и старался всячески заискивать ея расположеніе строгимъ, безропотнымъ исполненіемъ ея приказаній. Когда нужно было перехватить денегъ на торговые обороты или даже на прихоти обоихъ супруговъ, вдававшихся въ неразумные расходы, онъ всегда отыскивалъ нужныя суммы, готорый, какъ онъ говорилъ, заложить душу, лишь бы угодить своимъ благодѣтелямъ.

Прошли годы, истрачено было много денегъ на отысканіе бѣжавшаго вора, но слѣды его, попрежнему, не открылись, какъ будто канули въ воду. Носились слухи, что его видѣли гдѣ-то въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ-то въ брянскомъ скитѣ у раскольниковъ, но это были только слухи. Наконецъ заключили, что онъ умеръ или своею смертью, или насильственною. Въ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ находилась о немъ переписка, порѣшили считать дѣло покончennымъ и сдать въ архивъ. Въ домѣ Патокина перестали о немъ говорить. Пожаръ оставилъ, однакожъ, неизгладимые слѣды на лицѣ Опенкина. Отъ испуга ли пожара, или когда схватили его подъ арестъ, щеку его стало подергивать; это конвульсивное движеніе усиливалось отъ степени душевнаго волненія и особенно, когда мать Патокина останавливала на немъ гнѣвные взоры.

Когда Сергѣй Семеновичъ кончилъ дѣла свои по наслѣдству, онъ спѣшилъ почтить память отца скорѣй-

шимъ устройствомъ фабрики. Зданія для нея были ужь выведены, механикъ и машины выписаны; она пущена въ ходъ, и выгоды отъ нея оправдали надежды старика Патокина. Сергѣй Семеновичъ успѣшно продолжалъ дѣла свои съ Англіей. Онъ сталъ жить припѣваючи. Но скоро забыты правила бережливости, почерпнутыя имъ въ нравахъ просвѣщеннаго народа. Онъ видѣлъ въ Англіи комфортъ, а не безумную роскошь, даже у негоціантовъ, славившихся своимъ огромнымъ богатствомъ. Въ жизни ихъ, въ случаѣ значительнаго приращенія богатства, не замѣтишь никакихъ рѣзкихъ измѣненій, никакой выставки состоянія. Счастливыми годами своими они не парадируютъ; за то черные дни, на которые они приготовили запасъ, не были для нихъ бѣдственно тяжелы. Не видѣлъ онъ, какъ у насъ, нынѣ купецъ-милліонеръ—дивитъ народъ своими колесницами, тысячными рысаками, волшебными палатами, осыпаетъ брилліантами жену и часто актрису, задаетъ обѣды съ аршинными стерлядями, разливнымъ моремъ шампанскаго, справляетъ по недѣлямъ свадебные пиры съ наемнымъ генераломъ, украшеннымъ звѣздою,—завтра этотъ же самый милліонеръ прячется въ чуланъ отъ русскаго полисмена, который пришелъ посадить его за долги *въ яму*.

Казалось, съ первымъ глоткомъ русскаго воздуха, который успѣлъ хлебнуть Сергѣй Семеновичъ, и русская широкая натура, или скорѣй азіатская, въ немъ заволновалась. Съ того времени *англійская школа* и *стародубовская* начали борьбу въ его душѣ. Которая изъ нихъ взяла верхъ, мы увидимъ.

Молодой Патокинъ мало-по-малу сталъ роскошничать и разъ, пустившись на скользкій путь, не останавливался. Онъ отдѣлалъ свой домъ богато, со вкусомъ. Зеркала отъ пола до потолка, бархатъ, шелкъ, мраморъ, бронза, паркетъ изъ краснаго, пальмоваго и

чернаго дерева, экзотическія растенія, отличный столъ для званыхъ и незваныхъ, отборныя вина, многочисленная прислуга, — сдѣлали изъ этого дома какой-то храмъ роскоши. И это все въ ничтожныхъ Луковкахъ, въ темномъ захолустьѣ Россіи. Не говорю о лукулловскихъ угощеніяхъ, когда пріѣзжалъ губернаторъ въ городъ на ревизію. Марѳа Михайловна не думала удерживать мужа въ его неразумныхъ издержкахъ, напротивъ, сама соперничала въ нихъ. Она получала матеріи для своего гардероба не иначе, какъ изъ ліонскаго магазина и выписывала готовыя платья изъ Парижа. Брилліантовъ было у ней множество и высокой цѣны. Экипажами и лошадьми щеголяли они даже въ Москвѣ, куда стали пріѣзжать каждую зиму. Скоро окружное дворянство, какъ рой шмелей на пчелиный улей, пало на домъ Патокина. Офицеры полка, стоявшаго въ Луковкахъ, толпились въ немъ съ утра до поздней ночи. Бригадный генералъ частенько посѣщалъ богатую чету и даже ухаживалъ за Марѳой Михайловной. Она славилась своею красотою и въ Москвѣ, гдѣ ее прозвали la belle millionaire.

Патокины были хорошо приняты во многихъ лучшихъ московскихъ домахъ. Въ нихъ даже заискивали, одни въ надеждѣ занять денегъ, другіе, чтобъ попасть на обѣдъ съ аршинною стерлядью, иные просто изъ добраго расположенія къ радушнымъ хозяевамъ, которые, изъ своего рода эгоизма, въ удовольствіи другихъ находили собственное удовольствіе. Заискивали также и аристократическія дамы въ Марѳѣ Михайловнѣ, чтобъ выпросить у ней брилліантовъ и жемчуговъ на какой-нибудь блестящій вечеръ, гдѣ надѣялись ими помрачить своихъ соперницъ, и хотя за глаза честили ее иногда вороной въ павлиньихъ перьяхъ, однакожъ, въ глаза называли ее милою, душкой, безцѣнной. Патокина умѣла освоиться съ свѣтскими ма-

нерами и держала себя ровно съ этими барынями. Присутствуя нерѣдко при урокахъ своего сына и слыша безпрестанно разговоры учителя на французскомъ языкѣ, она выучилась отчасти понимать его и могла кстати отвѣчать по-русски, когда къ ней обращались по-французски. Она скоро нашла поклонниковъ своей красотѣ, но старалась только изъ тщеславія влачить за своей колесницей старичковъ-генераловъ и сіятельныхъ. Полиціймейстеры, при выѣздѣ ея изъ театра, сажали ее сами въ карету. Надо, однакожъ, сказать, что поведеніе ея было безукоризненно. Ни одинъ изъ ея обожателей не осмѣливался сказать, что одержалъ надъ ней полную побѣду. Одни ловеласы-фаты, изъ мщенія, говорили, что она глупа, а дуры, извѣстно,—прибавляли они,—вѣрны мужьямъ своимъ.

Властолюбивая въ домѣ, вспыльчивая, не терпящая противорѣчія, она иногда на щекѣ своей служанки, не угодившей ей, оставляла слѣды своей руки, но черезъ нѣсколько минутъ сама готова была просить прощенія у обиженной и старалась какимъ-нибудь подаркомъ вознаградить ее за свое грубое увлеченіе. Властолюбіе ея простиралось и на мужа. Въ минуты вспышки она говорила ему колкія и горкія слова, но искренняя, горячая любовь къ нему заставляла его скоро забыть все, что было въ нихъ обиднаго. Минутныя ссоры ихъ не имѣли никакихъ грустныхъ послѣдствій. Марѳа Михайловна дорожила именемъ своего мужа и нерѣдко поддерживали его, когда слишкомъ мягкій его характеръ оказывался безсильнымъ бороться съ обстоятельствами и людьми.

Рожденіе сына Владиміра скрѣпило еще болѣе ихъ любовь и освѣтило ихъ жизнь новымъ лучемъ счастія.

Доброта сердца Марѳы Михайловны не имѣла границъ. Сколько сиротъ пристроила она! Одного содер-

жала, отдала въ ученіе и доставила ему средства добывать насущный хлѣбъ, другую воспитала и выдала замужъ съ порядочнымъ приданымъ. У ней долго жила и умерла молодая турчанка, увезенная нашимъ офицеромъ въ одну изъ турецкихъ кампаній и брошенная въ Луковкахъ на произволъ судьбы. Дуня... Но разсказу о томъ, кто она была, откуда и какъ попала въ домъ Патокиныхъ, посвятимъ особенную главу.

Лѣтъ черезъ восемь по смерти отца, открылся Сергѣю Семеновичу новый кругъ дѣятельности. Тридцати съ небольшимъ лѣтъ, его выбрали луковскимъ градскимъ главою. Конечно, главнымъ побужденіемъ городского общества къ этому выбору было, какъ заведено у насъ, состояніе. Голова долженъ имѣть богатый домъ, гдѣ можетъ достойно принять губернатора во время его ревизіи и генераловъ, пріѣзжающихъ для осмотра войскъ, роскошно угощать ихъ и ихъ свиту, возить акциденціи въ губернскій городъ, выдавать изъ своего кошелька на канцелярскіе расходы думы и полиціи, затрачивать свои деньги на разныя общественныя и казенныя учрежденія, пока эти деньги не соберутся съ общества или не возвратятся изъ казны (а возвращаются онѣ иногда многіе годы, иногда вовсе замерзаютъ на пути отъ нашего россійскаго климата). Голова *обязанъ*, хотя и *добровольно*, вносить къ концу года податныя недоимки за бѣдныхъ мѣщанъ, чтобы избѣгнуть выговоровъ начальства за недоборъ. Если онъ малограмотный, ему непремѣнно надо платить отъ себя жалованье секретарю, чтобы тотъ указывалъ ему, гдѣ подписать свое имя, званіе и фамилію и не быть подведену въ уголовную, а извѣстно, что гдѣ рука, тамъ и голова. Конечно, для грамотнаго головы не нужно такого дядьки, но все-таки нельзя ему обойтись безъ расходовъ на секретаря и наемныхъ писцовъ, чтобы они вели исправно дѣлопроизводство и груды

книгъ, вѣдомостей и отчетовъ, за которые приходится иногда членамъ думы пройтись по лѣстницѣ замѣчаній, начиная отъ простого до строгихъ выговоровъ и эстафетъ.

При вступленіи въ должность головы, Патокинъ горячо принялся за исполненіе своихъ обязанностей, какъ онъ ихъ понималъ. Первымъ его дѣломъ было объявить городскому обществу, что онъ всѣ болѣе важныя дѣла, касающіяся интересовъ его, будетъ представлять на общественное обсужденіе. Это предложеніе сильно не понравилось купцамъ.—Нѣтъ, говорили они, низко кланяясь:—просимъ васъ, избавьте насъ отъ этой тягости. Дѣло небывалое. Каждый изъ насъ имѣетъ свои занятія по торговлѣ и дому. Коммерческій часъ, знаете сами, дорогъ. Когда намъ собираться и разсуждать о дѣлахъ общественныхъ? Мы на то и выбираемъ голову, чтобы онъ за насъ обсуживалъ ихъ и распоряжался самъ, какъ заблагоразсудитъ, а насъ бы не тревожилъ. — Свою просьбу они заключали формулой, обыкновенно употребляемой въ довѣренностяхъ: «Мы намъ вѣримъ, и что вы учините, спорить и прекословить не будемъ». Сколько онъ ни возражалъ, что дѣло общества есть дѣло каждаго изъ членовъ его, граждане стояли на томъ, чтобъ избавить ихъ отъ собраній.

При уравненіи постойной повинности, Патокинъ строго наблюдалъ справедливость и никогда, для угожденія богатымъ, не налегалъ на бѣдныхъ; напротивъ, всячески старался облегчать эту повинность, падающую на неимущихъ. Богатые сердились на него. Его возмущало униженіе и невѣжество, въ которомъ погрязали граждане и онъ вздумалъ имъ говорить, при случаѣ, простымъ понятнымъ для нихъ языкомъ, о человѣческомъ достоинствѣ, объ уваженіи къ законамъ... Это былъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ.—Эхъ, ба-

тюшка,—возражали ему:—кажись, вы сами законникъ и исполняете все, что слѣдуетъ по правиламъ и постановленіямъ; а попробуйте-ка не дать на водку будочнику, который пришелъ поздравить васъ съ праздникомъ, не дарить надзирателя вашего квартала, городничаго, такъ посмотрѣли бы мы, какъ вы справились бы съ вашей фабрикой».

Этотъ сильный аргументъ крѣпко озадачилъ проповѣдника. Какъ будто по предчувствію, онъ видѣлъ въ немъ для себя зловѣщее предсказаніе.

Сергѣй Семеновичъ нерѣдко осматривалъ лавки, гдѣ продавались съѣстные припасы, и если находилъ, что они нехорошаго качества, увѣщевалъ продавцовъ воздержаться отъ такой безчестной торговли и понять, что они отравляютъ ею здоровье своихъ ближнихъ. Когда-жъ эти увѣщанія не имѣли успѣха, приглашалъ членовъ полиціи и думы освидѣтельствовать припасы и тогда подвергалъ виновныхъ положенному взысканію. Тутъ ужь начался ропотъ на него.—«Хорошо ему», говорили они: «достались отъ отца милліоны, а намъ, людямъ бѣднымъ, и расторговаться не изъ чего безъ обмана». Онъ вздумалъ объ образованіи своихъ согражданъ, и, не смотря на оппозицію большей части луковцевъ и возгласы ихъ, что дѣды и отцы и безъ грамоты умѣли наживать деньгу, усилилъ средства уѣзднаго и приходского училищъ. Но и тутъ его попеченія не имѣли успѣха. Рѣдкіе купцы отдавали учить дѣтей своихъ въ эти училищныя заведенія.

Когда-жъ онъ вздумалъ слѣдить за преподаваніемъ въ училищѣ, смотритель объявилъ ему наотрѣзъ, что онъ можетъ дѣлать пожертвованія сколько душѣ угодно, а входить въ хозяйственную или въ учебную часть ему не дозволено. Училище для дѣтей фабричныхъ и дѣтей, работающихъ на фабрикѣ, завелъ онъ прежде, но и тутъ запугали его требованія отчетности.

Сильную борьбу долженъ онъ былъ выдержать, когда надо было осушить улицу, куда прямо со дворовъ выбрасывали всякую нечистоту въ лужу, разливавшуюся весною въ озеро и сдѣлавшую эту улицу непроѣзжею отъ топи и зловонія. То же было и съ базарною площадью, гдѣ кляченки бѣдныхъ мужиковъ вязли по уши, а возы уходили по ступицу. Опять тѣни отцовъ и дѣдовъ вызваны на помощь оппозиціи.

— Какая намъ будетъ выгода, что вымостимъ площадь,—говорили граждане: — развѣ дешевле станутъ крестьяне продавать намъ свой товаръ? А что до улицы, видали мы такія и въ губернскомъ городѣ Есть тамъ и губернаторъ и полиціймейстеръ, и тѣ молчатъ. Вздумалъ въ нашемъ городишкѣ заводить порядокъ и чистоту на иностранный манеръ! Загрязнилъ, видно, свой англійскій сапожекъ, али пыхнулъ лишній разъ его тысячный рысакъ, и давай мытарить общественныя денежки. Не смотря, однакожъ, на всѣ эти возгласы, онъ успѣлъ во многихъ своихъ полезныхъ предпріятіяхъ: основалъ богадѣльню, сиротскій домъ, больницу. Надо сказать, что во всѣхъ расходахъ на эти учрежденія онъ былъ главнымъ, если не половиннымъ, вкладчикомъ. Не только заботился Патокинъ объ основаніи ихъ, но и о томъ, чтобы они управлялись гуманно, согласно ихъ цѣли. Важныя пожертвованія его смягчали нѣсколько гнѣвъ невѣжественной оппозиціи.

Бывая въ лѣтнее время, въ воскресные дни, у обѣдни, онъ слышалъ, какъ сквозь растворенныя окна церкви, около которой былъ расположенъ базаръ, врывалась въ нее площадная брань пьяныхъ мужиковъ и мѣшалась съ священнымъ пѣніемъ и богослуженіемъ. Такое безчинство не могло не возмущать душу истинно религіознаго человѣка. Убѣдя членовъ думы и нѣкоторыхъ болѣе значительныхъ гражданъ, онъ сдѣлалъ

вмѣстѣ съ ними представленіе начальству, «въ уваженіе изъясненныхъ причинъ», о назначеніи другого базарнаго дня вмѣсто воскресенья. Представленіе это, однакожъ, почему-то не имѣло благопріятнаго исхода.

Но несмотря на всѣ эти невзгоды, глубоко огорчавшія и смущавшія Патокина, онъ продолжалъ свое усердное служеніе общественной пользѣ и тѣмъ нравственнымъ началамъ, которыя почерпнулъ въ *англійской школѣ*, поддерживаемый доселѣ въ своихъ дѣйствіяхъ главными начальниками.

Особенно одинъ изъ нихъ, графъ NN, аристократъ по рожденію, богатству, связямъ и высокимъ душевнымъ качествамъ, любилъ Патокина и всегда искалъ случая доказать, какъ онъ умѣлъ цѣнить усердную, разумную и безкорыстную службу его.

Богатство, конечно, есть достоинство; честность, въ борьбѣ съ бѣдностію, выходящая побѣдительницей изъ этой борьбы, возвышаетъ болѣе личность человѣка, нежели честность того, которому стоитъ только пожелать, чтобы имѣть. Но надо и это приписать къ достоинствамъ графа, что богатство не испортило его. *Человѣкъ* онъ былъ прежде, чѣмъ сдѣлался губернаторомъ, и, сдѣлавшись губернаторомъ, остался *человѣкомъ*. Онъ не добивался этого мѣста; ему предложили его. Онъ принялъ мѣсто не для того, чтобы стать выше другихъ (онъ не былъ ниже ихъ и прежде), а для того, чтобы стать въ ряду людей, истинно полезныхъ своему отечеству, и заплатить ему свой долгъ. Властью, которую получилъ, онъ ничего не пріобрѣталъ; кромѣ большого круга для своей дѣятельности и власти дѣлать добро, котораго онъ не могъ дѣлать прежде. Мѣсто это не возвышало его ни въ глазахъ другихъ, ни въ собственныхъ глазахъ, какъ это бываетъ съ ничтожными людьми, которые изъ пресмыкающихся, угождающихъ и добивающихся власти стараются, получивъ ее, вдругъ воз-

наградить себя на другихъ за долготерпѣніе и униженіе. Не имѣя нужды ломать голову о пріобрѣтеніяхъ, онъ не могъ употребить всѣ свои труды, всѣ помыслы единственно на исполненіе своихъ обязанностей.

Графъ даже съ мелкими чиновниками обращался вѣжливо и никогда не позволялъ себѣ нарушать общественнаго приличія въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ, даже обвиненнымъ... Не гремѣлъ онъ возгласами противъ взяточничества, не произносилъ изрѣченій о долгѣ и чести, которыя можно найти даже въ любой прописи, но имѣлъ особенный тактъ заставить зло спрятаться или притаиться въ своихъ норахъ, а это ужь большой шагъ впередъ на пути служебнаго прогресса. Все это безъ шума, безъ крика, безъ письменныхъ выговоровъ, къ которымъ такъ привыкли начальствующія лица, а подчиненныя такъ приглядѣлись, какъ будто бы ихъ потчивали каждую почту по ложкѣ микстуры... Проглотятъ, поморщатся, махнутъ рукой и опять примутся за прежнія продѣлки до новой ложки. Всякій проситель, кто бы онъ ни былъ, дворянинъ, купецъ, крестьянинъ, имѣлъ къ нему скорый доступъ. Онъ не *конфузился* въ минуты трудныхъ обстоятельствъ и отстаивалъ спокойно и энергически правое дѣло и правыхъ людей, хотя бы громы надъ нимъ гремѣли. Форма для графа мало значила; онъ смотрѣлъ на дѣло. Въ своихъ сношеніяхъ съ нижшими мѣстами и лицами онъ не предписывалъ строжайше, а *просилъ;* но знали эти мѣста и лица, что просьба его важнѣе всѣхъ строжайшихъ предписаній. Его боялись, хотя и не былъ онъ грозенъ по наружности. Знали, что его нельзя подкупить ни лестью, ни угожденіями, ни даже точнымъ исполненіемъ формальностей, но знали также, что человѣкъ, сдѣлавшійся ему извѣстнымъ безчестнымъ поступкомъ, не получитъ пощады, хотя бъ за него были исправное веденіе дѣлопроизводства и по-

кровительство всѣхъ сильныхъ міра сего. Честныхъ, благородныхъ сослуживцевъ, какъ онъ называлъ ихъ, отличалъ особеннымъ своимъ вниманіемъ, публично выражаемымъ. Графъ подавалъ свою чистую руку такимъ людямъ, хоть бы они не считались выше 10-го класса, и приглашалъ ихъ на свои торжественные обѣды, между тѣмъ какъ на этихъ обѣдахъ не видать было иного статскаго совѣтника. Разсказываютъ, что жена одного дивизіоннаго генерала, женщина очаровательная во всѣхъ отношеніяхъ, узнавъ, что не приглашенъ на такой обѣдъ совѣтникъ какой-то палаты, покровительствуемый ею за то, что должна ему была, и за то, что онъ составлялъ почти ежедневную карточную партію съ ея мужемъ, умоляла графа обратить гнѣвъ на милость и снять опалу съ ея protégé. Графъ, хотя и поклонникъ прекраснаго пола, объявилъ генеральшѣ, что онъ готовъ все для нея сдѣлать, но отступиться отъ своихъ правилъ не можетъ. Онъ умѣлъ окружить себя избранными людьми, честными и дѣльными, большею частію университетскими кандидатами, хотя и не съ великосвѣтскими манерами и аристократическими именами. Небольшіе оклады ихъ онъ щедро дополнялъ изъ своего жалованья, въ которомъ только росписывался. Достойнѣйшихъ старался онъ возвысить и по служебной іерархіи.

Патокинъ, изо всѣхъ головъ губерніи, пользовался его особеннымъ расположеніемъ. Сергѣй Семеновичъ не добивался никакихъ наградъ,—онѣ сами нашли его. Двѣ золотыя медали, крестъ и, наконецъ, званіе коммерціи-совѣтника свидѣтельствовали объ его заслугахъ и оцѣнкѣ ихъ губернаторомъ. Несмотря, что нѣкоторые граждане имѣли на него неудовольствіе за нововведенія «на иностранный манеръ», какъ они говорили, Патокинъ былъ избранъ на третье трехлѣтіе — богатыми, можетъ быть, изъ боязни прогнѣвить выс-

шую власть, бѣдными единодушно изъ любви и благодарности къ человѣку, который всегда такъ горячо стоялъ за интересы меньшой братьи. Въ это время графъ NN получилъ другое назначеніе. Много лѣтъ прошло съ того времени, но губернія и до нынѣ чтитъ его память и произноситъ имя его съ благодарностію. На мѣсто его назначенъ новый начальникъ, совсѣмъ иного покроя. По разстройству своихъ денежныхъ обстоятельствъ, онъ пошелъ въ губернаторы съ цѣлью поправить ихъ. А съ такими видами и самый умный, самый дѣятельный человѣкъ, хотя бы онъ хваталъ звѣзды съ неба, будетъ всегда дурнымъ правителемъ. Онъ пріобрѣлъ имя великаго дѣльца во время ревизіи одной губерніи, куда посланъ былъ на испытаніе. Новая метла не могла бы задорнѣе пройти по ней. Болѣе всего обратилъ онъ вниманіе на бумажное производство, и по этой наукѣ былъ великій художникъ. Всѣ чердаки въ присутственныхъ мѣстахъ, всѣ подвалы и мышьи норы были имъ осмотрѣны. Ни малѣйшаго отступленія отъ обрядности не проглядѣлъ, ни одного листочка бумажнаго не оставилъ безъ повѣрки. Отчеты его по ревизіи заключались въ нѣсколькихъ томахъ. Маленькихъ бездѣльниковъ выгналъ онъ, но пощадилъ крупныхъ, которые искусно крали. Ни объ одномъ честномъ человѣкѣ не сказалъ слова. Нашелъ онъ было такой рѣдкій субъектъ, да и тотъ, по докладу приближеннаго человѣчка, оказался не *подходящимъ* подъ его аттестацію—честный, да будто дѣло худо знаетъ. Можно бы перевесть этотъ отзывъ слѣдующимъ образомъ: не дѣлецъ брать взятки, хотя эта наука такъ легка, сама въ руки дается. Ревизоръ не взялъ на себя труда сдѣлать этотъ переводъ.

Прибывъ въ *свою* губернію (такъ онъ ее называлъ и скоро попривыкъ считать ее *своею*), онъ началъ все ломать и напустилъ на нее такой страхъ, что волки

и комары пришли одинаково въ трепетъ. Зная, что за форму болѣе отвѣтственности, нежели за дѣло, онъ и сдѣлалъ форму своимъ кумиромъ и самъ олицетворилъ въ себѣ этотъ кумиръ, которому должны были всѣ покланяться. Кто передъ нимъ не падалъ и не курилъ ему ѳиміама, былъ либералъ. Возраженій онъ не терпѣлъ. Точное исполненіе—и больше ничего. На подчиненныхъ смотрѣлъ онъ, какъ на счетныя косточки, которыя должны были дѣлать, что укажетъ движеніе его перста. Чиновники, окружавшіе прежняго начальника, для него не годились; на мѣсто ихъ поступили новые люди съ старою закваской — *рыбаки*. Обращеніе его было грубое, даже дерзкое. Все въ губерніи трепетало, сказали мы. И въ Луковкахъ отдались громы этого губернскаго Юпитера. Патокинъ-король, не имѣя никакихъ причинъ трепетать, не тревожился. Всѣ головы губерніи предстали на поклоненіе новому начальнику; не явился одинъ Патокинъ. Ожидая со дня на день ревизіи его, о которой заранѣе былъ извѣщенъ, онъ хотѣлъ представиться ему со всѣмъ городскимъ обществомъ въ Луковкахъ, какъ сдѣлалъ это при поступленіи губернаторомъ графа NN. Такое нарушеніе этикета взбѣсило начальника. — Мои предмѣстники избаловали этого гордеца,—говорилъ онъ приближеннымъ своимъ:—я отучу его либеральничать.

Пріѣхалъ онъ дѣйствительно скоро на ревизію въ Луковки, но не остановился въ домѣ Патокина, какъ это дѣлали прежніе начальники, которымъ и въ мысль не приходило, что могутъ ихъ заподозрить въ подкупѣ какимъ-нибудь обѣдомъ или хорошею квартирой. При общемъ представленіи городского общества, онъ обошелся съ головою сухо. Въ думѣ придирался ко всякой бездѣлицѣ, ко всякой ошибкѣ писца, швырялъ книги и дѣла едва не въ лицо секретарю; выговаривалъ головѣ, что онъ мѣшается въ полицейскія дѣла,

ему не подвѣдомыя и потому превышаетъ свою власть, однимъ словомъ, — *оборвалъ* его. Патокинъ осмѣлился возразить, что всѣ его дѣйствія были извѣстны предмѣстнику его превосходительства и за нихъ не было дѣлаемо никакихъ замѣчаній; что графъ NN недавно обревизовывалъ думу и благодарилъ за примѣрную исправность дѣлопроизводства и городского хозяйства.—Мнѣ какое дѣло до другихъ? — сказалъ губернаторъ: — другіе могли быть близоруки, а я, слава Богу, имѣю хорошее зрѣніе, далеко вижу. Прошу у меня не умничать. Я нахожу у васъ дурное дурнымъ, и вамъ это объявляю.

Патокинъ не возражалъ болѣе.

Передъ выѣздомъ начальника изъ Луковокъ, городничій былъ призванъ къ его превосходительству на конфиденціальную аудіенцію. Какія наставленія были ему даны подъ рукой, неизвѣстно, но съ того времени городничій обратился спиной къ Патокину; до этой же поры былъ съ нимъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ; какъ холостой человѣкъ, онъ каждый день пользовался его столомъ и получалъ отъ него въ срокъ щедрую аксиденцію.

Ревизія, однакожъ, не имѣла для Патокина никакихъ важныхъ послѣдствій, кромѣ выговора за неисправность дѣлопроизводства по думѣ. Онъ оставался спокоенъ. Но спокойствіе это было, однакожъ, непродолжительно.

До сихъ поръ не удавалось сокрушить Патокина, какъ голову; отыскивали случай погубить его какъ фабриканта, какъ частное лицо. Городничій, наведенный на эту мысль, лѣзъ изъ кожи, чтобы угодить начальству.

Случай этотъ былъ скоро найденъ.

Мы сказали, что у Патокиныхъ былъ сынъ Владиміръ. Послѣ него родилась дочь, но малютка, при-

гожая и смышленая, порадовала ихъ только одинъ годъ. Ее звали Дуней. Она мелькнула на землѣ, какъ мимолетная гостья. Горько плакали отецъ и мать, проводивъ на кладбище розовый гробикъ, въ которомъ дитя, убранное цвѣтами, улыбаясь ангельскою улыбкой, лежало, какъ будто во снѣ летѣло на встрѣчу своихъ неземныхъ братьевъ и сестеръ.

Послѣ этой потери сынъ сдѣлался для Патокиныхъ еще дороже. Хорошенькій мальчикъ, умомъ своимъ и быстрыми успѣхами въ ученіи, подавалъ прекрасныя надежды. Съ добротою сердца отца онъ соединялъ энергію дѣда и настойчивость матери. Сначала у него былъ гувернеромъ какой-то самозванецъ маркизъ, полуитальянецъ, полуфранцузъ. Мальчику было девять лѣтъ, когда учитель, послѣ нѣсколькихъ вступительныхъ уроковъ географіи, хотѣлъ познакомить его съ своей родиной — Франціей. Ученикъ просилъ, чтобы онъ началъ съ Россіи. — Прежде всего мнѣ нужно знать свое отечество,— говорилъ Володя. Маркизъ все держался за Францію, Володя не отступалъ. Маркизъ поставилъ его на колѣни; наказанный мальчикъ твердилъ одно и то же. Учителю запрещено было отцомъ и матерью употреблять всякаго рода тѣлесныя наказанія. Внѣ себя, онъ схватилъ пистолетъ, висѣвшій у него надъ кроватью и грозилъ застрѣлить непокорнаго ученика.

— Стрѣляйте,—сказалъ Володя, а я съ Франціи начинать не буду.

Сумасшедшаго гувернера уволили.

За нимъ поступилъ гувернеромъ къ Володѣ женевецъ Ришаръ. Слишкомъ восемь лѣтъ пробылъ онъ въ домѣ Патокиныхъ и полюбилъ отъ души своего ученика. Съ этою благородною, воспріимчивою натурой, замѣтилъ онъ, надо обращаться бережно; стоитъ только набросить на нее здоровыя сѣмена, чтобы они взошли

сторицей. Не имѣя глубокихъ познаній въ наукахъ, Ришаръ, однакожъ, успѣлъ передать ученику всѣ свои познанія и, что дороже всякихъ знаній, любовь ко всему прекрасному, высокому и благородному и ненависть къ угнетенію и несправедливости. Жена Ришара, жившая съ нимъ вмѣстѣ, учила Володю нѣмецкому языку. Страстная поклонница Шиллера, она напитала душу Володи благоговѣйною любовію къ своему любимому поэту. Чего не доставало у Ришара для полнаго, основательнаго цикла образованія его ученика, то дополнили въ Москвѣ, куда Патокины ѣзжали каждую зиму, русскіе учители изъ гимназіи и даже профессора университета. Мальчикомъ Володя былъ записанъ на службу, но и тутъ все-таки продолжалъ учиться. Въ неблагопріятный для Сергѣя Семеновича годъ, когда начались на него гоненія, онъ не ѣздилъ въ Москву, а отправилъ туда сына съ Ришаромъ къ генералу Огрызкову. Ветеранъ временъ Александровскихъ пріютилъ въ своемъ домѣ сына своего пріятеля и его гувернера и взялся наблюдать за нравственностью юноши.

Въ отсутствіе Володи (лѣтъ за шесть до нашего разсказа) случилось въ домѣ отца его происшествіе, о которомъ хочу говорить. Оно имѣло одно направленіе, а получило конецъ, не соотвѣтствующій ему. Такъ стрѣла, пущенная ловкимъ и могучимъ стрѣлкомъ въ завидѣнную цѣль, но перехваченная на пути сильнымъ порывомъ вѣтра, попадаетъ совсѣмъ въ другую сторону. Странно иногда играетъ судьба человѣческими замыслами и расчетами!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Въ одну глубокую полночь полицейскіе служители и понятые оцѣпили фабричный домъ Патокина и стали на стражѣ у всѣхъ входовъ и выходовъ, такъ что никто не могъ пройти мимо нихъ ни изнутри, ни со двора. Самъ городничій, въ доспѣхахъ Беллоны, распоряжался дѣйствіями своей команды. Гдѣ нужно, разставлены *секреты*. Отрядный офицеръ, желая застать непріятеля врасплохъ, не могъ бы дѣйствовать исправнѣе. Усердно-рабское желаніе угодить высшему лицу окрыляло его. Увѣрившись, наконецъ, что врагъ не ускользнетъ, онъ, не церемонясь, вторгнулся въ квартиру Опенкина. Приглашенный на этотъ случай ратманъ былъ блѣднѣе полотна; онъ полагалъ, что городничій отыскалъ вѣрные слѣды дѣланія фальшивыхъ ассигнацій, или важнаго преступника. Предсталъ предъ ними Опенкинъ, успѣвшій только вскочить съ постели и спросонья набросить на себя, что только нашелъ подъ руками. Можно вообразить, какія гримасы дѣлало его лицо и какъ смѣшенъ онъ былъ въ своей импровизованной одеждѣ. Его била лихорадка, едва попадалъ зубъ на зубъ. Онъ вспомнилъ о пожарѣ, о похищеніи денегъ, и мало ли что ему представилось!

— Посмотрите, какъ онъ испугался,—сказалъ, смѣясь, городничій ратману:—знаетъ кошка, чье мясо съѣла.

— Ключи отъ конторскаго шкапа!—крикнулъ онъ грозно:—и паспорты рабочихъ! При этомъ требованіи у Опенкина отлегло отъ сердца; онъ догадался въ чемъ дѣло. Конторскій шкапъ открытъ, паспорты и книги, гдѣ они записывались, вынуты и вручены городничему, который, запечатавъ ихъ своею и конторскою печатями, завернулъ въ свой носовой платокъ. Затѣмъ начальникъ луковской полиціи удалился, наказавъ своей командѣ не отлучаться отъ назначенныхъ имъ постовъ, никого не впускать въ фабричный домъ и никого не выпускать изъ него до слѣдующаго утра, когда будетъ сдѣлана перекличка всѣмъ фабричнымъ. Проводивъ его, Опенкинъ съ помощію серебрянаго проводника успѣлъ пробраться къ Сергѣю Семеновичу и обо всемъ ему донести. Патокинъ былъ глубоко оскорбленъ дѣйствіями полиціи и встревоженъ неизвѣстностью того, что подало поводъ къ нимъ. Спросивъ, однакожъ, своего главнаго конторщика и приказчика, всѣ ли паспорты въ порядкѣ и получивъ отъ него утвердительный отвѣтъ, успокоился.—Утро вечера мудренѣе,—сказалъ онъ:—оставьте полицію дѣлать какъ хочетъ, и исполняйте безотговорочно, что ни потребуютъ. Мы отвѣчаемъ за свои дѣйствія, она будетъ отвѣчать за свои.

Къ утру это происшествіе ходило ужь по городу съ разными прибавленіями и коментаріями, и надѣлало много шуму. Кто говорилъ, что на фабрикѣ дѣлаютъ фальшивую монету, кто увѣрялъ, что тамъ укрывается бѣглецъ, а другіе божились, что нашли убитую женщину. Всѣ жалѣли Патокина; смолкли неудовольствія противъ него; любовь къ нему народная возрасла отъ этого случая. Купцы шепотомъ пороптали между собою, но никто изъ нихъ не смѣлъ гласно заявлять

оскорбленіе, нанесенное всему обществу въ лицѣ головы, и даже явиться къ нему въ домъ,—пожалуй, еще притянутъ къ уголовному дѣлу. Одинъ старый англичанинъ, бывшій еще до Джонса на фабрикѣ механикомъ, громко негодовалъ и говорилъ, что еслибы въ Англіи случилось такое происшествіе, то весь городъ всталъ бы, какъ одинъ человѣкъ, чтобъ протестовать противъ оскорбленія, нанесеннаго честному гражданину. «Такъ дѣйствуютъ у насъ,—говорилъ онъ:—только съ обличенными преступниками».

— То у васъ, а то у насъ,—возразилъ ему одинъ изъ первостатейныхъ гражданъ:—всякому своя рубашка ближе. Отплатится Сергѣй Семеновичъ своей мошной, и обида сбѣжитъ, какъ съ гуся вода. Все-таки будетъ у насъ въ чести и уваженіи.

— Хотя ваши бумажки и плохо идутъ у насъ за-границей,—отвѣчалъ англичанинъ:—а, по словамъ вашимъ, вижу, что курсъ ихъ высокъ у васъ дома—выше общественнаго мнѣнія, выше всѣхъ нравственныхъ началъ, выше закона.

— Поди ты съ своими законами и какими-то *началами*, откуда пришелъ!—довершилъ первостатейный:—не страшенъ законъ, а страшенъ судья. Намъ бы далъ Богъ только, въ случаѣ невзгоды, уберечь себя.

На другой день дѣло объяснилось. Городничій, при ратманѣ и Опенкинѣ, сдѣлалъ по книгамъ перекличку всѣмъ рабочимъ, находящимся на фабрикѣ. Оказалось, что у трехъ фабричныхъ были паспорты на простой бумагѣ, у двухъ примѣты на паспортахъ показаны не совсѣмъ правильно: вмѣсто сѣрыхъ глазъ, оказались каріе, вмѣсто остраго подбородка—круглый, родимое пятно на плечѣ не обозначено. У одного не оказалось вовсе паспорта. Преданный своему долгу, городничій осматривалъ фабричныхъ во всей подробности, какъ

художникъ натурщиковъ. Онъ объявилъ, что паспорты фальшивы, а одинъ рабочій вовсе безпаспортный—все равно что бѣглый и потому хозяинъ фабрики противозаконно держалъ ихъ у себя. Опенкинъ со всѣмъ должнымъ благоговѣніемъ, подобающимъ такой грозной персонѣ, осмѣлился доложить, что помѣщики, по закону, имѣютъ право давать виды своимъ крѣпостнымъ на простой бумагѣ, если разстояніе отъ селенія, куда они приписаны, до мѣста, куда они отпускаются на заработки, не болѣе тридцати верстъ; примѣты могли быть ошибочно написаны писцомъ казначейства, какъ это нерѣдко случается, что одинъ фабричный не имѣетъ паспорта, такъ это потому, что, когда собирался за нимъ въ казначейство, заболѣлъ и только вчера всталъ. Опенкинъ прибавилъ, что его благородію обо всемъ этомъ извѣстно по ревизіи, которую онъ дѣлалъ не болѣе двухъ недѣль назадъ, и его благородіе изволилъ отозваться, что все это—пустяки.

— Я не говорилъ этого,—закричалъ городничій:—ложь, клевета! Впрочемъ мы все это провѣримъ.

И дѣйствительно, въ скоромъ времени губернское начальство, получивъ донесеніе объ этомъ *важномъ казусѣ*, прислало изъ Расторгуева (такъ назывался губернскій городъ) землемѣра для провѣрки разстоянія, которое должно было опредѣлить: законны или не законны виды, писанные на простой бумагѣ. Отъ нѣсколькихъ саженъ зависѣла участь Патокина.

Оказалось, съ натяжкою, 32 версты. Сергѣй Семеновичъ, по точной буквѣ закона, подлежалъ суду; той же участи должны были подвергнуться и помѣщики, дававшіе виды своимъ крестьянамъ на простой бумагѣ. Шутка была плохая, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ ждать помилованія отъ главнаго судьи, заявившаго себя его личнымъ врагомъ. Онъ впалъ въ глубокое уныніе. Конечно, Патокинъ современемъ оправдался бы,

но преданіе суду было ужь для него позоромъ, могло попасть и въ формуляръ.

— Горевать некогда, — сказала Марѳа Михайловна:—ѣдемъ въ Расторгуевъ.

— Какъ, ѣдемъ?—спросилъ Сергѣй Семеновичъ.— Поѣду я одинъ, а ты что будешь тамъ дѣлать? Не по присутственнымъ мѣстамъ и губернаторамъ ходить тебѣ!

— Не все въ присутственныхъ мѣстахъ рѣшаются дѣла,—сказала Марѳа Михайловна.—Часто и легче они обдѣлываются въ кабинетахъ, спальняхъ и на заднихъ крыльцахъ. Я слышала, что первая дама въ городѣ въ иныхъ случаяхъ—очень ловкая женщина... Ей нужны до-зарѣза деньги; ужь и въ Луковки были засылы. Я буду твоимъ стряпчимъ. Дай мнѣ денегъ и денегъ.

— Бери, сколько угодно, лишь бы мнѣ спасти свое доброе имя. Не пожалѣю ничего.

— Такъ ѣдемъ, и сейчасъ.

— Ты забыла, другъ мой, что я должностное лицо, и мнѣ на отлучку изъ Луковокъ надо испросить позволенія начальства.

— Пиши и проси. Но знай напередъ (Марѳа Михайловна задумалась, соображая что-то въ головѣ своей), что пока ты получешь разрѣшеніе, я съѣзжу въ Москву, зачѣмъ—это мое дѣло.

— Почти триста верстъ крюку?...

— Это опять дѣло моего здоровья. Мнѣ нужно побывать у перваго калачника.

Мужъ пожалъ плечами.

Еслибъ Марѳа Михайловна хорошо знала Шекспира, то могла бы при этомъ недоумѣніи мужа перефразировать знаменитое изрѣченіе Гамлета: «есть, мой другъ, такія чудеса на Руси, которыя и не снились вашимъ мудрецамъ»; но такъ какъ она во всю жизнь свою прочла

только два, три французскіе романа въ русскомъ переводѣ, то прибавила своею собственной прозой: «между тѣмъ пошли Опенкина въ Расторгуевъ, чтобы онъ выхлопоталъ тебѣ скорѣе отпускъ и разузналъ всѣ мышьи норы. Елизаръ плутъ, что бы ты ни говорилъ; но такой человѣкъ намъ теперь нуженъ. Лучшей ищейной собаки не найти».

— Будь по твоему,—сказалъ Сергѣй Семеновичъ, послалъ по эстафетѣ просьбу объ отпускѣ, снарядилъ въ дорогу Опенкина, получившаго отъ Марѳы Михайловны нужную инструкцію, и снабдилъ свою супругу пачкой кредитокъ.

Была зимняя пора. Искуснѣе всякихъ Макъ-Адамовъ снѣгъ устлалъ и уровнялъ дорогу Марѳѣ Михайловнѣ— катись по ней, какъ по ковру-самолету. Гоголевскія тройки-птицы, съ придачею имъ золотыхъ крыльевъ, доставили ее въ Москву и возвратили домой въ одни сутки съ небольшимъ. Въ Москвѣ она успѣла только обнять сына. Что она привезла въ ящикѣ, который хранила, какъ зеницу ока — ночью подъ подушкой, днемъ, въ дорогѣ, на колѣнахъ — не показала даже мужу.

Черезъ дня три получено разрѣшеніе Патокину отлучиться отъ должности въ кратковременный отпускъ.

Марѳа Михайловна не предалась долго отдыху. Въ нѣсколько минутъ уложены были лучшія ея платья и наряды въ важи, баулы и картоны.

Между тѣмъ Опенкинъ не дремалъ въ Расторгуевѣ. Задобривъ сначала нумерного слугу въ гостинницѣ средней руки, въ которой остановился, и узнавъ отъ него, что хозяинъ бываетъ съ утра до вечера подъ-хмѣлькомъ, залучилъ его въ свой нумеръ. Поставили самоварчикъ, заварили чай, и, за обильнымъ возліяніемъ русскаго нектара, съ прибавкою кизлярки, начался

откровенный разговоръ. Опенкинъ выдавалъ себя за купца, пріѣхавшаго взять подрядъ на дрова въ какія-то заведенія, и потому секретничать при немъ было нечего. Въ два часа упоительной бесѣды, почти всѣ городскія тайны были ему извѣстны. Губернскія власти думаютъ, что эти тайны хранятся у нихъ подъ надзоромъ сфинкса; но стоитъ только, какъ частное лицо, пріѣхать въ любой губернскій городъ, и въ первой гостиницѣ, гдѣ вы остановитесь, первый половой разскажетъ вамъ всѣ загадки этого сфинкса. Вы тотчасъ узнаете, кто беретъ взятки самъ или чрезъ посредника, кто не беретъ, если есть такой феноменъ, кто какъ живетъ съ женой, содержитъ ли кто пріятельницу, что у кого варятъ въ горшкахъ или кастрюляхъ, кто ѣстъ рябчики, а кто студень.

Опенкинъ узналъ, между прочимъ, слѣдующее: «Градоначальникъ, по пріѣздѣ въ Расторгуевъ, навелъ было на всѣхъ грозу, но скоро угомонился и пріутихъ, потому что денежныя дѣла его плохи. Правитель его канцеляріи рыжій, съ бѣльмомъ на глазу, оплылъ отъ жиру. Когда пріѣзжаютъ въ городъ исправники и городничіе, они задаютъ ему обѣды въ гостиницѣ, и на этихъ обѣдахъ то и дѣло щелкаютъ въ потолокъ пробки. «Тогда мнѣ *лафа*», прибавлялъ половой. Но правитель не довольствуется съѣстнымъ и питьемъ; все это, говоритъ, путешественники; подавай еще осѣдлаго, чистогану. На всѣхъ этихъ посѣтителей града Расторгуева наложенъ ужь годовой оброкъ. Заборы въ больницѣ рубятся на дрова, потому что отъ подрядчика принимается только половинное количество дровъ, а деньги за другую половину—идутъ въ карманы распорядителей [1]). И потому, еслибъ можно

[1]) Читатель, конечно, сообразитъ по времени, съ котораго начинается нашъ разсказъ, что все, здѣсь описываемое — дѣла давно минувшихъ лѣтъ.

было оттѣснить прежняго подрядчика, то выгодно взять поставку дровъ. Но что всего важнѣе было для Опенкина, такъ это свѣдѣнія о домашнихъ дѣлахъ первой дамы въ городѣ. Она ищетъ денегъ, чтобы выручить серебро и брилліанты, заложенные въ Петербургѣ; сверхъ того, надо внести ей въ опекунскій совѣтъ проценты по имѣнію. — Ужь и ко мнѣ засылали,—прибавилъ хозяинъ гостиницы:—да я не имѣю въ наличности, а можно бы черезъ эту даму дѣлать хорошія дѣла.

По пріѣздѣ Патокиныхъ въ Расторгуевъ, они остановились въ лучшей гостиницѣ и заняли нѣсколько нумеровъ. Ихъ ожидалъ тамъ Опенкинъ съ своимъ онесеніемъ.

Марѳа Михайловна, въ знакъ удовольствія, подала своему чиновнику особыхъ порученій руку.

Сергѣй Семеновичъ поспѣшилъ явиться къ начальству. Доложили о немъ. Приказано дожидаться. Болѣе часа прошло въ ожиданіи. Между тѣмъ какой-то чиновникъ, среднихъ лѣтъ, въ шитомъ воротникѣ, съ крестомъ на шеѣ, бывшій въ пріемной комнатѣ, услыхавъ фамилію Патокина, любезно подошелъ къ нему, сказалъ, что счастливымъ себя считаетъ съ нимъ познакомиться; что такіе люди, какъ Сергѣй Семенычъ, дѣлаютъ честь не только губерніи, но и всей Россіи, и рекомендовалъ себя, какъ *члена* какого-то присутственнаго мѣста.—У меня, въ отдѣленіи, ваше дѣло,—прибавилъ онъ:—началось худо; негодяй нагородилъ на васъ разные вздоры. Оскорбленіе велико—въ полночь вломиться въ домъ, оцѣпить его своими сбирами—это неслыханно. Онъ пострадаетъ за это.

— Лишь бы я не страдалъ,—отвѣчалъ Патокинъ.

— Рѣшеніе еще не послѣдовало. Мы промедлимъ нѣсколько дней. Предупреждаю васъ, *нашъ* приметъ васъ не совсѣмъ благопріятно. Вы на это не смотрите;

онъ всегда на первый разъ суровъ. Сдѣлайте съ своей стороны уступки; повѣрьте: «все перемелется, мука лучшая будетъ».

Послышался звонокъ, затѣмъ суровый голосъ изъ кабинета: «Луковскаго голову!»

Патокинъ вошелъ.

Начальникъ сидѣлъ въ креслахъ, у письменнаго стола, противъ двери, подъ портретомъ современнаго министра и еще какого-то знатнаго господина. Портретъ бывшаго министра удаленъ на болѣе скромное мѣсто.

Онъ не могъ не видѣть прихода Патокина, но для вящаго эффекта углубился въ писаніе, бросая на бумагу дикіе взгляды, которые должны были отпрыгнуть на сердце головы.

Жесткія черты шафраннаго лица, жесткіе волосы, вставшіе щеткой, злой взглядъ, — все это уже было знакомо Патокину. Пробѣгая про себя написанныя строки, онъ непріятно чмокалъ губами. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Наконецъ Патокинъ осмѣлился прервать молчаніе.

— Честь имѣю явиться, луковскій голова, — сказалъ онъ.

— Слышу и вижу,—отвѣчалъ сурово начальникъ и насупилъ юпитеровскія брови.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, — продолжалъ онъ, когда достаточно потомилъ своимъ взглядомъ Сергѣя Семеновича, будто кошка свою крылатую жертву, пока не бросится на нее и не вонзитъ въ нее своихъ когтей:—что у тебя за исторія на фабрикѣ? Ты держишь у себя безпаспортныхъ людей. Знаешь ли, чѣмъ это пахнетъ? Восточнымъ воздухомъ, сударь. Не посмотрятъ, что на тебѣ навѣшены медали и крестъ.

— Всѣ люди, которыхъ я имѣю на фабрикѣ,— отвѣчалъ Патокинъ:—снабжены законными видами.

— Такъ-съ, законными... писанными на простой бумагѣ? Это явный подрывъ государственнымъ доходамъ!

— Законъ дозволяетъ помѣщикамъ выдавать такіе виды своимъ людямъ, отпускаемымъ въ заработки на тридцати-верстное разстояніе.

— Землемѣръ нашелъ слишкомъ 32 версты.

— Мы не имѣемъ возможности повѣрять разстоянія и должны вѣрить помѣщикамъ.

— Хорошо, мы увидимъ. Законъ впереди всего. Я ничего тутъ не могу одинъ, своимъ лицомъ; есть на то коллегія... Завтра рѣшеніе состоится; тебѣ объявятъ. До свиданія.

Начальникъ кивнулъ и сталъ опять писать.

Патокинъ поклонился и вышелъ.

— Плохо, — сказалъ онъ женѣ, возвратившись домой.

— Ты былъ у *него*, — отвѣчала Марѳа Михайловна:—посмотримъ, что скажу тебѣ, когда возвращусь отъ *нея*.

Черезъ два-три часа велѣно было подать карету. Патокина, богато и со вкусомъ разряженная, велѣла ѣхать на площадь, къ дому, у котораго ходитъ часовой; но, подъѣзжая къ нему, послала узнать, есть ли на дворѣ экипажи; если есть, кто у ея превосходительства? если нѣтъ,—можетъ ли принять *генеральша?* Приказано дать швейцару трехрублевую кредитку.

У генеральши никого не было; принимаетъ.

Въ передней видѣли, что Патокина держала въ рукахъ просвиру и калачъ.

— Экая дура! — сказалъ ей вслѣдъ одинъ изъ слугъ:—наши такихъ приношеній не любятъ.

— А можетъ, калачъ съ начинкой,—возразилъ дворецкій, человѣкъ бывалый.

И дворня расхохоталась.

Швейцаръ, въ знакъ своего усердія къ зеленой кредиткѣ, ударилъ въ звонокъ лишній разъ противъ положенія.

— Жена луковскаго головы, — сказала она, представляясь ея превосходительству.

Первой дамѣ казалось лѣтъ подъ сорокъ; наружность ея была самая обыкновенная, между тѣмъ какъ она увѣрена была, что въ физіономіи ея есть что-то imposant. Чиновники ея мужа находили то же. Манеры ея были натянуты, и не мудрено: когда въ Петербургѣ ей сдѣлалось извѣстно о назначеніи мужа, она училась у какой-то актрисы величественнымъ позамъ. Современемъ враги ея—а кто-жъ изъ великихъ людей ихъ не имѣетъ?—въ губернскомъ городѣ дали ей прозваніе какой-то птицы, на которую она будто походила. Она была довольна ограниченнаго ума, но на нѣкоторыя вещи очень ловка и искусна. Болѣе всего заботилась она объ охраненіи своего наружнаго достоинства. Сколько исторій затѣвалось въ *собраніяхъ* изъ-за креселъ, обыкновенно занимаемыхъ ею, на которыя, до ея пріѣзда, случалось сѣсть или неопытной провинціалкѣ, или одной изъ дамъ, называемыхъ *осами*. Эти осы, не боясь скандала, любятъ укусить подобныхъ чванныхъ особъ въ самое больное мѣсто.

Первая дама окинула Патокину съ ногъ до головы и невольно остановила взглядъ свой, не безъ нѣкоторой зависти, на крупномъ брилліантѣ, горѣвшемъ на груди купчихи.

— Я была у Троицы; — прибавила Марѳа Михайловна, поднося просвиру и калачъ;—просвиру эту вынули за здравіе ваше и всего вашего семейства (чтобы придать себѣ болѣе вѣса, она не употребила словъ; ваше превосходительство). — Безъ калача московскаго не смѣла явиться къ вамъ. Прошу принять отъ усердія моего.

Чуткая рука приняла и успѣла взвѣсить просвиру и калачъ; щеки ея отъ чего-то зардѣлись... Не смѣю дѣлать никакихъ коментарій насчетъ этого безгрѣшнаго приношенія, только обязанъ, по долгу историка, сказать, что на первомъ балѣ замѣтили на груди первой дамы богатый фермуаръ, который такъ и разливался чудной водой своихъ брилліантовъ.

— Дары отъ угодника Божія,—сказала она, дружески пожимая руку у Патокиной:—лучшаго подарка вы не могли мнѣ сдѣлать. Благодарю васъ, милая... ваше имя и отчество?

— Марѳа Михайловна.

— Благодарю васъ, милая Марѳа Михайловна. А калачъ московскій... это здѣсь такая рѣдкость... Мы нынче же за чаемъ его уничтожимъ.

— Извините, — поспѣшила перебить ее Патокина, покраснѣвши въ свою очередь,—калачъ я дорогой не чаянно надломила...

При этомъ замѣчаніи голова первой дамы озарилась смѣтливостью стараго дворецкаго.

— Ничего, ничего,—сказала она, указавъ Патокиной мѣсто подлѣ себя на диванѣ и пожавъ ей еще разъ руку,—я его сама прежде попробую.

— Ah! que c'est charmant!—прибавила она, отводя разговоръ отъ калача и пощупавъ матерію на платьѣ Патокиной.

— Мужъ выписалъ изъ Парижа.

— Какъ вы счастливы, что имѣете средства выписывать наряды прямо изъ Парижа. А блонды, Боже мой! точно изъ туалета какой-нибудь принцессы...

— Если вы удостоите меня своими порученіями, я за счастье почту выписать вамъ точно такія.

— Нѣтъ, на первый разъ это слишкомъ много любезности съ вашей стороны. Когда-нибудь послѣ... когда мы сблизимся... вы узнаете меня покороче...

И на ланиты Марѳы Михайловны легъ дружескій привѣтъ ея превосходительства.

— Надѣюсь, вы останетесь у насъ нѣсколько дн_е погостить. Я представлю вамъ моего мужа (здѣсь она употребила дюмасовскую рекомендацію, давшую поводъ къ печатной статьѣ; обыкновенно же она говорила: «я представлю васъ моему мужу»).

— Кстати, у насъ послѣ-завтра балъ по случаю рожденія моей старшей дочери. Какъ хотите, madame Патокинъ, вы у насъ теперь подъ начальствомъ, вы должны украсить нашъ вечеръ.

— Благодарю покорно... но со мною мужъ. Я безъ него, по нашему купеческому обычаю, не выѣзжаю на вечера.

— Такъ мы пригласимъ васъ съ мужемъ.

— Онъ являлся къ его превосходительству и былъ худо, даже обидно, принятъ.

— Да, бишь, онъ луковскій голова; у него какая-то скверная исторія съ городничимъ.

Первая дама знала всѣ *нужныя* дѣла по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ и иногда мѣшалась въ совѣщанія мужа съ членами этихъ мѣстъ.

— Съ мужемъ моимъ поступила полиція, какъ съ преступникомъ; ночью оцѣпили нашъ домъ будочники; не знаю, какъ я осталась жива... Такой позоръ на весь городъ, на всю губернію!... Нельзя, чтобы эта исторія не разошлась далѣе...

— Негодяй!... мы это какъ-нибудь уладимъ. А что мой мужъ принялъ вашего непріятно, такъ вы извините его... Онъ такъ обремененъ дѣлами... съ утра до поздней ночи возится съ ними... Вѣчно самъ пишетъ... поручить некому... Это труженникъ. Однихъ журналовъ нанесутъ къ нему цѣлую гору изъ разныхъ мѣстъ. А проекты? — Много *его братьи* на Руси, а ему все поручаютъ... Смотрѣть на него жалко, поневолѣ го-

лова идетъ кругомъ и жолчь накипитъ на сердцѣ... Повѣрите ли, онъ не имѣетъ времени провесть нѣсколько минутъ съ своимъ семействомъ. Вѣрно, monsieur Патокинъ попалъ не въ добрый часъ. Итакъ, дайте мнѣ слово... послѣ завтра у насъ, не такъ-ли?

— Если мой мужъ...

— Ужь, конечно, и его пригласимъ. Вашу руку, madame Патокинъ. — А знаете ли, мы съ вами давно знакомы, хотя не лично.

— Какъ это?

— Сестра генерала Огрызкова послѣдній разъ, какъ я была въ Москвѣ — мы съ нею воспитывались въ одномъ институтѣ—сказала мнѣ: «у тебя въ губерніи живетъ Патокина.., ты не смотри, что купчиха... она здѣсь принята аристократіей, какъ своя... умная, милая женщина... Какъ хочешь, Соня, познакомся съ нею... Я это отъ тебя требую»... Объ васъ говорила мнѣ также княгиня Бѣломорская...

— За честь почту...

— Полноте, что за честь! Мы живемъ въ просвѣщенныя времена... дикая, татарская спѣсь намъ не къ лицу..! званія уравниваются умомъ, душевными достоинствами.

Марѳа Михайловна благодарила и хотѣла встать.

— Нѣтъ, подождите,—сказала первая дама,—я познакомлю васъ съ своими дѣтьми.

Она позвонила.

— Позвать ко мнѣ Лиду и Соничку,—сказала она вошедшей служанкѣ. — Меньшую не могу вамъ представить, она въ колыбели и спитъ.

— Напередъ прошу васъ,—сказала Патокина,—велѣть принесть изъ моей кареты игрушки, которыя я, на всякій случай, накупила для дѣтей вашихъ.

— Слышишь? — добавила первая дама служанкѣ, остановившейся у порога двери.

— Слышу, ваше превосходительство, — отвѣчала служанка,

Игрушки были принесены, всѣ очень цѣнныя. Вслѣдъ затѣмъ явились двѣ маленькія дѣвочки, лѣтъ пяти и шести.

Быстрыми глазками онѣ окинули сперва руки Патокиной, потомъ лицо ея.

Такъ ужь онѣ были пріучены... едва я не сказалъ *приручены*.

Всѣмъ въ городѣ извѣстны были дни ихъ рожденія и именинъ, которые и соблюдались пуще табельныхъ дней. Въ эти дни должностныя лица ѣздили съ поздравленіями и возили дѣтямъ дорогія вещицы. Столы и этажерки въ кабинетѣ были заставлены этими вещицами... За то вечеромъ, на балѣ у начальника, онъ ходилъ рука подъ-руку съ тѣми, которыхъ дары были поцѣннѣе; даже не гнушался пройти такимъ образомъ съ какимъ-нибудь секретаремъ или неважнымъ человѣчкомъ, чѣмъ обижались предсѣдатели палатъ, отзываясь, что начальникъ, дѣлая и имъ равную честь, роняетъ свое и ихъ достоинство.

Дѣти были въ восторгѣ отъ игрушекъ, мать не менѣе ихъ.

Наконецъ Патокина раскланялась, удостоенная снова дружескаго поцѣлуя, но не успѣла еще сойти съ лѣстницы, какъ догналъ ее слуга и доложилъ, что генеральша еще разъ приглашаетъ на послѣ-завтрашній день и непремѣнно съ супругомъ.

Мареа Михайловна догадалась, что калачъ раскусили.

— Ну что? — спросилъ Сергѣй Семеновичъ свою жену, когда она воротилась домой и съ самодовольствомъ оглядывала себя и свой туалетъ въ зеркало.

— Ничего, — отвѣчала она, усмѣхаясь; — послѣ завтра мы оба съ тобой ѣдемъ на балъ къ твоему начальнику.

Сергѣй Семеновичъ посмотрѣлъ на нее съ недовѣрчивостью.

— Да, на балъ, Ѳома невѣрный. — Будь веселъ и спокоенъ, все обдѣлается къ лучшему.

И Марѳа Михайловна разсказала, что у ней было съ губернаторшей.

На другой день утромъ Патокинъ получилъ слѣдующую записку:

«Такой-то, свидѣтельствуя свое почтеніе Сергѣю Семеновичу, проситъ его пожаловать къ нему въ такой-то часъ по дѣламъ службы».

Разумѣется, Патокинъ поспѣшилъ явиться.

Въ пріемной комнатѣ встрѣтилъ его тотъ же чиновникъ, который вчера разсыпалъ передъ нимъ цѣлый коробъ *галантерейностей*.

— Ваше дѣло,—сказалъ онъ,—рѣшается въ вашу пользу. Городничему дѣлается строгій выговоръ за превышеніе его власти; посылается губернскій землемѣръ для повѣрки дѣйствій прежняго землемѣра. Будьте покойны на этотъ счетъ. Прочія обвиненія не стоятъ выѣденнаго яйца. Для проформы подайте жалобу на городничаго, я составлю ее для васъ самъ. Мы запишемъ заднимъ числомъ. Теперь, что вы скажете о *нашемъ* губернаторѣ?

— Что наилучшій начальникъ въ мірѣ, — отвѣчалъ Патокинъ.

Когда онъ вошелъ въ кабинетъ, губернаторъ протянулъ ему руку.

— Здравствуйте, Сергѣй Семенычъ, — сказалъ онъ, — ваше дѣло рѣшено; я подписалъ журналъ. Не сердитесь на меня; вы сами виноваты. Не надо было *фордыбачить* (это было любимое, техническое выраженіе его).

— Какъ я смѣю! — отвѣчалъ смиренно Патокинъ.

— Въ знакъ примиренія прошу съ супругой завтра на вечеръ.

— Буду имѣть честь явиться.

— Итакъ, до свиданія.

Патокинъ раскланялся, и веселый, поспѣшилъ на свою квартиру обнять своего стрянчаго въ юбкѣ. Дорогой онъ заѣхалъ къ *любезному* чиновнику поблагодарить его.

Вечеромъ, часу въ девятомъ, Сергѣй Семеновичъ, желая освѣжить голову, отуманенную всѣмъ, что случилось съ нимъ въ теченіе недѣли, пошелъ бродить по городу, безъ цѣли, куда глаза глядятъ.

Вечеръ былъ морозный, но безлунный; звѣзды, одна передъ другою, перебирали своими лучами, то пуская отъ себя огненную стрѣлу, то цѣлый пукъ ихъ или играя своимъ брилліантовымъ блескомъ. По небу разостлался млечный путь, какъ будто полоса блестящей пыли, поднятой проѣхавшей по немъ невидимою колесницей. Сердце Патокина замерло, когда онъ взорами и мыслями потонулъ въ бездонной глубинѣ этого неба.

«Какъ все тамъ свѣтло, радостно, будто херувимы трепещутъ огненными крыльями передъ престоломъ Бога! — подумалъ онъ, — а здѣсь, на землѣ...

Эти философскія размышленія были прерваны дѣтскими, жалобными криками, проникавшими сквозь окно нижняго этажа каменнаго дома, мимо котораго проходилъ Патокинъ. Крики хватали такъ больно за сердце. Онъ невольно остановился. Сквозь обледенѣлыя и опушенныя морозомъ стекла нельзя было ничего видѣть, кромѣ тусклаго огненнаго пятна и тѣни, двигавшейся взадъ и впередъ. Патокинъ поднялъ голову и увидѣлъ на фронтонѣ дома, при свѣтѣ фонаря, горѣвшаго на противоположной сторонѣ улицы,

большую черную доску и на ней надпись крупными буквами: *Сиротскій домъ*.

Никогда не могъ онъ проходить мимо такихъ домовъ, не оставивъ въ нихъ знаковъ своего участія къ несчастнымъ дѣтямъ, тамъ призрѣваемымъ. Подобные дома называютъ *богоугодными*, но какъ грубо профанируютъ это слово для учрежденій, которыя служатъ только во многихъ мѣстахъ нашихъ провинцій короткими этапами къ кладбищу (имѣю въ виду только провинціальные сиротскіе дома, а не учрежденія подобнаго рода въ столицахъ, истинно благодѣтельныя, прекрасно устроенныя и содержимыя). Сколько доживаетъ изъ ста дѣтей до совершеннаго возраста,—представляютъ намъ печальные выводы изъ статистическихъ свѣдѣній, составляемыхъ нѣкоторыми начальниками губерній. Еслибъ написать исторію хоть одного, на выдержку, провинціальнаго сиротскаго дома, что за печальныя, раздирающія душу сцены могли бы наполнить книгу!

Въ глубокую полночь, иногда въ трескучій морозъ, приносятъ ребенка къ калиткѣ или къ окну дома (замѣтьте, что они бываютъ иногда за городомъ, въ полѣ). Преступная, больная мать, или та, которой она поручила своего младенца, со страхомъ, слабою, дрожащею рукой хватается за веревку, къ которой привязанъ звонокъ, и спѣшитъ, положивъ свою ношу, часто обернутою въ тряпицы, убѣжать, чтобы не застали ее и не предали суду. Скоро ли сонный сторожъ поднимется съ своего отогрѣтаго ложа, скоро ли отворитъ калитку и найдетъ младенца. Иногда онъ застаетъ одинъ обледенѣлый трупъ. А если младенецъ живъ, сторожу надо дойти, черезъ нѣсколько посредницъ, до надзирательницы, глубоко почившей въ пуховикахъ. Гдѣ ей самой позаботиться объ несчастномъ? Вѣдь это дитя беззаконія, дитя преступной любви!

Все это дѣлаетъ какая-нибудь глупая, безчувственная прислуга. Пока дадутъ знать полиціи и окончится письменная, форменная процедура, въ ребенкѣ гаснетъ послѣдняя искра жизни, которая въ немъ еще держалась. Хорошо еще, когда чья-нибудь сердобольная рука подвинется или серебряная монета, припасенная на этотъ случай отъ тяжкихъ трудовъ и завернутая съ младенцемъ въ узелъ пеленки, подвинетъ эту руку на помощь жалкому творенію. Ему сунутъ тогда въ ротъ соску съ кислымъ молокомъ, котораго питательныя частицы успѣли улетучиться по разнымъ градусамъ безбожнаго казнокрадства, начиная отъ поставщика и продолжая подрядчикомъ съ бородкой и подряжающими въ шитыхъ мундирахъ. А посмотрите, какъ эта бородка усердно творитъ передъ иконами земные поклоны, какъ она, изъ награбленныхъ денегъ на счетъ отравляемыхъ ею дѣтей, льетъ колокола для призыва православныхъ къ слушанію слова Божія, исполненнаго любви къ ближнему, любви къ дѣтямъ; посмотрите, какъ эта бородка раздаетъ каждую недѣлю обрядную милостыню толпѣ нищихъ, собирающихся у ея двора. Посмотрите, какъ эти шитые мундиры, на такія же чистыя деньги, одѣваютъ жирныхъ кормилицъ своихъ законныхъ младенцевъ въ золотые кокошники и бархатныя ферязи и пичкаютъ дорогими сластями болѣе взрослыхъ, краснощекихъ дѣтей своихъ. «Кара Господня, огненный, кровавый дождь на ихъ головы!...» сказалъ бы проповѣдникъ первыхъ временъ христіанства, если бы ему пришлось обличать подобныхъ господъ.

Потомъ... что потомъ ждетъ младенца въ сиротскомъ домѣ? Его сдадутъ кормилицѣ, которая и безъ того кормитъ ужь двухъ дѣтей (одинъ почти навѣрно ея собственный) и часто замѣняетъ грудь тою же нечистою соской съ тѣмъ же отравленнымъ, кислымъ

молокомъ. Запахъ этой кислоты, нечистота пеленокъ, развѣшанныхъ въ дѣтской спальнѣ, испаренія кормилицъ и нянекъ, если онѣ есть, валящихся гдѣ попало, въ той же комнатѣ, — все это слагаетъ удушливую, убійственную атмосферу. Ребенокъ проситъ пищи — кормилица спитъ. Онъ кричитъ до того, что осипнетъ и надорвется; кормилица сквозь сонъ, сердито укачиваетъ его, такъ что жердь, на которой повѣшена люлька, визжитъ и потрясаетъ его мозгъ. Иногда сопровождаетъ она свои вынужденныя попеченія грубою бранью, проклятіями, толчкомъ. Сколько ступеней подобнаго мученичества должны пройти несчастныя дѣти, пока выберутся изъ люльки и станутъ на ноги! За то какой праздникъ для нихъ, когда сиротскій домъ посѣщаетъ важный господинъ, пріѣхавшій въ городъ на нѣсколько часовъ осмотрѣть *богоугодныя* заведенія! Въ этотъ день на дѣтяхъ чистое бѣлье, иногда только въ ночь вымытое и на нихъ же въ ночь высушенное. Отборное сухое бѣлье, сшитое на подобные случаи, хранится въ щегольскомъ гардеробѣ, въ величайшемъ порядкѣ, перевязанное красивыми ленточками, за нумерами. Его-то представляютъ предъ очи ревизора. Въ этотъ день одѣваютъ сиротъ въ лучшее платье, на которое они не налюбуются, кормятъ ихъ сытною пищею съ плавающимъ въ ней масломъ, которою они не насытятся, и даютъ имъ лакомства. Ревизоръ любуется бѣльемъ, такъ хорошо сохраняющимся, смакуетъ съ удовольствіемъ вкусныя кушанья, шутя треплетъ отдувшееся брюшко дѣтей, и замѣчаетъ только, что пища немного жирна, — не вредна ли для здоровья малютокъ,—находитъ книги и отчетность въ примѣрной исправности, и благодаритъ за все про все попечительные шитые мундиры. А еслибъ этотъ самый ревизоръ потрудился нечаянно заглянуть въ эти богоугодныя заведенія, какія *сопт-*

лыя картины представились бы ему! Что сказать о сиротахъ — феноменахъ, достигшихъ 16-лѣтняго возраста? Мальчика отдаютъ въ ученье какому-нибудь мастеру. Скоро выжмутъ изъ его крови деньги, потраченныя на его продовольствіе и скудную одежду. Дѣвочку выдаютъ замужъ за перваго присватавшагося жениха—мѣщанина, вдовца, какого-нибудь пьяньчугу, за котораго ни одна порядочная, свободная дѣвушка не согласится выдти или за стараго инвалида, который выместитъ на ней число ударовъ, полученныхъ имъ въ долговременной его службѣ, и забьетъ ее въ два, три года.

Патокинъ основалъ въ Луковкахъ сиротскій домъ, содержалъ его на собственный счетъ и имѣлъ о дѣтяхъ, въ немъ пристроенныхъ, неусыпное, отеческое попеченіе.

Сердце его толкнуло и на этотъ разъ заглянуть въ расторгуевскій сиротскій домъ.

Онъ позвонилъ разъ, еще сильнѣе въ другой, въ третій такъ, что колокольчикъ залился какими-то сердитыми звуками.

Наконецъ послышался голосъ со двора.

— Экъ тебя лѣшій прорвалъ! — отозвался этотъ голосъ, — подождешь.

Подождалъ Сергѣй Семеновичъ

Дворникъ отворилъ немного калитку и, высунувъ сквозь нее свою бороду, грубымъ голосомъ спросилъ, что ему надо?

Отвѣтомъ былъ полтинникъ. Ощупавъ цѣну монеты, сторожъ болѣе ласковымъ голосомъ повторилъ свой вопросъ.—Подкидыша что-ли принесъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я проѣзжій купецъ; мнѣ хотѣлось бы въ сиротскій домъ. Чай, у васъ есть начальница?

— Надзирательницы нѣтъ дома; пируютъ у прія-

тельницы. Вѣдь нынѣ святки — наряжаются въ бѣсовскія личины.

— Кто еще тамъ есть у васъ?

— Попечительница. Боже сохрани, коли узнаетъ, что сторонній былъ въ домѣ.

— Она не узнаетъ. Мнѣ бы только взглянуть на одну сироту; свой человѣкъ.

— Пожалуй, иди, коли хочешь слышать крики дѣтей.

И сторожъ съ задняго крыльца отворилъ дверь въ нижній этажъ дома.

Облако пара вторгнулось за Патокинымъ въ первую комнату, въ которую онъ вошелъ, и продолжало шествіе далѣе, черезъ растворенную дверь.

Въ передней не было никого. Сергѣй Семеновичъ сквозь другую дверь увидѣлъ болѣе просторную комнату. Онъ остановился у порога. Удушливая атмосфера пахнула на посѣтителя. Мокрыя пеленки развѣшаны были на веревкахъ, протянутыхъ черезъ комнату, люльки во множествѣ висѣли на жердяхъ. Одна лампадка у образа тускло освѣщала предметы. Жалобные крики дѣтей раздирали уши.

Среди сердитыхъ, заспанныхъ лицъ кормилицъ и нянекъ, валявшихся на полу, выступало хорошенькое и вмѣстѣ выразительное, одушевленное личико дѣвочки, которой на видъ можно было дать лѣтъ двѣнадцать, тринадцать. Во всѣхъ ея словахъ, въ ея дѣйствіяхъ выражалась необыкновенная энергія и благоразуміе не по лѣтамъ. Она перебѣгала отъ одной люльки къ другой, заботливо и искусно вынимала оттуда мокрыя пеленки, замѣняла ихъ сухими, которыя съ трудомъ доставала съ веревокъ; то будила одну кормилицу, то уговаривала другую покормить ребенка. Дѣвочка пожимала иногда плечами и, поднявъ глазки къ небу, приговарила:

— Господи! что за сони! Бога-то не боятся!...

— Кормилица! кормилица! — говорила она, будя заспавшуюся женщину, — развѣ не слышишь? Твой ребенокъ плачетъ.

— Который? спрашивала спросонья кормилица, потягиваясь.

— Третій.

— Ну, еще навязали бы четвертаго, — говорила сердито женщина, которой нарушили сладкій сонъ;— этакъ и корова не выдержитъ.

— Зачѣмъ берешься кормить троихъ? — Вѣдь ты за всѣхъ жалованье получаешь.

И встанетъ кормилица, и покормитъ ребенка.

— Сжалься, душенька, — говорила дѣвочка другой,—твой ребенокъ кричитъ.

— Пострѣлъ его возьми! Не барченокъ какой, покричитъ да и перестанетъ.

— Чѣмъ же онъ, бѣдный, виноватъ? Вѣдь ты давно не кормила; для тебя же вредно, молоко нагрубнитъ въ груди.

Надо было видѣть, какъ проворны, одушевленны были движенія дѣвочки, съ какою нѣжностью уговаривала она дѣтей не плакать!

И все взрослое населеніе дѣтской спальни, всѣ эти грубыя, зачерствѣлыя существа пробуждались на голосъ маленькой волшебницы и принимались за свои обязанности. И дѣти, привыкшія къ этому любовному голосу, переставали плакать, смотрѣли ей съ улыбкою въ глаза, ворковали ей рѣчь, для нея только понятную. Какъ хороша была тогда эта двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, въ черныхъ, пышныхъ кудряхъ, разметавшихся по плечамъ, съ глазками, сіяющими отъ удовольствія или гнѣва, съ личикомъ, разгорѣвшимся отъ заботъ! Какъ симпатиченъ былъ голосъ ея, когда она обращалась къ кормилицамъ или гулила ма-

лютокъ! Какъ благоговѣйно крестила ихъ на сонъ грядущій!

Сергѣй Семеновичъ долго смотрѣлъ на эту чудную дѣвочку, не трогаясь съ мѣста, не смѣя дышать, какъ бы очарованный ею. Наконецъ она его замѣтила и видимо смутилась.

— Что вамъ угодно?—спросила она, смотря во всѣ глаза нежданному посѣтителю.

— У меня у самого сиротскій домъ въ уѣздномъ городѣ,—сказалъ Патокинъ;—мнѣ хотѣлось посмотрѣть на здѣшній порядокъ.

— Боже мой, какой порядокъ? *Мы* дѣлаемъ, что можемъ. Извините, вы пришли поздно и застали *насъ* врасплохъ. Надзирательницы нѣтъ дома, а безъ начальницы все идетъ не такъ, какъ надо.

— Зачѣмъ и надзирательница, когда у ней такая хорошая помощница, какъ ты? Я не видалъ безпорядковъ, я ничего не видалъ, кромѣ тебя, милое дитя; только тобою любовался.

— Обо мнѣ также заботились, когда я была маленькая. Меня здѣсь воспитываютъ, кормятъ, одѣваютъ, такъ надо же и мнѣ трудиться. Не даромъ же хлѣбъ ѣсть. Я такъ люблю дѣтей!

— Да ты сама дитя.

— Извините, мнѣ ужь двѣнадцать лѣтъ,—сказала дѣвочка обиженнымъ голосомъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Дуня-изумрудный крестикъ.

— Дуня? У меня была дочь, которую такъ же звали; еслибъ она жила, она могла бы быть твоихъ лѣтъ. Почему-жъ тебя зовутъ «Изумрудный крестикъ?»

— А вотъ почему,—сказала дѣвочка и вынула изъ груди довольно большой крестикъ, осыпанный крупными изумрудами.

— Этимъ крестикомъ благословила меня мать, когда умирала. Никогда съ нимъ не растанусь; попрошу, чтобъ и въ гробъ положили его со мною,— прибавила Дуня (слезы навернулись на глаза ея).— Только и осталось родного. Ни отца, ни матери! не правда-ли, грустно? Здѣсь иногда кто-нибудь да посѣщаетъ сиротъ, а меня никто не навѣститъ. И въ утѣшеніи поплакать надъ могилкой матери Господь отказалъ мнѣ.

Хорошенькое личико дѣвочки, что-то благородное, возвышенное въ ея наружности, столько ума и души въ каждомъ словѣ, и еще этотъ изумрудный крестикъ,—все сильно заинтересовало Патокина.

Онъ взялъ ея руку въ свою и сказалъ:—Какимъ ты меня человѣкомъ понимаешь?

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Какъ ты думаешь, добрый я или злой человѣкъ?

Она пристально взглянула на него, сжала ему руку и промолвила:—Вы добрый, очень добрый человѣкъ!

— Послушай, Дуня-изумрудный крестикъ, я тебя очень полюбилъ. У меня нѣтъ дочери, у тебя отца и матери, хочешь ко мнѣ? Ты будешь у меня вмѣсто дочери; мы съ женою замѣнимъ тебѣ отца и мать. Жена моя очень добрая и тебя такъ же полюбитъ, какъ я полюбилъ.

Такое неожиданное предложеніе испугало Дуню. Она поблѣднѣла и, окинувъ глазами дѣтскую спальню, печально сказала:—А эти дѣти? Мнѣ жаль съ ними разстаться. Я такъ люблю ихъ. Безъ меня, я знаю, имъ будетъ хуже....

— Ты будешь заботиться о такихъ же дѣтяхъ въ моемъ сиротскомъ домѣ.

— Тѣ, покуда, мнѣ еще чужія.

— Также и ихъ полюбишь. Мы будемъ каждый годъ навѣщать и этихъ, дарить имъ игрушки, лакомства. Я дамъ тебѣ воспитаніе. Знаешь-ли ты хоть грамотѣ?

— Учусь у надзирательницы. Говорятъ, читаю порядочно. Знаю молитвы: Отче нашъ, Богородицу, на сонъ грядущій. — Одну я сама отъ себя говорю каждое утро и вечеръ—молюсь за упокой моей матери, моего отца, молюсь за всѣхъ ближнихъ, за дѣтей-сиротъ... Вижу въ мірѣ Божьемъ такъ много чудесъ... И у звѣздочки, и у мѣсяца хотѣла бы спросить, откуда они, какъ ходятъ по небу и куда идутъ. И деревцо, что ростетъ у насъ въ оградѣ между камнями, хотѣлось бы допросить, откуда взялось, какъ оно тутъ живетъ... А у насъ въ садикѣ сажали арестанты деревья... и поливали ихъ, и холили—все-таки засохли.

— Ты все у меня узнаешь. Я имѣю средства дать тебѣ хорошее воспитаніе; я человѣкъ богатый.

— Что-жъ, Изумрудный-крестикъ,—сказала нянька постарше другихъ, вслушавшись въ бесѣду Дуни съ назнакомцемъ, — Богъ посылаетъ тебѣ счастіе. Ты умница у насъ, сама можешь разсудить... какая тутъ въ сиротскомъ домѣ жизнь? Выростешь, отдадутъ замужъ за какого-нибудь стараго инвалида, заколотитъ, какъ Лизу, что умерла въ прошломъ году... А начальство будетъ радо .. съ хлѣба долой...

Дуня посмотрѣла еще на Патокина и бросилась ему на шею.

— Воля Господня! — сказала она, — мнѣ еще ни одинъ человѣкъ такъ не говорилъ.

— Такъ помолимся, милая Дуня, чтобы Онъ благословилъ тебя на новую жизнь.

И молились всѣ со слезами на глазахъ передъ образомъ, у котораго теплилась лампада.—Патокинъ,

принимая на себя великія, святыя обязанности отца сироты, она—дитя, вступающее въ новое семейство, къ человѣку, котораго видѣла въ первый разъ и которому довѣрила свою судьбу, какъ своему второму Провидѣнію; молились няньки, кормилицы, всѣ земно припадая къ образу и прося у Господа счастья Дунѣ «Изумрудному-крестику».

Вдругъ среди этой благоговѣйной сцены явилась женщина, въ маскѣ, въ цыганской одеждѣ; волосы ея были въ безпорядкѣ... Она было захохотала... Но, увидѣвъ незнакомаго человѣка, хорошо одѣтаго, сорвала съ себя маску—и скрылась.

Это была надзирательница, прибывшая съ пира.

Черезъ нѣсколько минутъ, узнавъ отъ прислуги, что безъ нея случилось, она, переодѣвшись, явилась къ Патокину въ приличномъ видѣ и сильно сконфуженная стала передъ нимъ извиняться.

— Мнѣ такъ совѣстно, такъ совѣстно,—говорила она со слезами на глазахъ,—сторожъ ничего не сказалъ мнѣ объ васъ. Ради Бога, не взыщите... не разскажите... нашей попечительницѣ.

— Успокойтесь. Мнѣ нечего разсказывать,—сказалъ Сергѣй Семеновичъ,—а сплетничать считаю за большой грѣхъ.—Вы такъ молоды,—прибавилъ онъ (и дѣйствительно, надзирательницѣ не могло быть болѣе двадцати пяти лѣтъ),—нынѣ святки; почему-жъ молодости не повеселиться? У васъ въ году сколько дней однообразныхъ, тяжелыхъ по вашей службѣ....

Когда онъ разсказалъ о своемъ намѣреніи взять къ себѣ Дуню на воспитаніе, разумѣется съ согласія начальства, надзирательница объявила ему, что, по положенію сиротскаго дома, начальство не можетъ отказать въ подобной просьбѣ человѣку извѣстному и что, конечно, Богъ послалъ къ нимъ такого добраго человѣка на счастіе Дуни.

— Не утаю отъ васъ,—прибавила она:—я теряю въ ней много; несмотря на лѣта, она мнѣ лучшая помощница. Когда меня не бываетъ дома, я спокойна—знаю, что будетъ все дѣлаться, какъ при мнѣ... Но если вы ужь рѣшились, если ея превосходительство... я буду рада, такъ рада, какъ будто пристроили родную дочь.

Патокинъ поцѣловалъ еще Дуню и, на прощанье, подавая руку надзирательницѣ, положилъ въ нее двадцатипяти рублевую кредитку.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказала надзирательница...—ни за что... развѣ прислугѣ... на радость.

И прислуга была щедро одарена Сергѣемъ Семеновичемъ.

Довольный, счастливый, какъ будто возвратилась его родная дочь, онъ отправился домой.

Когда онъ вышелъ изъ сиротскаго дома, на этотъ разъ усердно провожаемый дворникомъ, пожелавшимъ ему всякихъ благъ, въ стѣнахъ этого дома начались оханья, восклицанія, бесѣды съ разными комментаріями о чудномъ посѣтителѣ. Кто говорилъ, не святой ли это былъ человѣкъ, пришедшій въ его видѣ, кто догадывался, ужь не родной ли отецъ Дуни...

Долго Дуня въ эту ночь не могла сомкнуть глазъ. Такая странная, неожиданная перемѣна судьбы, такія горячія, неиспытанныя ею еще никогда, ласки, благословеніе Патокина, замѣнившаго ей отца, сердечныя слова его, которыя она старалась повторять и запомнить,—все это долго волновало ея сердце. Прижавъ крѣпко къ груди изумрудный крестикъ и облобызавъ его нѣсколько разъ, она, наконецъ, заснула; но и во снѣ преслѣдовали ее образъ и ласки добраго незнакомца.

Патокинъ, возвратившись домой, разсказалъ все Маріѣ Михайловнѣ.

— Господь спасъ насъ отъ бѣды,—говорила она,— отблагодаримъ его добрымъ дѣломъ. Пускай эта сирота замѣнитъ намъ нашу Дуню.

На другой день первая дама удостоила ее своимъ визитомъ, и узнавъ о желаніи Патокиныхъ взять къ себѣ на воспитаніе Дуню-изумрудный-крестикъ, съ радостію дала на это полное свое согласіе.

— Чудная эта дѣвчонка, — говорила она, — такъ много обѣщаетъ. Я сама ее очень, очень люблю. Можетъ быть, судьба этого ребенка зависѣла отъ глупой исторіи вашей съ городничимъ. Она какъ будто ждала васъ. Неисповѣдимы пути Господни!

Тутъ же разсказала она исторію Дуни, какъ ее знала.

«Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ проѣзжали черезъ Расторгуевъ, ночью, на почтовыхъ, по подорожной, дочь дворянина Звениславскаго, Розалія. Съ нею была только немолодыхъ лѣтъ женщина, шляхтянка. Отъ душевнаго ли волненія, отъ дорожной ли тряски, чувствуя себя очень нездоровою, она велѣла не медля ѣхать къ первой акушеркѣ, которую можно было только найти по близости почтовой станціи. Здѣсь она родила дѣвочку—это была Дуня—и черезъ нѣсколько часовъ умерла. Можно вообразить, что чувствовала эта несчастная женщина передъ смертью, оставляя свое дитя въ незнакомомъ городѣ, безъ призрѣнія, безъ всякихъ средствъ. Умирая, она имѣла только силы поцѣловать свое дитя, благословить ее изумруднымъ крестикомъ, который носила на груди, и вручить довѣренной женщинѣ, при ней бывшей, послѣдніе сто рублей, у нея оставшіеся. Какъ католичку, ее похоронили на кладбищѣ иностранцевъ. Шляхтянка поставила на ея могилѣ камушекъ; но, вѣроятно, въ одинъ изъ холерныхъ годовъ, это маленькое кладбище было заселено новыми пришельцами, и съ того времени не

могли отыскать мѣста, гдѣ была ея безыменная могила. Шляхтянка объявила при допросѣ мѣстной полиціи, что госпожа ея увезена изъ родительскаго дома русскимъ офицеромъ, оставлена имъ была въ Петербургѣ, въ ожиданіи разрѣшенія отца ихъ на бракъ, которое они вновь испрашивали. Между тѣмъ офицеръ, переведенный на Кавказъ, долженъ былъ туда отправиться. Разрѣшеніе это не приходило. Отецъ не хотѣлъ ни видѣть дочь свою, ни давать своего согласія. Мачиха возбуждала еще болѣе мужа противъ своей падчерицы. Къ этой оппозиціи присоединился и ксендзъ. Наконецъ, Звениславская, почувствовавъ, что должна скоро сдѣлаться матерью, умоляла отца сжалиться надъ ея положеніемъ. Гордый, раздраженный отецъ отвѣчалъ только: «Ты опозорила мое имя, носи и сама заслуженный позоръ». Отъ офицера, обольстившаго несчастную, получила она въ то же время письмо, которымъ онъ умолялъ ее пріѣхать къ нему въ мѣсто пребыванія полка его, съ тѣмъ, чтобъ повѣнчаться съ нимъ. При этомъ письмѣ посылалъ онъ деньги на путевыя издержки. Мѣшкать было нечего; она отправилась, но смерть застигла ее въ Расторгуевѣ. Дѣвочку окрестили; ее назвали Евдокіей, именемъ святой, празднованіе которой приходилось въ 9-й день послѣ рожденія сироты. Принявшій ее отъ купели священникъ Петръ былъ и крестнымъ отцомъ ея; его именемъ дали ей и отчество. До окончанія справокъ, тогдашній расторгуевскій губернаторъ помѣстилъ ее въ сиротскій домъ на особое попеченіе надзирательницы. По письмамъ, найденнымъ при умершей, и по разсказамъ шляхтянки, имя офицера стало извѣстно. Губернаторъ писалъ, къ кому слѣдовало, на Кавказъ, и получилъ увѣдомленіе, что этотъ офицеръ дѣйствительно служилъ въ такомъ-то полку и спрашивалъ разрѣшенія на бракъ съ дѣвицей Звениславской, но

вслѣдъ затѣмъ, назначенный въ отрядные командиры экспедиціи противъ горцевъ, убитъ въ ней. Шляхтянка уѣхала на свою родину; съ того времени не было о ней и слуху. Такимъ образомъ, Дуня осталась въ сиротскомъ домѣ. Изумрудный крестикъ, по оцѣнкѣ его, отданъ на сохраненіе въ губернское правленіе. Но бывшій губернаторъ, когда дѣвочкѣ минуло десять лѣтъ, посѣщая разъ сиротскій домъ и услыхавъ отъ нея желаніе носить на себѣ крестъ, велѣлъ исполнить ея просьбу подъ строгою отвѣтственностію надзирательницъ, чтобы эта драгоцѣнность не была потеряна или похищена»

Такая романическая исторія заинтересовала еще сильнѣе Патокиныхъ въ пользу Дуни.

Въ тотъ же день была послана за нею и надзирательницей карета.

Въ искреннихъ, горячихъ ласкахъ Маѳы Михайловны Дуня нашла залогъ той любви, которая была ей обѣщана Сергѣемъ Семеновичемъ отъ имени второй ея матери

Выѣздъ изъ сиротскаго дома обошелся не безъ горькихъ слезъ. Одаривъ, по желанію Сергѣя Семеновича, всю прислугу и расцѣловавъ по нѣскольку разъ дѣтей, она простилась съ населеніемъ этого дома, проводившимъ ее благословеніями и пожеланіями всякаго счастія

Оставалось Патокинымъ съѣздить на балъ, къ которому они были такъ благосклонно приглашены.

На этомъ балѣ губернаторша была aux petits soins съ Маѳой Михайловной и рекомендовала ее болѣе значительнымъ дамамъ города, какъ одну изъ самыхъ умныхъ и любезнѣйшихъ женщинъ въ свѣтѣ. Не остался безъ привѣта и Сергѣй Семеновичъ. И съ нимъ подъ руку прошелся популярный губернаторъ. Въ расторгуевскомъ обществѣ догадывались, что лю-

безности расточаются не даромъ; но какъ такого рода продѣлки были въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, изъ котораго большая часть членовъ этого общества не почитала себя изъятой, то и не удивлялись необыкновенной любезности перваго лица губерніи къ луковскому головѣ.

Дуня, почуявъ за заставой свѣжій, свободный воздухъ снѣжныхъ полей, казалось, не могла довольно надышаться имъ. Скоро щечки ея порозовѣли отъ мороза, глаза заискрились отъ удовольствія мчаться на лихой тройкѣ.

Въ великолѣпномъ луковскомъ домѣ Патокиныхъ все ее сначало изумляло и пугало — и огромныя зеркала, повторявшія въ нѣсколькихъ экземплярахъ ея фигуру, и картины, готовыя, казалось, на нее упасть, и мебель, на которую она боялась сѣсть, и многочисленная прислуга, одѣтая какъ господа. Однакожъ, она скоро ознакомилась со своимъ новымъ положеніемъ. Но такъ какъ сердце ея, привыкшее къ заботамъ о другихъ, просило этихъ заботъ, то она вызвалась, въ свободное время отъ ученія, которое съ удовольствіемъ приняла на себя madame Pichard, ухаживать за матерью Сергѣя Семеновича. И въ этомъ случаѣ не было болѣе исправной сидѣлки около старухи; никогда полупомѣшанная не была окружена такимъ нѣжнымъ попеченіемъ, никто не понималъ ея такъ хорошо, какъ Дуня, и никого не понимала она лучше, какъ ту, которую назвала съ того времени своею милою внучкой.

Дуня была записана въ луковское мѣщанское общество подъ именемъ Авдотьи Петровой Изумрудовой, но въ домѣ всѣ продолжали ее называть Дуней-изумрудный-крестикъ. Сергѣй Семеновичъ намѣренъ былъ со временемъ записать ее въ купечество.

Дѣло его съ городничимъ, какъ и слѣдовало ожидать, кончилось по полному удовольствію Патокиныхъ. Новый землемѣръ намѣрилъ 29 верстъ съ двумя саженями. Только на этомъ пиру солоно покушалъ городничій. Для избѣжанія на будущее время пріятныхъ столкновеній съ головой, его перевели въ другой городъ, гдѣ онъ долженъ былъ довольствоваться болѣе скромными доходами. Такъ иногда вознаграждается холопское усердіе къ выполненію самовластныхъ, беззаконныхъ затѣй барина. Баринъ въ сторонѣ, а холопу больно достается

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НЕМНОГО ЛѢТЪ НАЗАДЪ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

По пріѣздѣ Патокиныхъ въ Луковки они выписали къ себѣ сына, чтобы познакомить его съ Дуней. Это былъ красивый, статный семнадцатилѣтній юноша. На дѣвственную, впечатлительную его душу, воспитанную въ ненависти ко всякой неправдѣ, сильно подѣйствовала исторія Дуни.

Володя очень полюбилъ ее. Съ своей стороны и она радовалась, что Богъ, пославъ ей второго отца и мать въ четѣ Патокиныхъ, подарилъ ее такимъ добрымъ, милымъ братомъ. Въ слѣдующіе первые годы, въ каждый пріѣздъ свой въ Луковки, мало-по-малу, посвятивъ Дуню въ законы русскаго языка, Володя познакомилъ ее съ русскими писателями. Съ восторгомъ слушалъ молодой учитель, когда ученица своимъ гармоническимъ, задушевнымъ голосомъ прочитывала ему избранныя имъ мѣста изъ нашихъ лучшихъ поэтовъ и объясняла ему красоты ихъ, какъ понимала, какъ чувствовала, чутьемъ эстетической своей души. Лѣтомъ посѣщали они вмѣстѣ съ Ришаромъ и его женой живописныя мѣста, которыми богаты были

окрестности Луковокъ. Часто присоединялся къ нимъ и механикъ Джонсъ. Дуня распоряжалась ими, какъ хотѣла. И юноша, и тридцатипятилѣтній англичанинъ, дѣлались для нея дѣтьми. Богъ знаетъ, кто изъ этихъ трехъ лицъ былъ болѣе дитя душою. Смѣшно было видѣть, какъ Джонсъ съ атлетическими, неуклюжими формами своими, запыхавшись, бѣгалъ съ ними взапуски, какъ онъ барахтался по муравѣ и сильно терпѣлъ отъ ихъ жгута. Чего не позволялъ онъ имъ дѣлать съ собою! За то какъ и любили его названный братъ и сестра!

Ришаръ былъ страстный энтомологъ и ботаникъ. Онъ пріучилъ Володю не только познавать явленія и законы въ жизни творенія по его лекціямъ и книгамъ, которыя давалъ ему читать, но и самому дѣлать новыя открытія въ области науки. Когда Володя отговаривался, что ему, мальчику, не по силамъ браться за дѣло ученыхъ мужей, Ришаръ возражалъ, что въ строеніи зданія, воздвигаемаго нерѣдко на удивленіе современниковъ и потомства, принимаютъ участіе не одни опытные мастера, но и малолѣтки, которые по силамъ носятъ на сооруженіе этого зданія строительные матеріалы. Развѣ не видали иногда, что простой человѣкъ, крестьянинъ, ремесленникъ, наводилъ ученаго на важное открытіе? И съ того времени принялся за изслѣдованія въ жизни творенія ученикъ отдѣльно отъ учителя. Выводы свои они повѣряли, однакожъ, другъ другу. Случалось старику признавать себя побѣжденнымъ юношею. Особенно занимала ихъ жизнь муравьевъ, еще недостаточно изученная натуралистами. Они задали себѣ вопросы, отчего муравей, уничтожающій не только мелкаго насѣкомаго, но и червя, змѣю, большаго животнаго, брошенныхъ къ его жилищу или попадающихся ему на пути (извѣстно, что въ прежнія времена отдавали муравьямъ

на съѣденіе живыхъ людей и что эта казнь считалась одною изъ самыхъ мучительныхъ),—отчего дозволяетъ онъ майскому жуку класть свои яички и выводить дѣтей на днѣ муравейника; отчего этотъ соціалистъ отводитъ на зиму бѣлому, съ зеленымъ отливомъ червю, лучшее, искусно, для него собственно обдѣланное отдѣленіе въ своемъ жилищѣ—палаты въ сравненіи съ прочими частями зданія—холитъ, лелѣетъ этого червя, окружаетъ своими услугами, какъ пчела свою царицу! Не дошло до меня, разрѣшили ли они эти задачи; знаю только, что духъ изслѣдованія, къ которому пріучилъ Ришаръ своего ученика, обратилъ впослѣдствіи Володю на явленія и законы общественной и государственной жизни. Ученикъ, сдѣлавшись учителемъ Дуни, повелъ ее по лѣстницѣ творенія, какъ велъ его Ришаръ. Съ такою любовію указывалъ онъ ей на премудрость Божію въ устройствѣ цвѣтка, въ жизни насѣкомаго, въ ходѣ планетъ, въ громѣ, который прокатывался надъ ихъ головами, въ радугѣ раскинувшей свой разноцвѣтный поясъ по небу

— Вездѣ жизнь,—говорилъ онъ,—гармонія, красота, даже въ мертвомъ, ничтожномъ, уродливомъ, на наши глаза, твореніи; все достойно нашей любви, нашего изученія.

И съ какимъ жаднымъ вниманіемъ слушала Дуня своего молодого учителя! Она научалась благоговѣть передъ Творцомъ, видимо показавшимъ Себя въ жизни самого малѣйшаго изъ Своихъ созданій, научилась еще болѣе любить Его. Но когда Володя, для своихъ опытовъ, хотѣлъ научить ее, какъ приколоть булавкой бабочку или насѣкомаго, Дуня гнѣвно вооружалась противъ него

— Если ты дѣлаешь это, чтобы научить меня,—говорила она,—такъ я низко кланяюсь, прошу уволить меня отъ этихъ зрѣлищъ. За всѣ сокровища

науки не соглашусь мучить, лишать жизни безвредное твореніе, которому Богъ дароволъ ее для извѣстной Ему цѣли или просто для того, чтобы оно жило и наслаждалось по-своему жизнью. Если дѣлаешь это, какъ вы говорите съ monsieur Ришаръ, для пользы науки, такъ прошу производить ваши мучительные опыты не при мнѣ.

Съ какимъ удовольстіемъ избавляла она жертву отъ закланія и давала ей свободу! Въ такомъ случаѣ Джонсъ сильно помогалъ ей.

Между тѣмъ эта дѣвочка, сдѣлавшись уже семнадцати-лѣтней дѣвицей, доказала, что не была сентиментальна. Она не имѣла особенной привязанности ни къ собачкамъ, ни къ птичкамъ, ни къ кошечкамъ; но всякій несчастный, страждущій ближній, *человѣкъ*, былъ предметомъ ея живой любви, ея нѣжныхъ попеченій. Привыкнувъ въ сиротскомъ домѣ къ зрѣлищамъ страданій, болѣзни, смерти, безпрерывно жившихъ посреди нихъ, она застраховала душу отъ потрясеній, которыя такъ сильно и внезапно поражаютъ изнѣженныя, убереженныя отъ нихъ натуры. Нервы ея не разстраивались, когда ей приходилось входить въ курную избу, гдѣ кишѣли тараканы, къ одру больного, покрытаго нагольнымъ тулупомъ, истлѣвшимъ отъ непогодъ и напитаннымъ дымомъ, осматривала безъ отвращенія и перевязывала сама или приказывала перевязывать при себѣ раны, если чувство стыдливости этого не запрещало ей. Попеченіе о страждущихъ доходило у ней до самопожертвованія. Когда случилась въ деревнѣ повальная болѣзнь, она не побоялась ухаживать за больными и даже сама отъ нихъ опасно занемогла.

Въ такихъ отношеніяхъ находились нѣсколько лѣтъ названные братъ и сестра; дружба ихъ росла съ годами. Володя продолжалъ ходить на службу и учиться

въ Москвѣ. Каждое лѣто пріѣзжалъ онъ на мѣсяцъ, на два, въ Луковки, пользоваться вакаціонною свободой. Такія посѣщенія сохранили въ сердцѣ юноши святость семейныхъ узъ, которыя такъ благодѣтельны для нравственности молодого человѣка (если имъ служатъ звеньями просвѣщенная любовь родителей и гуманная, честная ихъ жизнь). Каждый годъ Володя находилъ, что названная его сестра хорошѣла и умственно развивалась, какъ дорогое растеніе, которое, укрѣпившись на благородной почвѣ, уже безъ усиленныхъ заботъ садовника можетъ жить своею прекрасною роскошною жизнью. По-прежнему чета Патокиныхъ утѣшалась своимъ сыномъ и воспитанницей. Сергѣй Семеновичъ желалъ видѣть въ немъ полезнаго члена общества, добраго слугу отечеству, хотя и не прочь былъ отъ сбыточныхъ для него честолюбивыхъ видовъ. Марѳа Михайловна, съ своей стороны, въ горячихъ мечтахъ пришпиливала уже къ груди своего Володи звѣзду и надѣвала черезъ плечо его ленту. Между тѣмъ девятнадцатилѣтній юноша, будущій превосходительный и кавалеръ со звѣздой, не дослужился еще до перваго статскаго оберъ-офицерскаго чина. По-прежнему Патокины наслаждались своимъ настоящимъ, поощряемые къ роскошной, безразсчетной жизни успѣхами по торговымъ дѣламъ и не горюя много о неудачахъ. Хотя со времени описанной нами катастрофы не тревожили Сергѣя Семеновича никакія невзгоды по городской службѣ, однакожь, чувствуя себя нездоровымъ и предаваясь болѣе и болѣе безпечной жизни, онъ замыслилъ купить себѣ хорошенькое помѣстье, гдѣ могъ бы укрыться отъ службы, копоти фабричныхъ трубъ и стука станковъ. Здѣсь стародубовская школа брала верхъ надъ англійской. По-прежнему, однакожь, Патокины ѣздили каждую зиму въ Москву, чтобы быть ближе къ сыну и долѣе съ нимъ повеселиться.

Какъ бывало, задавали они обѣды и вечера, на которые хлѣбосольные и радушные хозяева собирали разнородное общество со всѣхъ концовъ бѣлокаменной, а кому неизвѣстно, какъ эта старушка, сохранившая свои зубы, любитъ хорошо поѣсть не только въ частныхъ домахъ, но и въ общественныхъ, начиная съ клубовъ и оканчивая безчисленными трактирами и харчевнями.

Въ одну изъ этихъ поѣздокъ, именно черезъ три года по водвореніи Дуни въ семействѣ Патокиныхъ, они задавали въ Москвѣ обѣдъ на славу, съ живою стерлядью, диковиной величины, привезенною на буксирѣ барки за нѣсколько сотъ верстъ.

Наканунѣ этого обѣда пріѣхалъ къ Сергѣю Семеновичу нѣкто, или, вѣрнѣе, *нѣчто*, именуемое Никодимомъ Ивановичемъ Хрюконовскимъ. Приказано извиниться, что не могутъ принять и проситъ въ отдѣленіе сына, пока хозяинъ дома окончитъ свои занятія. У Володи былъ въ то время товарищъ по службѣ, Мишель Суздалинъ, двумя годами постарше его, большой охотникъ до философскихъ разсужденій и вмѣстѣ съ тѣмъ большой весельчакъ.

— Вотъ гость хуже татарина,—сказалъ раздосадованный этимъ посѣщеніемъ Володя, не терпѣвшій господина, о которомъ ему доложили.

— Ба! да это мой землякъ изъ нашего благословеннаго губернскаго города Суходольска, — сказалъ Суздалинъ и приложилъ палецъ къ губамъ, давая знать, чтобы товарищъ не проговорился на счетъ посѣтителя.

— Этотъ господинъ, — продолжалъ онъ по-французски, — имѣетъ благородное обыкновеніе, прежде, чѣмъ войти въ комнату, подслушать у дверей. Онъ пронюхалъ, что у васъ завтра званный обѣдъ, и пришелъ, во чтобы ни стало, пристроиться къ нему,

хорошо поѣсть и подвыпить, а, пуще всего, сѣсть за одинъ столъ съ генераломъ. Это его профессія. Хочешь, нога его не будетъ въ другой разъ въ нашемъ домѣ? Въ головѣ моей, богатой, какъ ты знаешь, на подобные случаи, блеснула великолѣпная импровизація.

— Ради Бога. Этотъ паразитъ прилѣпился ко мнѣ и готовится отравить все мое существованіе. Но какъ ты умудришься?

— Увидишь. Только прошу постигнуть мою великую идею по первымъ моимъ пріемамъ и помогать мнѣ. Беру листъ бумаги и перо; начинаемъ.

Возвысивъ голосъ, Суздалинъ прибавилъ, — Написалъ: генералъ отъ артиллеріи такой-то. Далѣе?

Только-что онъ окончилъ эти слава, въ комнату ввалилась неуклюжая фигура въ видѣ надутаго шара, готоваго лопнуть, на двухъ медвѣжьихъ лапахъ, съ двухэтажнымъ зобомъ и лысою, толстою головой, на которой рѣдкія космы сѣдыхъ волосъ были на отлетѣ, не покоряясь маневрамъ налитыхъ жиромъ рукъ. Фигура эта пыхтѣла и сопѣла, какъ пузатый самоваръ, въ которомъ умираетъ послѣдній огонь угольевъ, но все-тали силится продолжать свою дѣятельность.

Взглянувъ на громадное брюхо Хрюконовскаго, можно было тотчасъ заключить, что назначеніе этого господина поглощать въ него огромное количество съѣстного. Онъ владѣлъ нѣкогда двумястами душъ и всѣ ихъ уложилъ въ своемъ желудкѣ. Онъ ѣлъ не такъ, какъ Гоголева Пѣтухъ, со смакомъ, съ услажденіемъ, которое для него было неполно, если съ нимъ не раздѣляли трапезы другіе; Никодиму Ивановичу нуженъ былъ только процессъ ѣды, какъ Петрушкѣ Чичикова процессъ чтенія. Хрюконовскій хвастался нѣкогда тѣмъ, что заразъ выпивалъ по цѣлому штофу водки и отправлялъ въ свою утробу огромную кулебяку. Когда онъ служилъ въ какомъ-то полку прапор-

щикомъ (въ отставку вышелъ подпоручикомъ), командиръ его, проходя съ нимъ по лагерю и проголодавшись, остановилъ разносчика съ лоткомъ съѣстныхъ припасовъ, закусилъ у него двумя, тремя пирожками и предложилъ Никодиму Ивановичу послѣдовать его примѣру, но не успѣлъ отойти нѣсколько шаговъ, какъ разносчикъ подошелъ къ нему за разсчетомъ. У командира вытянулось лицо, когда онъ узналъ, что его прапорщикъ успѣлъ въ это время съѣсть сотню сдобныхъ пирожковъ, уплести до пяти колбасъ и послать за ними еще нѣсколько *путешественниковъ*, однимъ словомъ, очистить весь лотокъ.

Въ Суходольскѣ, гдѣ онъ потомъ имѣлъ свое постоянное пребываніе и служилъ по выборамъ, онъ былъ неизмѣннымъ, дѣятельнымъ членомъ на всѣхъ завтракахъ, обѣдахъ и ужинахъ, какіе только, кѣмъ бы то ни было, давались. Накрытый для званыхъ гостей столъ не могъ держаться, если не сидѣлъ за нимъ Никодимъ Ивановичъ, какъ домъ безъ своего домового. Когда онъ не занятъ былъ ѣдою, уста его были всегда сомкнуты; развѣ распечатывалъ ихъ, когда за картами надо было сказать нѣсколько словъ объ игрѣ, или потѣшить значительное лицо шутками, въ которыхъ не было на грошъ соли, но все-таки по привычкѣ возбуждавшими смѣхъ въ провинціальныхъ слушателяхъ. Дома не держалъ онъ своего чаю и стола, а круглый годъ, день въ день, пользовался даровыми раціонами того и другого. Только раза два въ году приглашалъ къ себѣ первостепенное или второстепенное губернское лицо со свитой на кулебяку, которую мастерски готовила его супруга. Завтракъ этотъ орошался дешевымъ хересомъ, изготовленнымъ на всю Россію въ одномъ изъ мѣстныхъ уѣздныхъ городовъ. Надо сказать, что его половина во время оно была отставная фаворитка начальника Крутогорской

провинціи, столько прославленной надворнымъ совѣтникомъ Щедринымъ, и выданная за Хрюконовскаго съ приданымъ цѣлаго уѣзда, гдѣ онъ, однакожъ, за смертью своего благодѣтеля, не долго имѣлъ кормленіе. На такія кулебяки приглашаемы были гости печатными билетами, разсылаемыми иногда за нѣсколько сотъ верстъ на имя превосходительнаго патрона. Разумѣется превосходительный и не думалъ дѣлать такое далекое путешествіе изъ-за великаго подвига уничтоженія пирога; но все-таки за нѣсколько сотъ верстъ вѣдомо было, что у Никодима Ивановича Хрюконовскаго была въ такой-то день, въ такой-то часъ, кулебяка, на которую были приглашены его пріятели, все именитые люди, Пожарскіе и Минины «въ своемъ родѣ», какъ онъ ихъ называлъ.

Въ наше время, когда собираются интересныя мелочи изъ жизни великихъ людей, упрекнули бы біографа Никодима Ивановича, еслибъ онъ не сохранилъ въ точности самыхъ замѣчательныхъ дѣяній его. О! еслибъ герой этихъ страницъ имѣлъ привычку вести свой журналъ, подобно извѣстному лицу, записывавшему изо дня въ день не только свою бодрую дѣятельность всякаго рода, но даже и сонныя видѣнія,— какимъ ослѣпляющимъ ореоломъ озарилась бы для потомства фигура Хрюконовскаго! По крайней мѣрѣ, дѣлаю, что могу, для исторіи его, по тѣмъ даннымъ, какія у меня находятся подъ рукой.

Обыкновенно Никодимъ Ивановичъ вставалъ въ 7 часовъ утра; одѣвшись, отправлялся тотчасъ въ почтовую контору, раскрывалъ свою корреспонденцію, въ которой его столичные доброжелатели и покровители извѣщали его о назначеніи такого-то, туда-то, губернаторомъ, туда-то министромъ или директоромъ департамента, о награжденіи такого-то чиномъ или орденомъ; потомъ по благосклонности своихъ почтовыхъ милостив-

цевъ, схватывалъ изъ газетъ, только-что прибывшихъ, самыя свѣжія новости и тотчасъ, опрометью, чтобы не предупредили его, спѣшилъ разнести ихъ по всѣмъ болѣе вліятельнымъ знакомымъ. У одного этотъ городской Меркурій пилъ чай, у другого закусывалъ; между завтракомъ и обѣдомъ забѣгалъ въ свое присутствіе, гдѣ передавалъ тоже вѣсти, какія собралъ утромъ, подписывалъ на лету свое званіе и фамилію подъ журналами, не заглядывая въ ихъ содержаніе. Когда жь онъ, за болѣзнію или отсутствіемъ одного изъ совѣтниковъ губернскаго правленія, исправлялъ его должность, то находилъ особенное удовольствіе подписывать тысячи экземпляровъ печатнаго циркуляра о сыскѣ лицъ и имуществъ: пускай-де знаютъ по всей Россіи, что Хрюконовскій исправляетъ должность совѣтника. Потомъ отправлялся къ губернатору на приватное дежурство. Здѣсь, въ пріемной, садился на свое обычное кресло, прозванное шутниками Никодимомъ Иванычемъ. Изъ ста дней и тысячей часовъ въ одинъ счастливый день и часъ приходила первому лицу въ губерніи фантазія позвать его для развлеченія отъ дѣлъ. Тутъ обыкновенно разсказывалась какая-нибудь городская скандалезная исторійка или сплетня. Никодимъ Ивановичъ считалъ себя на верху блаженства, если успѣвалъ разсмѣшить первое лицо. Тогда, выходя изъ кабинета его превосходительства, принималъ важную осанку и озабоченный видъ, какъ будто воплотился въ лицо, которое только что оставилъ, и милостиво раскланивался на обѣ стороны находящимся въ пріемной. Если жь этого счастливаго позыва не было, то все-таки блаженный мужъ сидѣлъ на своемъ обыкновенномъ сѣдалищѣ, скрестивъ жирные пальцы и вооружась всею силою своего слуха, чтобы уловить отъ окружающихъ его горяченькую вѣсточку. Иногда и швейцаръ, задобренный имъ, дружески сообщалъ ему

какую-нибудь интересную новость о томъ, что у повара его превосходительства родился сынокъ, или такая-то горничная согрѣшила.

И были именитые люди, Минины и Пожарскіе «въ своемъ родѣ», которые принимали его, какъ домашняго человѣка, ласкали, называли въ своей перепискѣ съ нимъ «любезнымъ другомъ». И этотъ кусокъ мяса выбирали нѣсколько трехлѣтій въ должности, отъ которыхъ зависѣли честь, состояніе и свобода человѣка. Когда-жъ истинно благородные, энергическіе члены общества упрекали своихъ собратій, что они своимъ потворствомъ унижаютъ великое выборное дѣло, этимъ благороднымъ людямъ отвѣчали: « Чѣмъ же безъ должности будетъ существовать Никодимъ Иванычъ? Бѣдный человѣкъ! Вѣдь онъ нашъ братъ дворянинъ». И дослужился паразитъ до многолѣтней пряжки, ордена и пенсіи, подписывая только свою должность и фамилію и дѣятельно упражняясь въ поощреніи торговли съѣстными припасами Хвастался онъ безпрестанно своею честною, безпорочною службой, на которой ничего не нажилъ, а прожилъ 200 душъ!... Не подумайте, чтобы въ этомъ кускѣ мяса не было желчи; Никодимъ Ивановичъ былъ золъ, очень золъ, какъ старая собака, которая хотя и съѣла всѣ свои зубы, но, за неимѣніемъ ихъ, еще больно царапается когтями. Когда онъ считалъ себя обиженнымъ, то не забывалъ обиды цѣлые годы и искалъ случая отомстить за нее.

Таковъ былъ пріятный гость, ввалившійся въ кабинетъ Володи. Онъ пріѣхалъ въ Москву повидаться со своими благодѣтелями и патронами. Узнавъ объ обѣдѣ у Патокиныхъ, Никодимъ Ивановичъ явился напроситься на приглашеніе.

— А! пріятнѣйшій изъ пріятнѣйшихъ знакомыхъ,— сказалъ Суздалинъ. остановившись на генералѣ, кото-

раго успѣлъ уже Никодимъ Ивановичъ поймать своимъ слухомъ, — какъ въ своемъ здоровьѣ обрѣтаетесь?

— Благодаренье Богу,—произнесъ Хрюконовскій, возводя очи къ небу,—вотъ видите пуговицы на вицъ-мундирѣ стояли здѣсь, а вчера я переставилъ ихъ сюда.—Тутъ онъ указалъ, что вицъ-мундиръ его разступился вершка на два.

— Вы застали насъ за важнымъ занятіемъ. По диктовкѣ Владиміра Сергѣича составляю реестръ особамъ, приглашеннымъ къ завтрашнему обѣду. Вы намъ не помѣха. Напротивъ, подскажете, кого забудемъ въ спискѣ. Знаешь ли Володя, вся московская знать ему извѣстна на перечетъ, какъ его пять пальцевъ.

— Съ удовольствіемъ, съ величайшимъ удовольствіемъ... я такъ уважаю почтеннѣйшаго вашего родителя и васъ, Владиміръ Сергѣичъ... готовъ участвовать въ пріятномъ трудѣ. Только позвольте исполнить одно важное порученіе... я сейчасъ оставилъ островъ Елены (такъ звали его жену, и эту площадную остроту повторялъ Никодимъ Ивановичъ въ тысячный разъ) и мой пріятель Наполеонъ I-й приказалъ свидѣтельствовать вамъ свое почтеніе.

И Хрюконовскій протянулъ Володѣ свою пухлую, потную руку.

Володя побрезгалъ прикоснуться къ ней.

— На чемъ, бишь, мы остановились? — спросилъ Суздалинъ своего товарища.

— На первомъ лицѣ, генералѣ такомъ-то.

Разумѣется, званія и имена были вымышленныя, какія только приходили шалунамъ на умъ.

— Позвольте вамъ замѣтить,—прохрипѣлъ Хрюконовскій,—у васъ навѣрное будетъ духовное лицо?

— Конечно, такой-то.

— По моему, подобаетъ ему въ реестрѣ стоять во главѣ, такъ какъ онъ будетъ занимать первое мѣсто за столомъ

— Спасибо, почтенный землякъ, а то мы было испортили списокъ.

— Ну, такъ пиши, такой-то...

— Написалъ. Теперь ставлю смѣло: генералъ такой-то. Кажется онъ о трехъ звѣздахъ.

Суздалинъ вопросительно посмотрѣлъ на Никодима Ивановича.

— Какъ же-съ, три звѣзды. На-дняхъ во время торжественнаго молебствія я все смотрѣлъ на звѣзды его и хорошо видѣлъ Георгія на бѣломъ конѣ. Старъ, а глядитъ еще богатыремъ. А взглядъ, настоящій взглядъ орлиный! При выходѣ замѣтилъ меня въ толпѣ и, проходя мимо, изволилъ сказать: «А, старый товарищъ, и ты здѣсь?» Увидите, какъ онъ встрѣтитъ меня на обѣдѣ вашемъ.

Молодые люди коварно переглянулись.

— Надо вамъ сказать, господа, мы служили вмѣстѣ, то есть я хотѣлъ сказать, служилъ я въ его корпусѣ въ 13 г. Бывало мы, прапорщики, развалимся, какъ попало, въ его присутствіи на соломѣ и принимаемся балагурить. А забыться никто не смѣлъ, нѣтъ, шалишь! атанде!

— Такъ вы знаменитую кампанію сломали, Никодимъ Иванычъ? Много таки поджарыхъ французиковъ отправляли въ Елисейскія?

— Признаюсь, я далѣе Глогау не доходилъ. Съ Наполеономъ мы познакомились послѣ, на островѣ Еленѣ. Отъ Глогау меня отправили въ Россію при другомъ старшемъ офицерѣ за амуниціей, а тамъ шепнули.... чтобы я.... грѣхъ таить... по причинѣ невзрачной фигуры, подалъ въ отставку (здѣсь Никодимъ Ивановичъ подмигнулъ глазкомъ).

— Жаль,—сказалъ Суздалинъ,—а то бы изъ васъ вышелъ великій полководецъ. А знаешь ли, Володя, судя по игрѣ его въ карты, онъ военный геній. Надо любоваться, какъ онъ играетъ. Это настоящіе маневры. Кажется, насквозь видитъ карты своихъ противниковъ и партнера, угадываетъ ихъ ходы, налетитъ орломъ, примигнетъ глазкомъ, да какъ пристукнетъ по зеленому полю... такъ врагу и капутъ. Да, Никодимъ Иванычъ, вы и теперь великій человѣкъ въ своей губерніи... а пуще всего пріятнѣйшій изъ пріятнѣйшихъ товарищей за столомъ. Какъ онъ ѣстъ, Володя, такъ, просто, заглядѣнье! Откуда берется аппетитъ, смотря только на него!

Хрюконовскій умильно осклабился; казалось, зобъ его распустился, какъ у птицы-бабы, когда она надувается, чтобы произвести свой отвратительный звукъ, а космы на лысинѣ еще упрямѣе отлетѣли въ сторону.

Принялись опять шалуны записывать имена и званія лицъ, приглашенныхъ къ обѣду. Пошли тайные совѣтники, генералъ-лейтенанты, генералъ-маіоры, и такъ далѣе, не ниже 5-го класса.

— Смотри, Володя, не зарвись.

Володя взялъ списокъ и началъ считать.

— Ровно тринадцать,—сказалъ онъ вполголоса,—тринадцатаго надо зачеркнуть,—и зачеркнулъ кого-то въ реестрѣ.

Никодимъ Ивановичъ вздрогнулъ, какъ будто по сердцу его провели горячимъ утюгомъ. Предчувствіе не обманывало его.

— Мнѣ отъ этихъ генераловъ такъ тяжело,—промолвилъ Суздалинъ,—точно поднималъ цѣлый часъ трехпудовыя гири. Надо отдохнуть. А между антрактомъ вели-ка, Володя, подать напоказъ знатоку дѣла все лучшее, что у васъ припасено къ завтрашнему обѣду.

Позвали слугу и приказали подать всѣ лучшіе припасы, приготовленные къ завтрашнему дню.

Два офиціанта, кряхтя, принесли въ лоханѣ съ водой живую стерлядь необыкновенной величины и толщины, облитую жиромъ.

Какъ нарочно, она такъ бойко хлеснула по водѣ, что обрызгала Никодима Ивановича.

— Коварна!—замѣтилъ Суздалинъ.

— Какъ Варна,—поспѣшилъ подшутить Хрюконовскій, утирая себѣ лицо.

— Знаетъ, кто самую жирную и крупную часть ея возьметъ завтра.

Стерлядь смѣрили; въ ней было болѣе аршина до пера.

Никодимъ Ивановичъ ахалъ и пожиралъ ее глазами.

Затѣмъ слѣдовали исполинскій филей на ростбифъ и такъ далѣе, молоки изъ налимовъ, трюфели, отъ которыхъ благоуханіе Хрюконовскій повѣялъ рукой на себя. Смотръ заключился блюдомъ клубники, чрезвычайно дорогой по тогдашнему зимнему времени.

Телячьи глаза его то умильно обращались къ съѣстнымъ припасамъ, то къ Володѣ, какъ будто умоляя его о милостивомъ приглашеніи.

Суздалинъ взглянулъ на реестръ.

— Ба! — воскликнулъ онъ, ударяя себя по лбу, — главную-то персону я было помѣстилъ, а ты зачеркнулъ.—Не грѣшно ли тебѣ?

— Ты знаешь, какъ мы любимъ Никодима Иваныча, но я не могу ослушаться отца. Онъ мнѣ на строго приказалъ не помѣщать никого въ реестрѣ ниже 5-го класса и не болѣе двѣнадцати человѣкъ. Генералы люди стараго вѣка, суевѣрны. Бѣда, если будетъ за столомъ тринадцать.

— Я бы здѣсь у васъ въ кабинетѣ, Владиміръ Сергѣичъ, тихохонько, смирнехонько, — сказалъ уни-

женно Хрюконовскій:—а тамъ улучилъ бы благопріятную минуту... когда шампанское будутъ подавать, и показался бы превосходительнымъ гостямъ... только на единую минутку...

— Не могу, право не могу; зайдетъ кто-нибудь сюда... покурить... увидитъ васъ, будто въ изгнаніи; совѣстно. Мы, однакожъ, это поправимъ. Послѣ завтра отецъ дастъ еще обѣдъ для персонъ ниже пятаго класса, и тогда вы, конечно, сдѣлаете намъ честь...

Обида была нестерпимая; стоялъ въ спискѣ вмѣстѣ съ генералами и зачеркнутъ.

Лицо Хрюконовскаго сдѣлалось пунцово; самъ Суздалинъ, взглянувъ на него, перепугался; долго ль такому тучному человѣку до удара!

— Прошу уволить, — сердито прошипѣлъ Никодимъ Ивановичъ; затѣмъ крякнулъ, отодвинулъ кресла, такъ что они завизжали, бросилъ на молодыхъ людей молнію изъ своихъ глазъ, которая, казалось, должна была ихъ испепелить, побрелъ, шатаясь, къ дверямъ и свирѣпо хлопнулъ половинкой ихъ.

Когда слуга подалъ ему шубу, онъ все бормоталъ: «купчишка! свинья!» Съ трудомъ, дрожащими отъ душевнаго волненія руками, могъ онъ попасть въ рукава шубы, сердито произнося: «не такъ, не такъ, скотина! Видно, что у купца служитъ, и шубу подать не умѣетъ».

Сергѣй Семеновичъ удивился, найдя, что птица слетѣла ужь съ гнѣзда. Шалуны скрыли причину ея отлета.

Скоро это происшествіе было ими забыто, но не забылъ его Никодимъ Ивановичъ. Русскій корсиканецъ поклялся мстить, чѣмъ только могъ и пока живъ, цѣлому роду Патокиныхъ до послѣдняго колѣна.

Вендета представилась.

Нѣсколько недѣль спустя, Суздалинъ влетѣлъ къ Володѣ.

— Ѣду, — сказалъ онъ, въ мою великую отчину Суходольскъ. — Сестры и мать зовутъ повеселиться. Завтра у нихъ въ благородномъ собранiи, по какому-то особенному торжественному случаю, балъ-monstre. Хочешь? ѣдемъ со мной. Замѣчаю, ты съ нѣкотораго времени хандришь; тебя надо разсѣять. Всего сто пятьдесятъ верстъ. Лихой ямщикъ взялся на перемѣнныхъ доставить меня въ десять часовъ.

— Когда жь ѣхать?

— Нынѣ въ полночь (Суздалинъ посмотрѣлъ на часы), то есть черезъ два часа. Мѣсяцъ такъ и пышетъ своимъ электрическимъ свѣтомъ; фонарикъ хоть куда! Кстати я познакомлю тебя съ предметомъ моего обожанiя.

— Который нумеръ?

— Первый въ провинцiи, а до московскихъ намъ теперь дѣла нѣтъ. Блондинка, съ пепельными волосами, глаза голубые, полные нѣги, губки немного пышныя — настоящiй центифолiй. Пчела такъ бы и впилась въ нихъ. И я, твой покорный слуга, не отказался бы отъ роли пчелы. Правда, ты любишь черноволосыхъ съ голубымъ отливомъ, какъ у вашей Дуни изумрудный-крестикъ что ли? Да, мой предметъ въ полной порѣ, а вашей красавицѣ не вышло еще узаконенныхъ лѣтъ для супружества. Поди, мучься годы танталовой пыткой!

— Дитя, — сказалъ равнодушно Володя, — ей только пятнадцать лѣтъ, сидитъ еще за уроками.

— Посмотри, что будетъ изъ нея въ семнадцать; я, братецъ, знатокъ на такiя вещи.

— Сестренка будетъ хорошенькая; а еслибъ ты зналъ, какъ умна — не по лѣтамъ, какая душа у этой дѣвочки! Дай Богъ, чтобы она со временемъ

нашла мужа, который умѣлъ бы оцѣнить это сокровище!

— Однакожъ мы съ *нашими* предметами забыли о суходольскомъ балѣ.

— Съ нашими? — перебилъ, нахмурившись, Володя.—Я не люблю, когда шутятъ надъ святымъ чувствомъ дружбы, хотя къ пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ. Она мнѣ не родная, но я готовъ поссориться за нее, какъ за кровную мою сестру.

— Ну, ну, полно ворчать. Не въ первый разъ изволите гнѣваться, когда заговорятъ шутя о вашей ученицѣ. Чтожь, ѣдемъ?

— Пожалуй, ѣдемъ, только... ты знаешь, я воспитанъ въ патріархальныхъ нравахъ; безъ позволенія отца и матери не тронусь съ мѣста.

— Такъ поди и просись, дитятко.

Пошелъ Володя и принесъ благопріятный отвѣтъ.

Въ полночь были они за одной изъ московскихъ заставъ, тогда еще существовавшихъ.

Несмотря, что полный мѣсяцъ глядѣлъ во всѣ глаза и обвивалъ землю своимъ волшебнымъ свѣтомъ, наши путешественники, готовясь къ танцовальнымъ подвигамъ, проспали всю дорогу и въ десять часовъ утра пили уже чай въ семействѣ Суздалина.

Отца его давно не было въ живыхъ. Мать, умная, энергичная, съ большимъ тактомъ женщина, и за нею двѣ дочери, одна восемнадцати лѣтъ, уже помолвленная (жениха ея не было въ городѣ), а другая семнадцати, обѣ хорошенькія брюнетки, были очень любезны со своимъ гостемъ.

Въ полдень пріѣхала къ Суздалинымъ съ визитомъ суходольская дама, супруга какого-то предсѣдателя, будто нарочно для того, чтобы московскому гостю показать образчикъ тамошняго общества. Суздалинъ, въ подражаніе Никодиму Ивановичу, называлъ ее Минервой

«въ своемъ родѣ». Все въ ней оправдывало это названіе: и ростъ, и мужественныя формы, и суровый взглядъ, и гнѣвныя, обличительныя рѣчи. Отъ нея такъ и вѣяло холодомъ. Она то и дѣло старалась высказать свое олимпійское происхожденіе. Только и было словъ, что о петербургской аристократіи: все кузены, дяди, тетки, важные тузы и барыни! Весь прочій людъ — толпа, чернь, плебейство! А нравы, что за нравы нынѣ, Боже мой! Никакого уваженія къ родовымъ преданіямъ; все mésaillance, égalité, fraternité! Ужь и мужики лѣзутъ въ люди! Все это не ведетъ къ добру.

Войдя въ комнату, она свысока, совиными глазами окинула Володю и потомъ сѣла къ нему спиною.

Замѣтивъ это пренебреженіе къ своему гостю, Суздалина сказала Володѣ, указывая ему мѣсто неподалеку отъ себя: «пересядьте сюда, Владиміръ Сергѣичъ, вамъ тамъ неловко».

— Вообразите, — говорила Минерва, не обращая вниманія на этотъ урокъ: — пріѣхалъ къ намъ новый вицегубернаторъ — Онучинъ, изъ купцовъ.

— Скоро жь прочли вы его послужной списокъ,— замѣтила Суздалина.

— По одной фамиліи слышно сейчасъ, que cela sent la roture, que c'est un parvenu. Вообразите, моему мужу въ палатѣ придется при немъ сидѣть на второмъ мѣстѣ. Это хоть кого взбѣситъ.

— Какъ слышно, человѣкъ образованный и, что рѣдко нынѣ, честный человѣкъ. Конечно, жена его была у васъ, какъ и у меня, съ визитомъ?

— Должно быть какая-нибудь мѣщанка. Я ее не приняла; можетъ пріѣхать въ другой разъ.

— Напротивъ, я очень рада, что была дома; за особенное удовольствіе почту съ ней сблизиться. Женщина очень не глупая и держитъ себя не хуже на-

шихъ soit-disant аристократокъ, отъ которыхъ несетъ феодальною гнилью.

— Mais vous êtes une femme émencipée, madame Суздалина.

— Emancipée отъ всякихъ глупыхъ предразсудковъ. Кажется, и мужъ вашъ не держится ихъ. Напримѣръ, не далѣе, какъ вчера, онъ былъ на именинномъ обѣдѣ у купца съ бородой, совершеннаго мужика по образованію, какъ бишь его?... подрядчикъ... Вы должны его знать по отношеніямъ съ вашимъ мужемъ... ставитъ дрова и намъ, и *вамъ*, кажется, и всему городу.

Эта стрѣла не миновала сердца Минервы. Бѣлыя пятна выступили на пунцовомъ, угреватомъ лицѣ ея. Послѣ этого урока ей не посидѣлось. Какъ скоро она, со своими совиными атрибутами удалилась, не было ни о ней, ни объ ея сужденіяхъ рѣчи. Суздалина любила по дѣломъ отдѣлать въ глаза, но не позволяла себѣ за глаза худо отзываться о людяхъ. Володя смѣялся въ душѣ, но тоже остерегся сказать что-нибудь объ олимпійской дамѣ.

Ровно въ девять часовъ Суздалина съ семействомъ своимъ и Володей отправилась на балъ. Она не держалась *мѣстничества* провинціалокъ, которыя думаютъ, что роняютъ свое достоинство, если явятся на вечеръ ранѣе другихъ, низшихъ классами ихъ мужей. Дама 4-го класса не пріѣдетъ въ собраніе прежде дамы 5-го класса, и такъ далѣе, по іерархическимъ ступенямъ. Для наблюденія за этою очередью посылаются зоркіе аргусы на дежурство въ тотъ домъ, гдѣ дается вечеръ, и горе соглядатаямъ, прозѣвавшимъ очередь! Иногда, по милости этого женскаго мѣстничества, зала собранія бываетъ пуста. На этотъ разъ все такъ счастливо устроилось ловкими и усердными распорядителями, что зала кипѣла особами прекраснаго

и непрекраснаго пола. Балъ хоть куда. Свѣчъ не жалѣли; сотни огней въ канделябрахъ и люстрахъ слѣпили глаза. Сердце эконома билось пріятною надеждой, что огромное количество огарковъ поступитъ въ его карманы. Залы и прочія комнаты благоухали, дежурный старшина то и дѣло кричалъ: курить! курить! какъ будто на вечеръ ожидали посѣщенія нечистаго духа. Дамская уставлена была рѣдкими растеніями, уборная — всѣми косметическими принадлежностями туалета. Въ рисовой пудрѣ не было недостатка; даже цѣлыя дюжины башмаковъ на русскую и французскую ножку, едва ли не выписанныхъ изъ Варшавы, предлагали свои услуги тѣмъ особамъ, у которыхъ собственная ихъ обувь, отъ усерднаго упражненія, могла получить какой-нибудь неблаговидный изъянъ. Рои хорошенькихъ дѣвицъ, прилетѣвшіе изъ своихъ уѣздныхъ ульевъ, порхали по залѣ. Надо, однакожъ, сказать, что кавалеры были не блестящіе, потому что военные, такъ оживляющіе танцовальные вечера, были гдѣ-то далеко, на маневрахъ, и занимались своего рода гимнастическими упражненіями. Ихъ замѣняли кавалеры, блистающіе своими лысинами и длинными цѣпями у жилетовъ, дѣлающими во время танцевъ тѣ же овацiи, какія дѣлали ихъ обладатели. Не мудрено, что молодые люди, пріѣхавшіе изъ столицы, первенствовали въ танцахъ. Володю успѣлъ Суздалинъ представить своему предмету, очень интересному, и другимъ знакомымъ дѣвицамъ. Когда онъ пошелъ въ первый разъ полькировать съ одной изъ дочерей Суздалиной, все собраніе обратито на него глаза. Говорили, что еслибъ дать этому интересному молодому человѣку мундиръ, то онъ могъ бы посоперничать съ прошлогоднимъ красивымъ кавалергардомъ, который явился въ собраніе, поднесъ избранной имъ дѣвицѣ золотое яблоко, протанцовалъ только съ нею одной и

уѣхалъ, побѣдивъ сердца всѣхъ. Володя умѣлъ заинтересовать своихъ дамъ умною и пріятною бесѣдой. Конечно, ни одна изъ маменекъ не могла мѣтить на девятнадцатилѣтняго юношу для своихъ дочекъ, но дочки невольно увлекались его красивою наружностью и столичною любезностью и передавали другъ другу, что ни съ кѣмъ онѣ во всю жизнь свою такъ легко не танцовали, никто не умѣлъ такъ занять ихъ своимъ умнымъ разговоромъ безъ приторныхъ комплементовъ. И какой неистощимый запасъ новыхъ фигуръ навезъ онъ изъ Москвы! Минерва была тутъ же со своими дочками, цвѣтущими одними веснушками и угрями. Никто не обратилъ вниманія на фамилію Патокина (мало ли какія фамиліи бываютъ на Руси, объ иную зубъ попортишь, а другую и языкъ не пошевелится выговорить); но олимпійская дама, узнавъ ее, не преминула строго наказать своимъ дщерямъ, чтобы не осмѣливались вступить въ танцы съ какимъ-нибудь roturier.—Вы должны помнить, говорила она, что вы внучки генерала, и я не потерплю этой mésaillance. Какъ будто стоя въ парѣ со своимъ кавалеромъ, дочка ея стояла уже съ нимъ подъ вѣнцомъ. Володя, со своей стороны, и не думалъ смѣть прикоснуться своею плебейскою рукой къ рукѣ, въ которой текла генеральская кровь.

Никодимъ Иванычъ Хрюконовскій былъ тутъ же на балѣ, при крестѣ и пряжкѣ, какъ и слѣдовало ожидать, потому что къ концу вечера готовился обильный ужинъ. Онъ безпрестанно старался попадаться на встрѣчу Володѣ, останавливался противъ него, бросалъ на него сердитые взгляды, какъ будто хотѣлъ отправить его въ свой желудокъ; мало того, сталъ заграждать ему въ тѣснотѣ дорогу, умышленно толкалъ его, не думая извиняться, и до того участилъ свои наглые маневры, что юноша, сначала смѣявшійся

надъ этими продѣлками, вышелъ изъ себя.—Вообрази, —сказалъ Володя довольно громко Суздалину, указывая глазами на Хрюконовскаго,—это животное вездѣ преслѣдуетъ меня. Еслибъ я не боялся скандала и болѣе всего огорчить твою мать, которая привезла меня сюда, онъ стоилъ бы пощечины.

— Брось, пожалуйста, эту гадину,—отвѣчалъ Суздалинъ,—стоитъ ли пропадать изъ-за нея.

Стоявшій за ними молодой человѣкъ, черненькій, какіе вездѣ бываютъ, и, вдобавокъ, одинъ изъ блистательныхъ своею лысиной, сердитый на Володю за то, что дѣвица, за которою онъ ухаживалъ, не хотѣла въ этотъ вечеръ танцовать съ нимъ, а безпрестанно упивалась удовольствіемъ танцовать съ пріѣзжимъ, вслушался въ слова пріятелей и поспѣшилъ передать ихъ Никодиму Ивановичу.

Казалось, Хрюконовскій только и дожидался этой благодатной вѣсти. Глаза его налились кровью, какъ у быка на аренѣ, когда тореодоръ накинетъ на глаза его красный значекъ. Онъ отыскалъ въ карточной комнатѣ дежурнаго старшину и отвелъ его въ сторону. Это былъ супругъ Минервы «въ своемъ родѣ»; утренній разговоръ съ Суздалиной былъ ему переданъ.

— Нынче, — сказалъ ему, почтительно наклонивъ голову, Никодимъ Иванычъ, — по распоряженію общества, никто не можетъ быть въ собраніи, кромѣ дворянъ. Купцамъ не дано ни одного билета.

— Точно такъ.

— А здѣсь появился купчикъ Патокинъ, да еще грозитъ дать ему пощечину.

— Онъ сказалъ вамъ это?

— Нѣтъ, но есть свидѣтель такой-то.

— Позовите свидѣтеля.

Явился черненькій молодой человѣкъ, каявшійся уже, что затѣялъ свой доносъ, и подтвердилъ слова Хрюконовскаго не безъ душевнаго волненія.

— Кто жь досталъ ему билетъ?

— Молодой Суздалинъ.

— Сынъ той....

— Что написалъ стихи на весь городъ, гдѣ и васъ задѣлъ.

— Какой вздоръ! Вольно жь инымъ признавать себя! Моей фамиліи тамъ не было. Прошу не мѣшать меня въ эту исторію; довольно и вашей.

Старшина велѣлъ офиціанту отыскать Суздалина и черезъ него гостя Патокина и просить ихъ на пару словъ.

Явились предъ лицо судьи Суздалинъ и Володя.

— Вы брали у меня нынѣ билетъ для какого-то Патокина?—спросилъ старшина, обращаясь къ первому.

— Не какого-то, а извѣстнаго мнѣ и моей матери Патокина, моего сослуживца.

— Онъ не имѣетъ еще офицерскаго чина,—прохрипѣлъ Никодимъ Ивановичъ.

— Знали ли вы, что на нынѣшнемъ вечерѣ могутъ быть только благородные?

— Я и взялъ у васъ билетъ для этого молодого человѣка, который можетъ своимъ образованіемъ и благородствомъ поспорить со многими изъ здѣшнихъ посѣтителей.

— Я хочу сказать: одни дворяне—благороднаго происхожденія.

— А я и не хотѣлъ думать, чтобы въ нашъ просвѣщенный вѣкъ могли существовать такія варварскія исключенія. Въ Москвѣ въ присутствіи высокихъ особъ, высшей, настоящей аристократіи, въ тамошнее благородное собраніе приглашаются купцы....

— Тамъ на это есть дни.... тамъ дѣло другое.... другія правила... воля... И старшина не договорилъ.

— Просвѣщенная, разумная, а не дикій произволъ, какъ здѣсь.

— Вы забываетесь, молодой человѣкъ.

— Что вамъ угодно отъ меня?—перебилъ старшину Володя, которому роль молчаливаго подсудимаго уже наскучила.

— Вотъ свидѣтель (старшина указалъ на черненькаго молодого человѣка съ лысиной), который говоритъ, что вы грозились дать пощечину нашему почтенному собрату дворянину.

— Мой дядя,—произнесъ черненькій свидѣтель, указывая на Хрюконовскаго (обнаруживая это родство, онъ думалъ ослабить свой неблагородный проступокъ).

Никодимъ Ивановичъ двумя пальцами схватилъ свой крестъ и съ энергіей покачалъ его.

— Украшенный знаками отличія.

— Все это я вижу и давно знаю. Этотъ господинъ не только у отца моего, но и у меня бывалъ со своимъ почтеніемъ. Я только сказалъ Суздалину, что готовъ бы поколотить бѣшеное животное. Вольно жь было племяннику признать своего дядю за животное.

— Вы опять говорите дерзости. Я долженъ васъ вывести изъ собранія и потому, что вы купецъ.

— Это дѣло другое, я и самъ могу удалиться.

— Нѣтъ, я васъ провожу, не то, пожалуй, вы затѣете новую исторію съ господиномъ Хрюконовскимъ.

Пока происходили эти переговоры старшины съ Володей, Суздалинъ побѣжалъ къ матери и разсказалъ ей все, что случилось съ ихъ гостемъ.

— Попросико мнѣ старшину,—сказала она сыну.

Между тѣмъ около судьи и подсудимаго въ карточной комнатѣ собрался тѣсный кружокъ. Были такіе господа, которые подстрекали старшину.—Проучить! Вывести купчика! слышались голоса. Были однакожъ, и такіе, которые просили поберечь молодого человѣка, нарушившаго правила собранія по незнанію. Въ буфетѣ нашлись любители скандаловъ, откупоривавшіе бутылки въ честь воителя Хрюконовскаго. Въ танцовальной залѣ сдѣлалось также волненіе, составились группы; разнорѣчивые толки переходили отъ одной въ другую. Многія дамы и дѣвицы приняли участіе въ Патокинѣ.—Какъ жаль, что такой красивый, образованный молодой человѣкъ—сынъ купца, говорили первыя. Одна Минерва торжествовала.

Какъ ни гнѣвенъ былъ старшина на Суздалину за утренній разговоръ, но опасаясь ея энергическаго характера и зная связи ея въ Петербургѣ, поспѣшилъ, однакожъ, явиться на ея приглашеніе.

— Что это вы затѣваете съ моимъ гостемъ?—сказала она ему.—Вы оскорбляете меня въ лицѣ его. Помните, что онъ и вашъ гость, а гостепріимство свято чтятъ даже дикіе народы. Вы портите его служебную карьеру; все-таки скажутъ, что его вывели изъ собранія, хотя безчестье падетъ болѣе на голову другихъ господъ. Ради меня, ради вашей собственной репутаціи, прекратите эту исторію, не оскорбляя такъ полицейски молодого человѣка. Посмотрите, все общество въ тревогѣ.

— Чтожъ я долженъ сдѣлать?—сказалъ смущенный старшина.

— То, что я вамъ скажу. Дайте мнѣ распорядиться по своему. Пошлите ко мнѣ моего гостя и сына.

Явились къ ней Суздалинъ и встревоженный Володя. Они прошли сквозь строй лицъ, на которыхъ читали насмѣшку или жалость, еще болѣе тягостную.

— Моей старшей дочери,—сказала Суздалина Володѣ, — сдѣлалось дурно. (Дѣйствительно она была очень блѣдна и дрожала, взволнованная непріятнымъ событіемъ, постигшемъ ихъ гостя). Возьмите ее подъ руку и проводите къ каретѣ.

Еще не успѣла Суздалина это сказать, какъ дочь ея, угадывая намѣреніе матери, подала руку Володѣ. Сама старушка, поднявъ голову и смотря строго на окружавшихъ ее, какъ бы вызывая ихъ на замѣчанія, послѣдовала за ними. Такъ вышли они изъ собранія посреди изумленной толпы, давшей имъ дорогу. Ни одинъ насмѣшливый взглядъ, ни одно неосторожное слово не провожало ихъ. Этимъ шествіемъ заключился веселый для Володи вечеръ. Надо же было ему сдѣлать триста верстъ, чтобы ознакомиться съ пріятнымъ суходольскимъ обществомъ, приговорившимъ было его къ остракизму, и унести благодарное воспоминаніе только объ одной Суздалиной и ея семействѣ.

Въ полночь наши пріятели летѣли опять въ Москву, угрюмые и озлобленные прошедшимъ вечеромъ. Суздалинъ проклиналъ себя, что повезъ своего пріятеля на такую потѣху; Володя во всю дорогу не проронилъ ни одного слова, составляя въ головѣ и сердцѣ планъ мщенія.

— Черезъ пять лѣтъ,—говорилъ онъ самъ съ собою,—я явлюсь въ это общество, и посмотрю, какъ оно меня отвергнетъ.

На другой день, по пріѣздѣ въ Москву, передалъ онъ отцу и матери все, что съ нимъ случилось.

— Я поступаю въ университетъ,—сказалъ онъ—и, если вы не хотите погубить меня, должны позволить мнѣ перемѣнить мою карьеру Черезъ четыре года я съ дипломомъ студентскимъ; онъ откроетъ мнѣ вездѣ дорогу. Записываюсь въ военную службу и черезъ шесть мѣсяцевъ офицеръ. Я ничего не теряю, на-

противъ пріобрѣтаю познанія, которыхъ мнѣ недостаетъ.

— Вспомни, что тебѣ девятнадцать лѣтъ,—сказалъ отецъ.—Твой начальникъ увѣрялъ меня, что ты на дняхъ получишь первый оберъ-офицерскій чинъ. Черезъ четыре года тебѣ будетъ двадцать три. Въ эти годы ты поступишь въ военную службу унтеръ-офицеромъ, пожалуй еще рядовымъ.

— Подумай, — говорила мать, — что ты долженъ нести тягости солдата, будешь ночевать въ курныхъ избахъ, на бивакахъ, въ походѣ понесешь ранецъ, ружье.

— Я положилъ на себя обѣтъ; никакой обѣтъ не бываетъ легокъ,—возражалъ Володя

— Потомъ война, можешь быть раненъ.

— Рана, которую я получилъ въ Суходольскѣ, больнѣе всякой другой.

— Можешь быть убитъ! О! тогда ни я, ни отецъ твой не переживемъ тебя.

— Богъ милостивъ; онъ сохранитъ меня для васъ. Какъ угодно, я задалъ себѣ цѣль и хочу добыть *право*, въ которомъ мнѣ отказываютъ; средства мои благородны и разумны и я не отступлю отъ нихъ—развѣ вы захотите испортить всю мою жизнь. Вспомните, я и прежде желалъ поступить въ университетъ, но вы мнѣ, почему-то, не позволили. Вы записали меня въ гражданскую службу, вѣроятно, для того, чтобы я сдѣлался дворяниномъ. Я исполняю ваше желаніе, только кратчайшимъ путемъ.

Для другого у Маѳы Михайловны была желѣзная воля, требованія, приказанія, для сына не нашлось ничего, кромѣ слезъ.

Володя былъ непоколебимъ

Нечего было дѣлать. Патокины знали характеръ своего сына, и благословили его на новый путь. «Весь въ дѣдушку», говорили они.

Разумно ли поступилъ Володя въ этомъ случаѣ, пусть рѣшитъ читатель. Какъ адвокатъ его, скажу только въ его пользу: ему было девятнадцать лѣтъ, обстановка его семейной жизни, сословные предразсудки, бросившіе его за перегородку общества, котораго членомъ онъ считалъ себя вправѣ быть по своему воспитанію, взрывъ оскорбленной души,—все это направило его на такой поступокъ.

И вотъ онъ уже студентъ московскаго университета. Усердно приготовившись, онъ выдержалъ блистательно экзаменъ и поступилъ въ факультетъ, въ которомъ имя знаменитаго профессора собирало тогда около него восторженныхъ слушателей. Между тѣмъ онъ бралъ на дому уроки математики, которая ему нужна была для военнаго дѣла. Дуня съ восхищеніемъ говорила объ его подвигѣ; она смотрѣла на него, какъ на героя.

Прошли три года, и каждый годъ переходилъ онъ съ торжествомъ въ слѣдующій курсъ. Профессора гордились имъ, товарищи любили его. Между тѣмъ Сергѣй Семеновичъ, желая, какъ онъ говорилъ, поправить свое здоровье и отдохнуть отъ дѣлъ, при новыхъ выборахъ въ головы отказался отъ этой должности, несмотря, что общество умоляло его продолжать свое служеніе. Онъ купилъ себѣ помѣстье верстахъ въ двадцати отъ Луковокъ. Правда, для устройства и украшенія этого имѣнія сдѣланъ былъ значительный заемъ, но надежды на успѣхъ торговыхъ дѣлъ успокоивали его. Заемъ былъ заключенъ посредствомъ Опенкина и утаенъ отъ Маѳы Михайловны. Такъ попалъ Патокинъ въ нѣкоторую зависимость отъ своего приказчика. Опенкинъ, повидимому, усердно хлопоталъ за его интересы, но умѣлъ и тутъ позаботиться о своихъ. Осуществлялись любимыя мечты Сергѣя Семеновича.

При этомъ имѣніи было душъ 200 крестьянъ. Но какъ онъ владѣть ими не могъ, то и совершилъ купчую на имя генерала Огрызкова. Генералъ былъ истинно честный человѣкъ. По случаю этой покупки онъ призвалъ къ себѣ трехъ сыновей своихъ, служившихъ въ гвардіи, и объявилъ имъ, чтобы они, въ случаѣ его смерти, раздѣлили собственное его имѣніе, достающееся имъ по наслѣдству, а имѣніе, принадлежащее Патокину, предоставили исключительно старшему брату. Владѣлецъ по имени долженъ былъ помнить, что хотя имѣніе записано на него, но чужое, что онъ не долженъ вмѣшиваться въ распоряженія настоящаго владѣльца и обязанъ выполнять все, чего Сергѣй Семеновичъ пожелаетъ. Въ случаѣ смерти старшаго брата эта обязанность должна была перейти по очереди къ среднему и такъ далѣе. При этомъ случаѣ никакихъ обезпечивающихъ актовъ не было сдѣлано, кромѣ довѣренности Патокину на безотчетное управленіе имѣніемъ. Порукою была одна совѣсть и честь, часто очень шаткія, когда дѣло идетъ о денежныхъ интересахъ.

Теперь мы пришли къ тому пункту, съ котораго отправились, начиная нашъ разсказъ, именно съ отъѣзда Патокиныхъ въ деревню.

Не знаю, какъ вамъ, мой читатель или читательница, а мнѣ кажется, что мы совершили съ вами долгое кругосвѣтное путешествіе — можетъ быть утомительное для васъ. Грустно объ этомъ подумать. Чтожъ дѣлать? Капитанъ корабля, на которомъ мы странствуемъ, уже старъ, и вы извините его, если онъ, привыкнувъ къ точному исполненію своего долга, останавливалъ васъ иногда у береговъ, мимо которыхъ вамъ хотѣлось скорѣй пройти, знакомилъ васъ съ жителями этихъ мѣстъ, можетъ быть, не интересныхъ, но необходимыхъ, чтобы запастись у нихъ жизнен-

ными припасами и горючими матеріалами для дальнѣйшаго хода корабля. Въ это время нѣкоторые изъ нашихъ пассажировъ умерли, дѣти являются предъ нами молодыми людьми, иные уже и состарѣлись. Вотъ ужь и героиня наша, Дуня, изъ двѣнадцатилѣтней дѣвочки, какою мы ее узнали въ сиротскомъ домѣ, сдѣлалась семнадцатилѣтнею, вполнѣ развившеюся дѣвицей. По крайней мѣрѣ, утѣшаюсь самолюбивою мыслею, что въ обществѣ, съ которымъ мы жили такъ долго, вы заинтересовались нѣкоторыми изъ лицъ его; можетъ быть, полюбили кого-нибудь Съ этимъ самообольщеніемъ капитанъ велитъ поднять якорь; пары усилены — мы снова тронулись въ дальнѣйшій путь. Вскипѣвшія волны, какъ два огромные дельфина, заиграли по бокамъ корабля.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мы видѣли, что Патокинъ, прощаясь съ мѣстами, гдѣ родился и выросъ, гдѣ покоился прахъ отца его, съ садомъ, этою живою, памятною книгой его дѣтства и молодости, разставался съ ними, какъ бы отрывалъ кусокъ отъ сердца

Вотъ онъ уже съ членами своего семейства, кромѣ сына, въ новокупленной и вновь устроенной усадьбѣ, называемой Краснымъ-сельцомъ, и не даромъ.

Что за очаровательныя мѣста!

Съ одной стороны господскаго дома, вдоль высокаго берега рѣки поднялась зубчатая стѣна вѣчно зеленаго сосноваго лѣса, а за нимъ, еще выше, березовая роща, которая осенью, когда листъ ея пожелтѣетъ, при закатѣ солнца, кажется золотистымъ занавѣсомъ, задернувшимъ полнеба. Въ берегъ глубоко вдаются овраги. Ночью эти ущелья пугаютъ своею мрачною пастью, а днемъ кажутся красивыми воротами, которыхъ арки образовали жилистыя, мохнатыя вѣтви деревъ, будто сплетшіяся черезъ нихъ гигантскія руки. Весною черемуха обвиваетъ ихъ кудрями своихъ благоухающихъ цвѣтовъ, а осенью рябина коралловыми кистями своихъ ягодъ. Гдѣ-то, въ одномъ изъ враговъ, гремитъ ключъ. Въ глубокую полночь, когда вся природа молчитъ и, кажется, творитъ благоговѣйную

молитву передъ престоломъ Бога, когда чуетъ слухъ паденіе листа, плескъ рыбы,—говоръ родника растетъ и растетъ и наплываетъ и разливается далеко кругомъ. Разсказываютъ тутошніе жители, что въ прежнее время онъ гремѣлъ еще сильнѣе, но псы, ожесточенные его докучливою безсонницей, не дающей имъ покоя, *залаяли* его, и съ того времени онъ присмирѣлъ. Небольшая рѣка ластится къ берегамъ и капризными извилинами образуетъ красивые, разнообразные заливы, мысы и острова. По ней не ходятъ большіе суда, но рыбачьи челноки, привлеченные богатою, безплатною добычей, снуютъ по всѣмъ ея направленіямъ. За то, по вечерамъ, а зажженныя рыбаками огни, повторяясь въ водахъ, даромъ иллюминуютъ для владѣльца эти мысы, острова и заливы. Черезъ проливы, съ берега на берегъ, смѣло переползаютъ вязи бѣлыхъ и желтыхъ водяныхъ кувшинчиковъ или кустятся по нимъ семьями Въ маѣ острова, поросшіе ивовыми и березовыми кустами, и овраги съ молодымъ чернолѣсьемъ, населяются хорами пѣвчихъ жителей. Соловьи, подъ вечеръ, будто со всей окрестности слетаются сюда спѣваться; кажется, горитъ воздухъ отъ ихъ жаркихъ пѣсней. Громъ ружейнаго выстрѣла не раздается никогда въ этихъ мѣстахъ, ни одинъ охотникъ съ силками и западнями не смѣетъ прокладывать къ нимъ слѣда. Въ этомъ случаѣ владѣлецъ строго пользуется своими правами. Съ другой сторонѣ усадьбы разстилаются на нѣсколько верстъ поемные луга съ ихъ разнообразными озерами, днемъ зеркальными, а по вечерамъ скрывающимися подъ пологомъ своихъ тумановъ. И здѣсь жизнь, и здѣсь любовныя пѣсни. Только водяные и луговые крылатые жители голосятъ, не подчиняясь законамъ гармоніи, на разный ладъ, кто чему гораздъ. На отдаленной, ровной окрайнѣ земли, гдѣ она отдѣляется отъ неба, виднѣется рѣдкій рядъ

деревъ—уцѣлѣвшій остатокъ проспекта, которые любили прежніе владѣльцы проводить отъ одного помѣстья къ другому, а нынѣшніе рубятъ на дрова. Когда вѣтеръ колышетъ верхи этихъ деревъ, воображенію кажутся они рядомъ бѣгущихъ по степи страусовъ. Кое-гдѣ изъ кущи деревъ проглядываетъ то смиренная, деревянная церковь, называемая *обыденною*, потому что во время походовъ Іоанна Грознаго, она, по обѣту, выстроена войскомъ въ одинъ день, то выступаетъ богатый, каменный храмъ въ новѣйшемъ стилѣ съ его куполами и блестящими точками его крестовъ. Позади усадьбы мрачный сосновый лѣсъ, населенный таинственными видѣніями и сказаніями, тянется верстъ на десять. Тамъ аукуются лѣшіе, тамъ въ глуши, непроницаемой для солнечныхъ лучей, валяются пни столѣтнихъ деревъ съ ихъ чудовищными, мохнатыми корнями, вывороченными изъ земли; на огромномъ камнѣ, источенномъ вѣками и подернутомъ моховымъ покровомъ, конь какого-то богатыря напечатлѣлъ слѣды своихъ подковъ; изъ кургана, насыпаннаго исполинами, выходятъ они, съ невѣдомыми нынѣ на Руси обликами и ростомъ, въ условленную ночь и часъ, и празднуютъ годовщину своихъ битвъ. Слышны въ это время звуки ударяющихъ другъ объ друга оружій, ржаніе коней, воинственные клики, похожіе на ревъ звѣрей, поющіе хоры тысячей голосовъ. Искатели кладовъ, по легендамъ о нихъ, ходящимъ по рукамъ, вырывали иногда изъ кургана огромные, продолговатые черепа съ горбомъ на затылкѣ, заржавленные мечи, не въ подъемъ нынѣшнимъ мелкимъ людямъ, котлы и горшки съ серебряною монетой.

Когда Патокинъ купилъ имѣніе, на высокомъ берегу рѣки стоялъ трехэтажный, старый каменный домъ въ три окна ширины съ высокимъ бельведеромъ, озирающимъ всю окрестность на десятки верстъ. Но

какъ домъ походилъ на угрюмую башню, то новый владѣлецъ сломалъ его, а матеріалъ употребилъ на хозяйственныя заведенія. Его замѣнилъ домъ въ англійскомъ стилѣ, въ недальнемъ разстояніи, для крестьянъ выстроены швейцарскіе шале со всѣми затѣями, которыя кажутся такъ просты и между тѣмъ стоютъ такъ много. Изъ стараго регулярнаго сада, съ ленотровскими шпалерами, четвероугольниками и треугольниками, съ остриженными елками въ видѣ пирамидъ, колоннъ, грибовъ и прочихъ архитектурныхъ затѣй, умѣющихъ такъ уродовать природу, сохранена одна широкая липовая аллея, по которой можетъ свободно проѣхать колесница, запряженная четвернею въ рядъ. Топоръ не посмѣлъ также совершить святотатства надъ вѣковыми вязами, дубами и кедрами, уничтоживъ далеко кругомъ ихъ все, что могло бы заслонить красоту ихъ патріархальнаго величія и оспаривать у нихъ воздухъ. Положивъ обнаженныя стопы свои на зеленый бархатъ лужаекъ, какъ будто для нихъ разостланный, и поднявъ еще выше свою голову къ небу, они въ одно лѣто помолодѣли и принарядились въ новую одежду своихъ свѣжихъ побѣговъ. По этимъ лужайкамъ разбросаны кое-гдѣ букеты далій, а вокругъ дома разбиты цвѣтники, кажущіеся съ высоты террасы узорчатыми коврами, сотканными по художническимъ рисункамъ изъ шелковъ и шерстей. Золотистыя дорожки своенравно побѣжали по разнымъ направленіямъ, то свиваясь кольцомъ, то развиваясь волнистою лентой. Тамъ заманиваютъ онѣ въ кіоскъ, здѣсь увлекаютъ въ сѣнь тѣнистой рощи. Гдѣ есть скамейка или бесѣдка, навѣрно сбереженъ живописный видъ. Въ одномъ мѣстѣ, сквозь просѣку, мелькаетъ блестящій серпъ рѣчного залива или островокъ, въ другомъ промежуткѣ кущи выглядываетъ полуфасадъ красиваго господскаго дома, въ третьемъ куполъ сельской церкви

или деревенька, сползающая по крутогорью. Квадратные пруды, въ видѣ ящиковъ, подернутые ржавою плесенью, получили неправильныя фигуры; только коегдѣ оставлена на нихъ высокая осока, которая къ осени, съ своими черными султанами, такъ живописна. Живыя воды, пущенныя издалека, образовали извилистый ручей, къ истоку своему развѣтвившійся на нѣсколько рукавовъ. Тамъ вы поднимаетесь на мостъ, прикрѣпленный къ двумъ скаламъ, а подъ вами, въ глубокомъ оврагѣ, бушуютъ пѣнистыя воды, силясь своротить огромные камни, преграждающіе имъ путь; здѣсь подъ ногами вашими колеблется живой мостикъ, слѣпленный изъ тоненькихъ дощечекъ, невидимо для васъ связанныхъ желѣзною цѣпью, или переправляетесь на красивомъ паромцѣ, повинующемуся движенію дѣтской руки. Красивыя лодки и ялики къ услугамъ гуляющихъ. Изъ грота падаютъ струи серебряною скатертью или бьютъ вверхъ водянымъ букетомъ. Вездѣ видна рука художника, которой дана полная свобода сыпать деньги, куда хотѣла. Въ прудахъ пошли гулять полусоннымъ ходомъ сотни стерлядей и поскакали неугомонныя карпіи. На звукъ колокольчика стекаются къ берегамъ стаи ихъ, хапая съ жадностью лакомую добычу, отбиваютъ ее другъ у друга, заводятъ за нее войну.

Въ одномъ углу сада воздвигнуты великолѣпныя оранжереи съ рѣдкими экзотическими растеніями и теплица въ видѣ длинной стеклянной галлереи. Здѣсь иногда, въ сумракѣ осеннихъ дней, обѣдаютъ Патокины съ гостями, и тогда при свѣтѣ кенкетовъ, лиловыя и зеленыя кисти винограда, спускающіяся надъ вами съ арокъ и вьющіяся по колоннамъ, кажутся позолоченными игрой огней.

Сергѣй Семеновичъ, дѣлая все для удовлетворенія своихъ роскошныхъ вкусовъ, подумалъ и объ улучшеніи быта крестьянъ. Вмѣсто старыхъ избенокъ съ

разстрепанными крышами, онъ поставилъ имъ красивые домики. Барщина уничтожена и замѣнена умѣреннымъ оброкомъ; за всѣ работы положена условленная плата. Вмѣсто сорока бабъ, ходившихъ ежедневно убирать садъ и убивавшихъ только время въ балагурствѣ и спорахъ, четыре дюжіе парня по найму исполняютъ гораздо исправнѣе эти обязанности. Кому изъ мужичковъ приходила охота торговать, Сергѣй Семеновичъ давалъ денежныя ссуды. Надо замѣтить, что во всѣхъ этихъ распорядкахъ ему сильно посчастливилось. Дуня, увидавъ разъ, какъ мужикъ, согнувшійся подъ тяжестью барана и обвивши его ноги около своей шеи, несъ дань свою на жертвенникъ господской кухни, передала своему воспитателю, что это зрѣлище возмутило ея душу. Съ того времени были уничтожены всѣ повинности натурою, собираемыя яйцами, курами и баранами будто потому, что нѣкогда въ древнія времена, прапращуры нынѣшнихъ землевладѣльцевъ дали на заводъ каждому тяглу по безсмертной овцѣ и по безсмертной куницѣ. Лошаденки съ годовалаго жеребенка, и то по одной на тягло, замѣнились сильными лошадьми; на мѣсто худыхъ коровенокъ, едва дававшихъ по рожку молока для младенца, появились коровы съ господскаго завода. Любо было глядѣть, какъ семья садилась около патріархальной чаши и, кряхтя отъ наслажденія, уписывала вкусную пищу. Въ воскресные дни появлялась и свининка во щахъ и баранина. Мочальная сбруя замѣнена ременною, оковались колеса, скрипъ ихъ пересталъ терзать слухъ владѣльца, какъ терзалъ его прежде визгъ паровика.

При двухъстахъ душахъ было болѣе пятидесяти дворовыхъ, въ томъ числѣ до десяти музыкантовъ. Сергѣй Семеновичъ хотѣлъ отпустить ихъ всѣхъ на волю, но Марѳа Михайловна настояла, чтобы они

остались во дворѣ для услажденія ея слуха и гостей, а болѣе изъ тщеславія имѣть собственную капеллу, какъ у знатныхъ баръ. Между тѣмъ эти артисты, да и почти весь дворовый людъ, праздный и развратный, привыкъ до того къ розгѣ, что, казалось, не могъ жить безъ нея. Этотъ людъ выросъ подъ лозой, учился подъ лозою всему, чему заставляли его учиться, служилъ только съ помощью лозы. Сергѣй Семеновичъ завелъ было школу для дѣтей дворовыхъ и крестьянъ, но какъ дьяконъ, принявшій на себя обязанность преподавателя, сильно заушалъ своихъ питомцевъ, отъ чего одинъ изъ нихъ оглохъ, то владѣлецъ имѣнія съ того времени приказалъ не употреблять тѣлесныхъ наказаній

Разъ пришелъ къ нему одинъ малый, изъ дворовыхъ, лѣтъ шестнадцати, и палъ ему въ ноги.

— Встань,—сказалъ Сергѣй Семеновичъ,—я запретилъ кланяться въ ноги,—одному Господу Богу подобаютъ такіе поклоны. Что тебѣ надо?

— Батюшка, отецъ родной,—слезно возопилъ малый,—грамота мнѣ не дается; прикажи меня высѣчь, авось лучше пойму.

Такъ преемственно переходила отъ поколѣнія въ поколѣніе вѣра въ волшебное дѣйствіе лозы, какъ у господъ, такъ и у крѣпостныхъ людей.

Наконецъ и музыканты надоѣли самой Маѳѣ Михайловнѣ. Когда надо было собирать капеллу, то недоставало какого-нибудь инструмента, заложеннаго въ кабакѣ, то самого музыканта, котораго и окачиванье холодною водою не могло протрезвить. Вмѣсто ожидаемой симфоніи, слышалось плачевное соло изъ конюшни, гдѣ, по заведенному искони порядку, дворецкій производилъ домашнюю расправу. И потому Патокины не только музыкантовъ, но и всю дворню отпустили на волю, исключая молодыхъ, наиболѣе безпутныхъ,

которые пошли за крестьянъ въ солдаты. Только семейные, получившіе отпускныя, ни за что не соглашались сойти съ дарового хлѣба. Патокины принуждены были оставить стариковъ на господской мѣсячинѣ и одеждѣ доживать свой вѣкъ и дѣтей ихъ до совершеннолѣтія, въ особо отведенномъ имъ жилищѣ. Небольшая наемная прислуга, бывшая при Патокиныхъ въ Луковкахъ, замѣнила все это рекрутское и богадѣльное депо. Съ того временп хотя они и не могли хвастаться, что у нихъ артисты, разыгрывающіе увертюры изъ «Волшебной флейты», за то избавились отъ домашней полиціи и отвратительныхъ конюшенныхъ концертовъ.

Нѣкоторые изъ сосѣдей не очень взлюбили Патокина за его филантропическія затѣи. «Видно, что купецъ», говорили они, «на чужое имя владѣетъ имѣніемъ; боится, чтобы мужички не доказали. .. такъ и гладитъ ихъ по головкѣ, да балуетъ».

На первыхъ порахъ пребыванія новыхъ владѣльцевъ въ Красномъ-сельцѣ осадили ихъ и другія заботы.

За небольшимъ оврагомъ, въ виду великолѣпной усадьбы ихъ, прикорнули на пригоркѣ четыре, пять избенокъ, съ соломенною прической, взбитою непогодами. Ихъ населяли до восемнадцати душъ. Владыка ихъ, Свистушкинъ, былъ отставной коллежскій регистраторъ, лѣтъ двадцати пяти, дослужившійся до этого великаго чина въ какомъ то судѣ, числясь въ немъ и расписываясь ежемѣсячно въ жалованьѣ, котораго не получалъ. Имѣньеце это досталось ему отъ тетки, его крестной матери. Братъ его жилъ въ наймахъ кучеромъ у станового пристава, своего родственника. Когда, по какому-то уголовному слѣдствію, сдѣланъ ему былъ обыкновенный формальный допросъ, какъ нечаянному свидѣтелю преступленія, онъ показалъ,

что онъ дворянинъ, вѣры православной, у исповѣди и причастія не былъ столько-то лѣтъ, грамотѣ не знаетъ. Владѣлецъ же восемнадцати душъ жилъ въ небольшомъ домикѣ, похожемъ на крестьянскую избу, бокъ-о-бокъ съ усадьбою Патокиныхъ. Такое сосѣдство было для нихъ, какъ бѣльмо на глазу, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя земли Свистушкина сходились черезполосицей и сосѣдъ оказался неугомоннымъ. Ссорамъ, жалобамъ и взысканіямъ за потраву, не было конца. Но болѣе всего досаждала Патокинымъ ловушка, которую Свистушкинъ изобрѣлъ и устроилъ для своей потѣхи. На землѣ пространнаго двора его, обнесеннаго плетнемъ, росла сочная, роскошная трава. Калитка во дворъ оставалась обыкновенно отпертой. Коровы Патокина и крестьянъ его должны были каждое утро идти на пастбище и каждый вечеръ возвращаться мимо дома Свистушкина. Глупая скотина, заглянувъ въ отворенную калитку, невольно прельщалась вкусною пищей, ей такъ довѣрчиво и щедро предлагаемой. Но, лишь только она ступала на обѣтованную землю, калитка, съ помощью веревки, искусно проведенной во внутренность домика, мигомъ затворялась на щеколду, и корова или лошадь попадалась въ западню. Цѣлые часы посвящалъ помѣщикъ игрѣ въ эту ловушку; изрѣдка замѣнялъ его единственный крѣпостной слуга, мальчикъ лѣтъ семнадцати. Четвероногій хищникъ бывалъ пойманъ съ поличнымъ на мѣстѣ преступленія; не посылать же каждый разъ въ станъ для освидѣтельствованія и оцѣнки потравы, и Сергѣю Семеновичу доставалось частенько, порядочными кушами, платить дань этой домашней таможнѣ.

Въ праздники молодой помѣщикъ или ходилъ въ хороводы съ своими крестьянскими молодицами и дѣвками, или забавлялся на всей красѣ пригорка съ своими вассалами мужского пола игрою въ носки. А

такъ какъ его носъ славился своею многовнушающей величиной, едва ли не на всю губернію, то ему сильно доставалось отъ размаха какого-нибудь удалого парня.—Ничего, валяй, Ванька, или Васька,—говаривалъ онъ, потирая свой намозоленный носъ,—игра игрою, а баринъ все-таки бариномъ. За то на полевыхъ работахъ, если въ пашнѣ попадался огрѣхъ, или во время косьбы оказывалась пропущенная гривка, онъ былъ неумолимъ.—Теперь, Ванька, или Васька, моя очередь. Работа не игра, не шутка—говорилъ онъ, и изъ своихъ владычныхъ рукъ таскалъ, до истощенія силъ своихъ, провинившагося за бороду или густую прическу. Обыкновенно ведя трезвую жизнь и умѣренный въ пищѣ до аскетизма, онъ только одинъ разъ въ году, въ день своего храмового праздника, который приходился и днемъ его ангела, нарушалъ обѣтъ воздержанія. Тогда посѣщалъ его пріятель сосѣдъ, такой же *малодушный* помѣщикъ, ведущій родъ свой отъ какого-то монгольскаго князька. Для этого двойного праздника подавалась къ столу похлебка изъ индѣечьихъ потроховъ, холодный поросенокъ подъ хрѣномъ и сметаной и жареная индѣйка, откормленная на славу. Всѣ эти эпикурейскія кушанья орошались въ изобиліи пѣннымъ, очищеннымъ виномъ и къ концу обѣда лакомой наливкой, которая, какъ масло, прилипала къ стеклу. Вассалы обоего пола ублажались также щедрымъ угощеніемъ. Хозяинъ и гость тѣшились доморощеннымъ хоромъ и плясками и сами принимали въ нихъ участіе, то исполняя должность запѣвалы, то подтягивая хору, то пускаясь вприсядку къ восхищенію всего сельскаго общества. Оба пріятеля, оставаясь одни, оканчивали пиръ игрой въ медвѣди, надѣвали шубы, вывороченныя, для большаго правдоподобія, шерстью вверхъ, и, подъ распоряженіемъ двороваго мальчика, замѣнявшаго имъ на этотъ разъ лицо вожака, испол-

няли всѣ замысловатыя штуки, которыя обыкновенно заставляютъ дѣлать своихъ мохнатыхъ четвероногихъ воспитанниковъ симбирскіе татары. Надо прибавить, что актеры производили въ совершенствѣ звѣриный ревъ, ползаніе на четверинкахъ и царапанье стѣнъ когтями. Мальчикъ не жалѣлъ палки, если они отступали въ чемъ-нибудь отъ своей роли. Кончалась эта игра борьбою медвѣдей. Утомленные, они упадали въ объятія одинъ другого и въ этомъ положеніи засыпали мертвымъ сномъ. Разумѣется, такой сосѣдъ, свившій себѣ гнѣздо посреди земель Патокиныхъ, не могъ быть имъ пріятенъ. Они рѣшились, во чтобы ни стало, избавиться отъ него. Послѣ долгихъ переговоровъ, имъ удалось купить, за неимовѣрную цѣну, усадьбу Свистушкина съ крестьянами и угодьями. Ловушка была разорена и ловецъ перенесъ свою персону въ Луковки, гдѣ могъ на свободѣ придумать новую геніальную затѣю.

Домашнее общество Патокиныхъ въ деревнѣ уменьшилось. Мы видѣли, что четы Ришаръ не было ужь при нихъ, когда они отправились изъ Луковокъ. Накопивъ порядочный капиталецъ въ Россіи, швейцарцы уѣхали восвояси, гдѣ, казалось имъ, и умереть было имъ пріятнѣе на родной землѣ. Мать Сергѣя Семеновича не долго жила въ Красномъ-сельцѣ. Когда она выѣзжала изъ своего родного города, глаза ея все были обращены въ ту сторону, гдѣ находилось городское кладбище. Сидя рядомъ съ Дуней въ одномъ экипажѣ, она безпрестанно твердила: «прощай, милый другъ Сеня; не на долго разстаемся; скоро увидимся». По пріѣздѣ въ деревню, взглянувъ на всѣ роскошныя затѣи Сергѣя Семеновича, она сказала только: «все суета суетъ». Вскорѣ заболѣла, пролежала дня съ три и заснула сномъ младенца. Передъ смертію, казалось, пришла въ полное сознаніе и, исполнивъ христіанскія

обязанности, разрѣшающія всѣ узы съ землею, подозвала къ себѣ сына, сноху и Дуню. Первому, благословляя его, наказывала быть осторожнѣе съ Опенкинымъ. «Боюсь», говорила она, «чтобы онъ не погубилъ тебя» Парашѣ, прислуживавшей ей и Дунѣ, завѣщала выдать 500 рублей на приданное. Благословляя Дуню, подарила ей свое обручальное кольцо. «Это тебѣ, моя милая, дорогая внучка. Благодарю тебя за все, что ты для меня дѣлала. Храни тебя Господь!— А это,—прибавила она, передавая ей обручальное кольцо мужа,—отдай Володѣ съ моимъ благословеніемъ».

Ничего болѣе не сказала она.

Сильно смутили эти слова, какъ ту, которой завѣщались предсмертные залоги любви, такъ и Патокину, свидѣтельницу этого завѣщанія.

Старушку похоронили въ Луковкахъ на томъ же кладбищѣ, гдѣ былъ похороненъ ея мужъ, рядомъ съ нимъ. Долго грустили по этой праведной женщинѣ Патокины и едва ли не болѣе всѣхъ Дуня, привыкшая къ ея ласкамъ, къ ея рѣчамъ, исполненнымъ нѣжной любви. Ничего этой женщинѣ не было дороже ея обручальнаго кольца, и то завѣщала ей, бѣдному пріемышу! Кольцо же, которое велѣла умирающая передать Володѣ, сильно тревожило Дуню. Она видѣла, какъ смутилась Марѳа Михайловна при этомъ случаѣ; даже святость послѣднихъ минутъ умирающей не могли успокоить ея тревожныхъ чувствъ, проявившихся на лицѣ и даже въ нѣкоторыхъ отрывистыхъ словахъ.—Поздравляю, поздравляю,—иронически сказала Патокина Дунѣ, когда осталась съ нею одна.

Съ этого времени Дуня замѣтила, что Марѳа Михайловна придавала роковой смыслъ обручальнымъ кольцамъ и начала питать къ ней какое-то неудовольствіе, какую-то холодность, выступавшія наружу во всѣхъ

ея словахъ, во всѣхъ движеніяхъ. Отъ намековъ, довольно колкихъ, дошло, наконецъ, до открытаго объясненія.

— Сколько ни думаю,—сказала ей однажды Патокина, — а не могу долѣе скрыть, какъ поразила меня воля матушки назначить тебя своей душеприказчицей по такому дѣлу, которое принадлежитъ только матери и отцу. Я всегда увѣрена была, что чувства твои къ Володѣ останутся такими же, какими были прежде, что тебѣ и въ голову не придутъ другія чувства, что вы и впредь будете другъ для друга только братомъ и сестрой. Но я боюсь, чтобы странное завѣщаніе покойницы не вскружило твоей горячей головы, не навело тебя на другую мысль... Боже тебя сохрани!.. Рѣшительно объявляю тебѣ, сколько я тебя ни люблю, Луковская мѣщанка никогда не будетъ женою моего сына.

Эти слова Марѳа Михайловна произнесла съ необыкновенною гнѣвною твердостію.

— Да, Боже сохрани!—повторила Дуня.—Господь свидѣтель, что я любила и люблю Володю, какъ роднаго брата, и никогда не помышляла ни о какихъ видахъ на него.

— Но кольцо...

— Вотъ оно.

Съ этими словами Дуня скинула роковое кольцо съ пальца и отдала его Марѳѣ Михайловнѣ. — Я думала передать вамъ его тотчасъ, какъ получила, но, за похоронами, въ тревогѣ, не успѣла. Къ тому же я считала святотатствомъ сдѣлать это въ виду гроба, въ которомъ лежала еще передо мною бабушка... Кольцо это дѣйствительно принадлежитъ вамъ, оно меня тяготило.

— Благодарю тебя, милый другъ, я имъ очень дорожу... потому... потому что отдамъ его только будущей женѣ Володи.

Видно было, что Патокиной, несмотря на энергическую ея натуру, много стоило высказать эти слова. Исполнивъ это, она, казалось, сбросила съ себя тяжелое бремя.

— Но,—прибавила Дуня съ необыкновеннымъ жаромъ,—кольцо, которое передала *мнѣ* сама бабушка—моя собственность, святое наслѣдство, оставленное *мнѣ*. Видите? (Она вынула изъ груди шелковую сумочку). Здѣсь я соединила это наслѣдство съ крестомъ, оставленнымъ мнѣ умирающею матерью. Никогда, ни за какія сокровища міра не разстанусь съ ними, никакая власть не посмѣетъ отнять ихъ у меня, развѣ отнимутъ ихъ у меня вмѣстѣ съ жизнью. Это моя ладонка, мой талисманъ; они спасутъ меня отъ всѣхъ соблазновъ міра. На этомъ крестѣ и кольцѣ клянусь вамъ...

Дуня не могла договорить, потому что Марѳа Михайловна загородила ей уста рукою и крѣпко прижала къ груди.

— Полно, полно, вѣрю тебѣ и безъ клятвъ. Прости мнѣ, милый другъ. Надо же было такой блажи придти мнѣ въ голову. Точно лукавый шепталъ мнѣ въ уши. Сознаюсь, глупость, безразсудство... я должна бы знать тебя лучше. Чего не придумаетъ мать, которая такъ любитъ сына, какъ я... Ну, поцѣлуй меня еще разъ... Миръ и любовь навсегда!. Только смотри... никому и никогда объ этомъ...

— Никому и никогда!—повторила Дуня, призывая Бога въ свидѣтели.

Съ этого времени отношенія Марѳы Михайловны къ своей воспитанницѣ остались тѣ же, какія были до размолвки. Казалось даже, что она старалась еще болѣе утонченными ласками вознаградить Дуню за свои несправедливыя подозрѣнія.

Наступила пора жатвы. Радостно было глядѣть на поля. Ржаные колосья, отягченные рядами крупныхъ

зеренъ, клонились къ землѣ, какъ бы спѣшили отдать ей то, что отъ нея получили, и образовали изъ себя поверхъ чащи соломенныхъ стеблей, у дорогъ и межъ, широкую бахрому. Налившіяся зрѣлыя кисти овса, тревожимыя духовеніемъ вѣтерка, тихо шумѣли, какъ осенью помертвѣвшіе листья; въ воздухѣ пахло хлѣбною сушью. На деревнѣ весело зубрились серпы, отбивались косы.

Выдался день знойный, удушливый. Болтавшія безъ перерыва лягушки вдругъ замолкли; мелкія птицы попрятались въ глубину кустовъ, а крупныя, съ разинутыми ртами, трудно дышали. Налегла на землю какая-то тяжелая, зловѣщая тишина. Вскорѣ стало замолаживать со всѣхъ концовъ горизонта; то тамъ, то тутъ глухо заговорили громы, будто заклегтали стаи орловъ, слетающихся съ разныхъ сторонъ на добычу; черныя тучи сдвигались одна за другою, какъ на сценѣ мрачныя декораціи передъ погребальной процессіей, и сплотились въ одну свинцовую массу, но не надолго; по ней разостлалась бѣлесоватая полоса, и въ воздухѣ загудѣло, словно двинулись разомъ тысячи тяжелыхъ орудій. Гулъ этотъ все близился и близился. Минуты были ужасныя, страхъ захватилъ у всѣхъ дыханіе; рука, творившая знаменіе креста, замерла. Стада, покинутыя пастухами, наполняя воздухъ жалобными криками, въ безпорядкѣ помчались домой; поднятыя ими облака пыли, подхваченныя вѣтромъ, закружились въ видѣ смерчей. Наконецъ протянулись бѣлыя нити и засновали передъ глазами. То былъ градъ, величиной съ грецкій орѣхъ; падая на землю, онъ высоко отскакивалъ отъ нея. Все, что попадало подъ его удары, было его жертвою; стекла разбивались вдребезги, желѣзные листы, со стономъ и визгомъ отрываемые отъ своихъ мѣстъ, далеко уносило. Въ нѣсколько минутъ земля покрылась бѣлою, бугроватою корой.

Когда солнце засіяло сквозь разорванныя облака, оно освѣтило всѣ бѣдствія, причиненныя грозой.

На другой день Сергѣй Семеновичъ, вмѣстѣ съ Дуней, отправились осматривать поля. Роковая туча захватила крыломъ своимъ самое большое поле, принадлежавшее крестьянамъ главной слободы, прежде купленной Патокинымъ, и пощадила тѣ полосы, которыми владѣли новокупленные у малодушнаго помѣщика крестьяне и собственныя помѣщичьи поля, очень мало пострадавшія; но тамъ, гдѣ она налегла своею свинцовою грудью, все уничтожила. Сердце обливалось кровью при видѣ этихъ полей, обѣщавшихъ еще вчера благодатную жатву; на корню оставались только изсѣченные стебли, кое-гдѣ торчалъ одинокій колосъ, уцѣлѣвшій будто для того, чтобы еще рѣзче представить картину опустошенія. Въ разныхъ мѣстахъ валялись ягнята, побитые градомъ. Мужики стояли надъ ними въ горькомъ раздумьѣ, произнося только: «моя, а это моя»! Бабы жалобно причитали, какъ по покойникѣ. Сергѣй Семеновичъ подозвалъ ихъ къ себѣ и, вмѣсто того, чтобы увѣщевать ихъ краснорѣчивыми рѣчами покориться волѣ Божьей, тотчасъ объявилъ, что выдастъ имъ изъ своихъ закромовъ столько ржи, сколько нужно на обсѣмененіе полей и на емень (ѣду) до новой жатвы, а весной обсѣменитъ ихъ поля яровымъ; кому нужно теперь для лошадокъ, дастъ также на совѣсть каждаго. Надо было видѣть, какъ эти грустныя лица оживились; благословенія не истощались. — Помяните только отца и мать мою въ молитвахъ своихъ за упокой ихъ душъ, — сказалъ Патокинъ. — Будемъ молиться, батюшка; будемъ молиться и за здравіе твое и всего твоего семейства: дай вамъ Богъ много лѣтъ здравствовать! — голосили мужики отъ искреннаго сердца.

Лишь только Дуня и Сергѣй Семеновичъ отъѣхали

отъ нихъ, Дуня, правившая лошадью, запряженною въ кабріолетъ, дала ей полную волю. Лошадь, испуганная возгласами крестьянъ, провожавшихъ отъѣхавшихъ господъ, понесла было.—Смотри, не сломи себѣ и мнѣ шеи,—сказалъ Сергѣй Семеновичъ, — лошадь горячая, я помогу тебѣ.

— Не бойтесь, радость придаетъ силы,—отвѣчала Дуни, отклонивъ его помощь,—я довезу васъ исправно до мамаши, чтобъ она васъ горячо поцѣловала за добро, которое вы сдѣлали этимъ бѣднымъ людямъ.

И въ самомъ дѣлѣ она съ такою энергіей сдержала лошадь и ловко справилась съ нею, что та пошла обыкновеннымъ своимъ аллюромъ. Къ террасѣ дома она мастерски подъѣхала, но увидавъ на ней молодого человѣка въ форменномъ сюртукѣ съ голубымъ воротникомъ, поблѣднѣла; руки ея задрожали. Лошадь начала было опять горячиться. Молодой человѣкъ — это былъ Володя — быстро сбѣжалъ по ступенькамъ террасы, мощною рукой схватилъ животное за уздечку и осадилъ его на заднія ноги. Подбѣжали кучера. Володя спѣшилъ принять въ свои объятья Дуню и отца, одного за другимъ, хотѣлъ было, какъ это дѣлалъ прежде, поцѣловать ее, но она подала ему, дрожавшую еще отъ душевнаго волненія, руку.

— Ты блѣдна, какъ смерть,—сказалъ онъ,—вѣрно очень испугалась?

— Да, я... очень испугалась.

Но когда Володя замѣтилъ, что въ ея движеніяхъ была какая-то необыкновенная сдержанность, на лицѣ и въ словахъ какое-то смущеніе, онъ прибавилъ,—ты мнѣ не рада, Дуня?

— Какъ же, рада, очень рада... мы тебя не ожидали.

Сергѣй Семеновичъ тутъ же узналъ отъ сына, что онъ не хотѣлъ писать о своемъ пріѣздѣ, потому что

ожидалъ рѣшенія своей участи по университету, что онъ кончилъ курсъ кандидатомъ и получилъ золотую медаль, которую и подарилъ ужь на память своей матери. Отецъ со слезами на глазахъ слушалъ эту вѣсть и нѣсколько разъ принимался цѣловать его.

— Поздравь и ты меня, душка,—сказалъ Володя, обращаясь къ названной сестрѣ, слушавшей эти объясненія.

— Поздравляю, отъ всего сердца поздравляю; я иначе и не ожидала...

Явилась Марѳа Михайловна, и Дуня, побѣдивъ, какъ могла, свое смущеніе, старалась попасть на свободный, дружескій ладъ, который прежде существовалъ между нею и Володей, но видимо было, что это ей не удалось.

Вывело ихъ изъ этого натянутаго положенія появленіе передъ террасой человѣкъ восьми мужиковъ. Это были крестьяне изъ новокупленной слободки. Всѣ они пали передъ Сергѣемъ Семеновичемъ на колѣна. Съ ними не было ни одной женщины, а еслибъ онѣ пришли, то не исполнили бы этого колѣнопреклоненія: рѣдко, несмотря на привычку русскаго народа къ подобнымъ манифестаціямъ, женская натура подается на это униженіе.

— Встаньте, — сказалъ имъ Патокинъ, — скоро ли отучу васъ отъ этихъ рабскихъ привычекъ?

— Отецъ родной, ты нашъ, а мы твои; отцу и Богъ велитъ кланяться въ ноги.

— Во-первыхъ, вы не мои, а генерала Огрызкова, я только его управляющій.

Русскаго мужичка трудно провести подобными изворотами; онъ сейчасъ смекнетъ истину.

— Полно, батюшка, мы генерала-то и въ глаза не видали, тебя только знаемъ и знать хотимъ. Дѣлай съ нами, что хочешь.

— Что-жъ вамъ надо?

— Прикажи и намъ выдать хлѣба; вѣдь ты удовлетворилъ мужичковъ изъ большой слободы.

— Да вѣдь на вашихъ поляхъ не было града? Богъ васъ помиловалъ.

— А мы-то чѣмъ виноваты, батюшка, что не былъ? Не обдѣли и насъ своею милостью.

Сергѣй Семеновичъ разсмѣялся и, по мягкости своего характера, началъ было поддаваться этой продѣлкѣ, но Марѳа Михайловна такъ пугнула просителей, что они поспѣшили со двора, почесывая затылокъ.

— Смѣшны и вмѣстѣ жалки эти люди, — сказалъ грустно Володя.

Первою, задушевною бесѣдой Володи съ домашними были распросы о смерти бабушки, не говорила ли она чего о немъ, не приказывала ли чего ему, умирая. Всякая малѣйшая подробность объ этомъ горестномъ событіи сильно его интересовала. Разумѣется, отъ него скрыли завѣщанное ему кольцо и всѣ послѣдствія этого завѣщанія. Сказали только, что она не забыла, умирая, благословить его.

Володя пріѣхалъ въ деревню на два мѣсяца, чтобы провести время съ своими родными до срока, назначеннаго ему для полученія документовъ изъ университета. Скоро замѣтилъ онъ, что мать ревниво слѣдитъ за нимъ и Дуней, что его названная сестра стала съ нимъ осторожнѣе, въ словахъ и въ обращеніи ея проглядывала какая-то осмотрительность, если не холодность. Въ нихъ не было ужь той простоты, того беззаботнаго увлеченія, которыя дѣлали дружескія отношенія ихъ такъ легкими и пріятными. Онъ замѣчалъ, что его въ третьемъ лицѣ, вмѣсто Володя, чаще называли братомъ и избѣгали оставаться съ нимъ наединѣ. Бывало, Володя позволялъ себѣ окружить ея станъ своею рукой, поцѣловать ее, давать ей ласковыя, нѣж-

ныя имена; бывало, отъ иного опрометчиваго, слишкомъ знойнаго поцѣлуя она вздрогнетъ и вспыхнетъ и потомъ задумается, угадывая въ немъ чувство, перешедшее грань братской дружбы. И не спится ей въ слѣдующую ночь. Но эти искры только мимолетно упадутъ въ ея душу и тотчасъ погаснутъ. На другой день встанетъ она свѣжа и весела, какъ и всегда. Теперь и Володя сдѣлался осмотрительнѣе въ обращеніи съ нею. Прежнія ласки замѣнились однимъ пожатіемъ руки, и то при первомъ утреннемъ свиданіи и вечернемъ прощаніи на сонъ грядущій. Сначала эта перестановка въ семейномъ быту сильно огорчала его и даже оскорбляла. Наконецъ онъ подчинился ей и къ ней попривыкъ.

— А можетъ быть, это такъ надо, такъ лучше,— думалъ онъ. — Мнѣ ужь двадцать три года, Дунѣ восемнадцать. Шутить съ огнемъ нельзя. Пожалуй, сближаясь болѣе и болѣе съ этой чудной дѣвушкой, забудешь, что она мнѣ сестра, хоть и названная, и влюбишься въ нее не на шутку. Тогда прощай задача, которую я себѣ задалъ. Когда я задумалъ цѣль, она была далеко отъ меня, однакожъ, я твердо пошелъ къ ней, теперь разсудокъ и воля мои окрѣпли, четыре года моего искуса прошли; неужели, когда эта цѣль такъ близка, я изнемогу, не достигнувъ ея? Еслибъ это со мною случилось, я былъ бы недостоинъ дружбы Дуни, и показался бы въ глазахъ ея, въ глазахъ моихъ товарищей, всѣхъ, кто только меня знаетъ, пустымъ мальчишкой. Погорячился за то, что передъ носомъ его поставили перегородку, поклялся разрушить ее и, черезъ нѣсколько часовъ, обольщенный приманкою въ сторонѣ, пошелъ за нею. Видно, полегче, попріятнѣй! Нѣтъ, этому не бывать! Я долженъ омыть свое оскорбленіе, добыть себѣ право, и добуду его, хоть бы пришлось мнѣ бороться съ тысячами препятствій и всѣми обольщеніями жизни.

И Володя, безъ всякихъ объясненій съ Дуней и матерью, не подавалъ имъ вида, что оскорбился подозрѣніями одной и перемѣною обращенія другой, старался, безъ всякихъ увлеченій, поддерживать дружбу, которая столько лѣтъ существовала между названными братомъ и сестрой. Съ своей стороны и Марѳа Михайловна, довольная своими энергическими дѣйствіями и даннымъ Дунею словомъ, бросила свой ревнивый надзоръ и успокоилась. Скоро установились между этими тремя лицами прежнія, съ нѣкоторыми смягчающими оттѣнками, отношенія, и тучки, надвинувшіяся было надъ горизонтомъ ихъ жизни, разсѣялись. Сергѣй Семеновичъ въ идиллическомъ настроеніи своемъ и не подозрѣвалъ ни о какой домашней невзгодѣ и видѣлъ только надъ своею Аркадіей свѣтлое солнышко, которое ровно каждый день безоблачно надъ нею всходило и закатывалось. Счастливый добрымъ, видимымъ для него, согласіемъ всѣхъ членовъ своего семейства, улучшеніемъ быта красносельскихъ крестьянъ, довольный отчетами Опенкина (которые порядочно и не повѣрялъ), что дѣла торговыя и фабричныя идутъ успѣшно, радуясь преобразованіями въ своемъ саду, онъ вполнѣ наслаждался сродною ему жизнью. Болѣе всего доставляли ему удовольствія успѣхи по садоводству. Какъ художникъ въ картинѣ, которую онъ (con amore) пишетъ, находитъ, что тутъ надо прибавить нѣсколько штриховъ, здѣсь пустить болѣе свѣта, тамъ бросить болѣе тѣни, Патокинъ находилъ каждый день, что въ саду его надо отрѣзать нѣсколько сучьевъ, чтобы открыть лучшій видъ, здѣсь кустами или деревьями стушевать слишкомъ рѣзкій просвѣтъ, тамъ расписать новые цвѣтники. Съ какимъ восторгомъ приглашалъ онъ своихъ домашнихъ или сосѣдей взглянуть на его преобразованія, полюбоваться новымъ рѣдкимъ цвѣткомъ, выписаннымъ изъ чужихъ краевъ, ни у кого изъ

окрестныхъ садоводовъ невиданнымъ, подивиться двухъфунтовою грушей, покоющеюся въ сѣточномъ гнѣздѣ, для нея нарочно устроенномъ.

— Мало, что это великанъ-груша, велика Ѳедора да дура, — говорилъ онъ сосѣду, охавшему при видѣ этого исполинскаго плода, — надо вкусить его; попробуйте, что за ароматъ, что за нѣжность въ мясѣ. Такъ и таетъ во рту.

И радушный Сергѣй Семеновичъ тотчасъ снималъ, къ неудовольствію своей супруги, диковинный плодъ, который могъ бы красоваться и на царскомъ столѣ, и угощалъ имъ гостя и домашнихъ, а этотъ гость предпочелъ бы добрый ломоть арбуза кусочку драгоцѣнной груши, о которой послѣ у себя дома разсказывалъ, что и не разнюхалъ ее хорошо, да и сытности въ ней никакой нѣтъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Черезъ три дня по пріѣздѣ Володи, къ домашнему обществу Патокиныхъ присоединился товарищъ его по университету, приглашенный имъ въ деревню. Орестъ Лебединскій былъ сынъ сельскаго причетника, и потому тщеславная Марѳа Михайловна, когда осталась съ Володей наединѣ, не преминула, съ разными оговорками, сдѣлать ему упрекъ, почему онъ избралъ себѣ пріятеля изъ кутейниковъ.—Развѣ ты не могъ,—говорила она, — въ числѣ нѣсколькихъ сотъ студентовъ найти себѣ по сердцу какого-нибудь молодого человѣка изъ порядочнаго семейства? Что за дерзкое, насмѣшливое лицо, что за смѣлыя рѣчи обо всѣхъ и про все! Представляясь мнѣ, эта обезьяна вздумала протянуть мнѣ свою лапу, да черезъ нѣсколько минутъ разлечься на диванѣ. Чему ты отъ него научишся?

— Извините его,—говорилъ Володя,—онъ не получилъ свѣтскаго воспитанія и не привыкъ унижаться ни передъ кѣмъ. Лицо жь его таково, какимъ Богъ его создалъ. А чему научусь отъ него, такъ, конечно, всему благородному и разумному. Когда я постарался заслужить его пріязнь... да, *заслужить*, — прибавилъ Володя, замѣтивъ презрительную мину своей матери при этомъ словѣ, — я смотрѣлъ на человѣка, а не за-

глядывалъ въ актъ объ его происхожденіи. Какая мнѣ нужда, что онъ сынъ дьячка! Онъ въ глазахъ моихъ, по уму своему и душевнымъ достоинствамъ, выше иного барскаго сынка. А порядочно ли его семейство, мнѣ и подавно не приходило на мысль справиться. И что за слово, «порядочное семейство»? Какъ понимать его? Если по рожденію членовъ этого семейства, такъ для дворянина непорядочно семейство купца, для купца первой гильдіи непорядочно семейство купца второй, и такъ далѣе. Мы, пожалуй, такимъ образомъ надѣлаемъ столько перегородокъ, что ни пѣшему, ни конному нельзя будетъ пройти по бѣлому свѣту. Если считать порядочнымъ человѣка по великосвѣтскимъ манерамъ, по искусной болтовнѣ на французскомъ языкѣ, такъ, право, эти преимущества не выкупаютъ пустоты и ничтожества нѣкоторыхъ людей, пользующихся ими. По моему, человѣку нужна не порядочность его семейства, не свѣтскость, а то, чтобы онъ самъ, по личнымъ своимъ достоинствамъ, по дѣламъ, былъ порядоченъ. Человѣкъ передъ обществомъ отвѣчаетъ только за себя, за то, что отъ него зависитъ, а не за свое рожденіе, не за темное происхожденіе своихъ родныхъ, не за пороки ихъ. Извините меня, милая мамаша, мнѣ странно кажется, что вы караете въ другихъ вину рожденія, какой подпалъ мой отецъ, когда его выгнали изъ благороднаго пансіона. Онъ мнѣ это разсказывалъ, а вы, вѣрно, тоже слышали отъ него. Разсказывалъ онъ мнѣ также одинъ интересный случай, который идетъ къ нашему разговору. Прошлаго года пришелъ онъ по своему дѣлу въ Палату. Тамъ какой-то господинъ обратился къ нему съ просьбою подписаться въ какомъ-то актѣ свидѣтелемъ. Но когда мой отецъ сказалъ, *кто* онъ, господинъ замѣтилъ ему: извините, тутъ надо *благороднаго*. Вотъ видите, мы даже *неблагородные*.

— Какъ-же? отецъ твой высокоблагородный, и мы за нимъ.

— Все такъ, высокоблагородные и почетные, да не благородные. А выгнанные изъ службы подъячіе, что стоятъ у Иверскихъ воротъ и готовы за четвертакъ рукоприкладствовать подъ какой угодно актъ, тѣ благородные....

— Вы караете въ другихъ, — продолжалъ Володя, — вину, которой подвергся вашъ сынъ, когда его выгнали изъ дворянскаго общества. Вы сами, конечно, испытали горечь сословныхъ перегородокъ; можетъ быть, въ какомъ-нибудь аристократическомъ обществѣ, надъ вами съ высоты пронеслось насмѣшливо сказанное слово: *купчиха*! можетъ быть, вы слыхали, съ какимъ презрѣніемъ говорили, что какой-то дворянинъ женился на купчихѣ, такая-то дворянка вышла за купца...

Слова эти смутили Марѳу Михайловну. Эта спѣсивая женщина, такъ гордо поднимавшая голову, такъ высоко стоявшая, казалось ей, шла теперь босыми ногами по грязи.

— Чѣмъ-же послѣ того намъ гордиться? Чтожъ мы за избранники? Развѣ потому только, что генералы военные и статскіе посѣщаютъ наши обѣды? Развѣ потому, что мы имѣемъ деревню, хоть на чужое имя, что помѣщики, ради нашего богатства, обращаются съ нами на дружеской ногѣ? Завтра, по какимъ-нибудь неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, богатство это можетъ рушиться, и тогда всѣ эти блюдолизы повернутся спиною къ обѣднѣвшему купцу.

— Ты, словно воронъ, предвѣщаешь намъ бѣду.

— Говорю только къ слову. Дай Богъ, чтобы дѣла отца моего всегда процвѣтали и счастіе не покидало васъ до конца дней вашихъ; дай Богъ, чтобы миръ вашей души никогда не нарушался! Но и мнѣ не от-

казывайте въ удовольствіи выбирать себѣ друзей по сердцу и наклонностямъ, а не по происхожденію. Хоть для меня приласкайте Лебединскаго. Вамъ не нравится рѣзкость его сужденій, желчность выходокъ. Простите ихъ человѣку, который жилъ подъ домашнимъ гнетомъ, подъ гнетомъ бѣдности и нуждъ. Ручаюсь вамъ, что у него теплое, благородное сердце.

— Благородное, можетъ быть, но теплое... сильно сомнѣваюсь. Зачѣмъ онъ съ такою злостью, съ такимъ остервенѣніемъ бросается на всякаго, кто выше его по рожденію или богатству? Его бѣситъ, что онъ родился бѣднякомъ, сыномъ дьячка, что такой-то, а не онъ, получилъ мѣсто начальника, такой-то ворочаетъ милліонами. Просто, одна зависть.

— Нѣтъ, онъ не завидуетъ этимъ людямъ. Онъ знаетъ, что наши Анфилатовы, Савины и другіе, подобные имъ, трудами пріобрѣли свое богатство, что они своимъ образованіемъ, обширными торговыми предпріятіями, *разумными* пожертвованіями, стали выше своихъ современниковъ-торгашей цѣлою головой, — и бѣднякъ Лебединскій низко кланяется этимъ свѣтлымъ головамъ. Онъ уважаетъ всякій трудъ, уважаетъ всѣхъ людей, истинно полезныхъ отечеству. Плебей Лебединскій радуется, когда заслуги отечеству, честная, усердная служба достойно награждаются. Но нельзя не придти ему въ негодованіе, когда иной богачъ нажившій милліоны разными неправдами, нечистыми спекуляціями, обращается презрительно со всякимъ, кто только бѣденъ, хотя и выше его умомъ, талантами, благородствомъ души. Нельзя не придти ему въ негодованіе, когда иное дитятко безъ ума, безъ науки, безъ надеждъ, только по милости папаши и дядюшки, какъ пшеничная опара въ печи... Но полно объ этомъ. Я васъ просилъ и прошу опять быть къ Лебединскому снисходительнѣй. Онъ не навязчивъ своимъ знаком-

ствомъ, и если увидитъ, что вамъ не нравится, то сейчасъ удалится, а это меня очень огорчитъ. Гордая душа его сейчасъ дастъ рѣзкій отзывъ, лишь только грубо прикоснутся къ ней. Онъ васъ не обезпокоитъ собою. Мы составимъ свое общество—я, Лебединскій, сестра. Дайте намъ только свободу дѣлать что мы хотимъ. Повѣрьте, мы не обратимъ ее во зло.

— Располагайте собою, какъ вамъ пріятнѣе, — сказала Марѳа Михайловна, побѣжденная доводами сына и, еще болѣе, нѣжною любовію къ нему. — Мы люди стараго вѣка, любимъ поворчать на то, что намъ не по душѣ, не по старинѣ. Вы люди новые, знаете лучше, какъ и что дѣлать. Одно тебѣ скажу: я не такая мать, которая стѣсняла бы сына своими прихотями и мѣшала бы изъ-за нихъ его удовольствіямъ. Ты знаешь самъ, если тебѣ весело, и мнѣ также. Когда ты привезъ Лебединскаго, неуклюжаго, сухоточнаго, съ семинарскими ухватками, я подумала только: почему бы Володѣ не привезти съ собой молодого человѣка, съ пріятною наружностью, образованнаго, добраго, пожалуй и съ состояніемъ... Мы тогда посватали бы за него Дуню... Она дѣвушка уже въ порѣ.

— Въ порѣ она, или нѣтъ, это до меня не касается, я этого и знать не хочу. Для меня она всегда меньшая сестра моя. Чтожъ до жениховъ ей, такъ извините меня, я объ нихъ и не подумалъ. Не толпу же студентовъ привезти ей было на выборъ. Да и то доложить вамъ обязанъ: студентамъ надо думать не о женитьбѣ, а объ ученіи. Съ другими же членами общества, болѣе свободными, болѣе зрѣлыми, я не знаюсь до поры до времени, когда самъ получу право войти во всякое общество.

Слова эти Володя произнесъ съ какою-то горечью.

— Впрочемъ,—продолжалъ онъ,—я увѣренъ, Дуня такъ умна, что полюбитъ въ своемъ будущемъ мужѣ,

не смазливую наружность, не великосвѣтскость, а умъ, образованіе, душу. Лебединскій, конечно, ей не пара, не потому, что онъ сынъ церковнаго служителя. Еслибъ Дуня могла полюбить его, она не посмотрѣла бы на это. Но, признаюсь вамъ, онъ по характеру своему не годится для семейной жизни. Обстоятельства сдѣлали его раздражительнымъ, желчнымъ. Вспышки его, хотя не отъ злаго сердца, могутъ оскорбить любящую его женщину, и тогда прощай ея счастіе! Да, онъ ей не пара. Конечно, ей не годится въ мужья и такой, у котораго душа какъ печеное яблоко; одинъ ударъ по ней, и она расползется... Дуня презираетъ подобные характеры... Но я разболтался о выборѣ ей будущаго супруга, какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, хочу приняться за сватовство. Она сама вѣрнѣе выберетъ себѣ достойнаго человѣка. И такъ, рѣшено, милая мамаша,—Лебединскій не отяготитъ васъ своимъ обществомъ, ни онъ и никто другой здѣсь ей не женихъ, а мы втроемъ проведемъ прекрасно время подъ крылышкомъ вашимъ и моего стараго друга отца.

И Володя крѣпко поцѣловалъ руку у своей матери.

Орестъ Лебединскій, какъ мы сказали, былъ сынъ сельскаго дьячка, бѣднаго, какъ и всѣ сельскіе причетники. Кромѣ него, у отца было еще четверо дѣтей, изъ которыхъ одинъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, чахлый, выключенный изъ уѣзднаго духовнаго училища по безнадежности въ выздоровленіи, не обѣщалъ быть кормильцемъ своего семейства. Двумъ дѣвушкамъ, невѣстамъ, представлялся только одинъ выходъ изъ тяжкаго ихъ положенія — замужество за такого же причетника сельскаго, какъ и глава дома или даже за крестьянина. Пятый членъ семейства была четырехлѣтняя дѣвочка. Орестъ Лебединскій выросъ въ нуждѣ, видѣлъ, какъ отецъ его, осажденный со всѣхъ сторонъ

нуждою, собиралъ свой скудный доходъ пятаками и даже грошами, изъ-за которыхъ происходили иногда споры при дѣлежѣ ихъ между членами причета. Да еще, чтобы добыть эти гроши, онъ, на праздникахъ, принужденъ былъ не отказываться отъ чарки пѣнника, настойчиво предлагаемой въ каждой избѣ прихода. Маленькій Орестъ видѣлъ, какъ мать его, съ грудным младенцемъ на рукахъ и съ потайнымъ холщевымъ кошелемъ подъ длиннымъ фартукомъ, куда клала жертвы великодушныхъ дателей—яйца, кусокъ пирога, пасьмецо чесанаго льну, аршинъ грубаго холста, горсть крупицъ — какъ она, изнеможенная своей двойною ношей—часто, въ слякоть, въ глубокую грязь, обходила приходъ вслѣдъ за церковнымъ причтомъ. Его самого заставляли ходить въ процессіяхъ славить Христа, за что и онъ получалъ по грошику или копѣечкѣ. Съ тоскою и не дѣтскими мыслями замѣчалъ Орестъ униженіе духовенства въ этихъ обходахъ. Не разъ проливалъ онъ слезы, когда мать поднимала своего сожителя, упившагося вмѣстѣ съ прочими товарищами и начальниками своими, и получала отъ него удары ногой въ грудь и животъ. Не разъ негодовалъ онъ на профанацію святыни, когда, во время этого безчувственнаго упоенія, крестьянскія дѣвки носили хоругви и образа по улицѣ селенія и славили воскресшаго Спасителя игривыми напѣвами. Доставались бѣдному Оресту таски отъ отца и толчки въ зубы, когда онъ не хотѣлъ поцѣловать руку у пьянаго, богатаго мужика, и все-таки, несмотря на побои, не прикладывался къ рукѣ, налитой виномъ и пивомъ. Доставалось ему и за то, что онъ, въ полуденную пеклу лѣтняго дня, проводя лошадь съ бороной по взрытымъ земляным глыбамъ, садился отдохнуть. Доставалось и за то, что пропадалъ по цѣлымъ днямъ въ рощахъ, куда посылали его по грибы для обѣда или ужина. Вмѣсто собиранья грибовъ,

мальчикъ заслушивался пѣсень соловьевъ и подсоловушекъ (какъ называли въ томъ краю малиновокъ), или звуковъ эоловой арфы, которая предлагала ему сѣнь каждаго дерева. И Богъ знаетъ, какъ онъ былъ счастливъ въ эти короткіе часы свободы! «Безпутный, дармоѣдъ, — говорилъ про него отецъ. — Развѣ онъ лучше чахлаго мальчика? Тотъ отъ Божьяго наказанія пропадаетъ, а этотъ отъ себя. Упрямъ, какъ быкъ. Ни брань, ни розга его не берутъ! Хоть убей, а онъ все свое творитъ.» Въ вознагражденіе за грубое обращеніе съ нимъ отца, мать нѣжно любила его и ласкала. И Орестъ всячески старался ей угождать; то носилъ для нея съ рѣки по крутогорью на коромыслѣ тяжелый грузъ бѣлья, то ведра съ водой, ухаживалъ за меньшимъ братомъ, качалъ въ люлькѣ сестру. Когда онъ на праздникахъ получалъ на свою долю кусокъ пирога или пряникъ, никогда самъ не съѣдалъ его, а отдавалъ или сестрамъ, или брату. Купаясь однажды, когда ему было лѣтъ двѣнадцать, съ сыномъ пономаря, мальчикомъ моложе его двумя годами, и видя что товарищъ его тонетъ онъ, не задумываясь, бросился за нимъ въ воду и притащилъ его съ великимъ трудомъ къ берегу; при этомъ случаѣ и самъ хватилъ порядочно водицы. О наградѣ медалью за спасеніе погибавшаго онъ не имѣлъ и понятія, но за то въ этотъ день былъ веселъ, какъ будто получилъ ее. Чего не натерпѣлся бѣдный Орестъ, проходя черезъ сырыя, холодныя комнаты приходскаго и уѣзднаго духовныхъ училищъ, гдѣ дыханіе мальчиковъ обозначалось струями пара и они могли согрѣваться только въ играхъ и борьбѣ; испыталъ онъ много горькаго, проходя и черезъ аудиторію семинаріи. Тамъ сѣкли его за то, что онъ разставилъ два слова не по порядку печатнаго урока; здѣсь заушали за то, что не однимъ духомъ прочелъ вступленіе къ исторіи Шрекка. Разъ, когда отецъ

ректоръ засталъ его на семинарской нарѣ съ гитарою въ рукахъ, едва не выгнали его изъ семинаріи. Хотя, по усиленнымъ просьбамъ инспектора, не исполнили этого приговора, все-таки велѣно было имѣть Лебединскаго на замѣчаніи, какъ безнравственнаго студента. Спасли его только отъ дальнѣйшихъ гоненій экзамены въ присутствіи архіерея, который, замѣтивъ его способности, наградилъ его за отличные успѣхи въ ученіи, сверхъ назначенной для этого случая книжки, еще деньгами. По окончаніи философскаго курса, отецъ добивался для него мѣста діакона, но сынъ не послушался своего чадолюбиваго родителя. Онъ побрелъ босой въ Москву добывать себѣ науку и черезъ нея насущный хлѣбъ, неся за плечами пару сапогъ и тощую котомку. Гнѣвъ отца и благословенія матери провожали его. Здѣсь онъ поступилъ въ университетъ и вздохнулъ свободнѣе. Умъ и душа его сбросили съ себя вериги, въ которыхъ держали ихъ такъ долго; ихъ открыли вскорѣ лекціи знаменитаго, очень любимаго студентами, профессора. Лебединскій узналъ черезъ него назначеніе человѣка, какъ гражданина и члена общества и государства, высокія права свои и святыя обязанности. Случилось Володѣ и Лебединскому сидѣть въ аудиторіи на одной скамьѣ рядомъ. Оба избѣгали аристократическаго круга студентовъ, оба это замѣтили. Отрывистыя слова, брошенныя одинъ другому во время лекцій, были вступленіемъ къ ихъ взаимности. Сосѣдъ Володи былъ маленькій, сухощавый студентъ, въ потертомъ форменномъ сюртукѣ; всѣ движенія его были угловаты. Иногда, припавъ слухомъ и сердцемъ къ лекціи профессора, онъ, казалось, не смѣлъ дышать. То внѣ себя пыхтѣлъ, какъ будто не могъ вынести тягости, давившей его грудь, и ворочался безцеремонно на своемъ мѣстѣ, то злая усмѣшка бродила на его губахъ.

По окончаніи лекціи, когда они выходили изъ аудиторіи, Володя подошелъ къ своему сосѣду и подалъ ему руку. Изъ разговора, который у нихъ завязался, оказалось, что они земляки—Лебединскій былъ уроженецъ изъ луковскаго уѣзда. Съ того времени сближеніе ихъ не замедлилось.

Сначала бѣдный плебей Лебединскій не вдругъ поддался влеченію къ богатому плебею Патокину, но увидавъ, что Володя, съ своимъ открытымъ характеромъ, не ищетъ въ немъ ничего, кромѣ пріязни и разумной бесѣды, предался ему совершенно. Ежедневно обмѣниваясь впечатлѣніями, выведенными изъ лекцій, которыя слушали, и наблюденій, вынесенныхъ изъ общественной жизни, они узнали другъ друга, какъ бы жили вмѣстѣ нѣсколько лѣтъ.

Лебединскій считался однимъ изъ лучшихъ студентовъ юридическаго факультета. То, что другими пріобрѣталось усидчивостью, прилежаніемъ, долгимъ соображеніемъ, схватывалъ онъ на лету свѣтлымъ, острымъ умомъ, и разсѣкалъ быстро самые затруднительные вопросы. Профессоръ предсказывалъ въ немъ будущаго отличнаго юриста, съ условіемъ, что онъ не будетъ *кипятиться*.

Чуждаясь благодѣяній, онъ не отказался отъ совмѣстнаго квартированія и стола съ Володей, предложенныхъ ему какъ домашнему репетитору по всѣмъ предметамъ, которые они проходили вмѣстѣ. Скоро между ними не было *моего* и *твоего*. Этими услугами одолжавшій казался одолженнымъ — такъ осторожно, такъ бережно пріучалъ къ нимъ Володя своего товарища. Лебединскій чувствовалъ цѣну ихъ въ благодарной душѣ своей, но не тяготился ими, зная, что онѣ дѣлаются безусловно, безъ всякихъ видовъ, безъ всякихъ требованій и утѣшался мыслью, что онѣ облегчаютъ средства родителей на содержаніе его въ Москвѣ.

Мало того, что Володя черезъ товарищей своихъ, оставаясь самъ въ сторонѣ, доставилъ ему уроки въ нѣкоторыхъ богатыхъ домахъ, Сергѣй Семеновичъ, по письму сына, посылалъ дьячку обильные припасы провизіи и подарки его женѣ и дѣтямъ съ тѣмъ, чтобы онъ не говорилъ никому, откуда шли эти дары. Семейство Лебединскаго ожило съ помощью своихъ благодѣтелей и удѣляемой Орестомъ части своего гонорара за уроки.

Когда Лебединскій пробирался въ деревню Патокиныхъ и зашелъ къ отцу, то былъ встрѣченъ и провожаемъ благословеніями своего семейства.

Молодые люди не долго думали, какъ располагать имъ въ деревнѣ своей свободой; они подчинили ее распоряженіямъ Дуни, и надо сказать, названная сестра Володи умѣла разнообразить ихъ удовольствія такъ, что они почти всегда находили въ нихъ пищу для ума и сердца. Желая польстить самолюбію своего воспитателя, она попросила его самого показать садъ гостю, который первый разъ пріѣхалъ въ Красное-сельцо, и Володѣ, который не видалъ сада во всей красѣ его. Этимъ случаемъ она воспользовалась, чтобы объяснить имъ всѣ преобразованія и улучшенія, сдѣланныя въ немъ Сергѣемъ Семеновичемъ.

— Признайтесь, папаша,—говорила она ему, — въ этомъ сотѣ есть и моего меду.—Вотъ эту просѣку я посовѣтовала вамъ сдѣлать, чтобы открыть видъ на рѣчной заливъ. За то все остальное вамъ принадлежитъ. Посмотрите, какъ живописно вдается въ заливъ зеленый мысъ, окаймленный золотой нитью водъ, на которыя ударило солнышко! Какъ хорошо глядитъ отсюда полуфасомъ домъ нашего сосѣда! Здѣсь, видите церковь на холмѣ? Она за восемь верстъ, а кажется, будто верстахъ въ двухъ отъ насъ. Ее загораживалъ чужой лѣсъ. Папаша купилъ его и прорѣзалъ, чтобы

ее открыть. Полюбуйтесь на этотъ вязъ; ему считаютъ болѣе ста лѣтъ. Я называю его патріархомъ сада. Смотрите, господа студенты, не оставьте своихъ слѣдовъ на газонѣ: папаша бережетъ его пуще своихъ дорогихъ англійскихъ ковровъ. Бываетъ, однакожъ, день въ году, когда толпы крестьянъ и крестьянокъ топчутъ его безпощадно своими сапогами, подбитыми гвоздями, и котами съ подковами. Здѣсь ихъ угощаютъ, здѣсь они веселятся. А знаешь-ли, Володя, какой это день? День твоего рожденія.

Володя съ чувствомъ поцѣловалъ руку отца и взглянулъ съ благодарностью на разсказчицу.

Когда она подводила молодыхъ людей къ цвѣтамъ, которыми особенно гордился Сергѣй Семеновичъ, то называла ихъ латинскими именами.

— Видите ли, господа ученые, — говорила она, — и я могу похвастать передъ вами своею латынью; не мудрено, что я сдѣлала успѣхи при такомъ учителѣ...

Дуня указала на Патокина.

— А вотъ и растеньеце, которое стоитъ всѣхъ дорогихъ цвѣтовъ въ саду.

Она сорвала у корня дерева растеніе, съ жирными листочками и малиновымъ цвѣткомъ, похожимъ на грѣчичный.

— Это заячья *капустка*. Изъ него гонятъ *живую воду*, которая заживляетъ самыя ужасныя раны. Я подозрѣваю, что это самая та живая и мертвая вода, о которой говорится въ нашихъ сказкахъ.

И такъ далѣе показала Дуня молодымъ людямъ въ саду все, что находила въ немъ для нихъ пріятнаго и замѣчательнаго, особенно, что изобличало вкусъ и любовь къ прекрасному ея воспитателя.

— Позвольте, позвольте, господа, и покажу вамъ еще одинъ замѣчательный предметъ.

И Дуня подвела студентовъ къ муравьиной кучкѣ.

Молодые люди усмѣхнулись, не понимая, что за диковинка въ этомъ муравейникѣ.

— Ужь не хотите-ли, Авдотья Петровна, читать намъ диссертацію о муравьиномъ спиртѣ?—сказалъ Лебединскій,—вспомните, мы не медики.

— Не безпокойтесь, довольно и того, что я вамъ прочла о заячьей капусткѣ. Я скажу только нѣсколько словъ, которыя могутъ быть интересны для одного Володи. Вотъ видите, любезный братецъ, этотъ муравейникъ напоминаетъ мнѣ моихъ добрыхъ Ришаровъ. Смотря на него, я переношусь въ то время, когда я еще была маленькой дѣвочкой и ты, Володя, училъ меня натуральной исторіи.

— А изволили-ли вы, моя бывшая ученица,—сказалъ названный братъ,—разрѣшить задачу о муравьяхъ, которую я не успѣлъ кончить и вамъ передалъ?

— О! давно, мой высокопочтенный педагогъ, — отвѣчала Дуня, почтительно присѣдая, — и покажу вамъ свои тетради, гдѣ записаны мои наблюденія и замѣтки.

— Въ такомъ случаѣ я попрошу нашего профессора натуральной исторіи предложитъ васъ въ члены общества испытателей природы.

— Да развѣ женщины могутъ быть членами ученаго общества?

— Княгиня Дашкова была же членомъ россійской академіи,—замѣтилъ Лебединскій.

— То княгиня, а я луковская гражданка. Впрочемъ, шутите, шутите; а позвольте-ка мнѣ, кандидатъ перваго русскаго университета, предложить вамъ отъ себя одну задачу: отчего муравей, когда положатъ его на столъ и очертятъ около него кругъ мѣломъ, не смѣетъ выйдти изъ этого очарованнаго круга?

— Изслѣдуемъ, разрѣшимъ, — сказалъ кандидатъ тономъ авторитета.

Когда кончился обзоръ сада, Дуня начала знакомить молодыхъ людей съ самыми живописными и любимыми ею мѣстами окрестности. Каждый день она разнообразила ихъ. Студенты, вырвавшись изъ душныхъ стѣнъ аудиторіи и пеклы московской атмосферы, въ этихъ прогулкахъ ожили новою жизнью. И Дуня, давно знакомая съ этими мѣстами, теперь находила ихъ обновленными, видя, какъ оба студента съ горячею любовью къ красотамъ природы вполнѣ наслаждались всѣмъ, что она имъ такъ артистически показывала и объясняла. И гармоническій говоръ гремучаго родника перевела она на свой поэтическій языкъ, и мрачный сосновый лѣсъ разсказалъ имъ устами прекрасной дѣвушки свои волшебныя легенды. То гуляли они втроемъ, то ѣздили съ Сергѣемъ Семеновичемъ и Маріей Михайловной или обѣдать, или пить чай на мѣста, ею избранныя и назначенныя заранѣе. Къ полному удовольствію молодыхъ людей владѣльцы Краснаго-сельца жили въ деревнѣ не такъ, какъ многіе помѣщики, пріѣзжающіе изъ столицъ въ свои имѣнія, чтобы заключить себя въ стѣнахъ дома и оградѣ сада и любоваться природой только съ высоты своихъ балконовъ или террасъ. Патокины вполнѣ пользовались немногими, прекрасными, теплыми днями, на которые такъ скупо наше лѣто, и любили разнообразить почти ежедневно свои кочевья. Иногда готовился имъ пріютъ подъ сѣнью пахучихъ копенъ сѣна, иногда въ тѣни рощъ, гдѣ шумѣли, съ нѣгой покачиваясь, вершины деревъ, и вѣтерокъ, урвавшись между ними на свободу, опахивалъ гуляющихъ своимъ свѣжимъ дуновеніемъ или обдавалъ теплой струей, пропитанной цѣлебнымъ ароматомъ древесной смолы и острымъ запахомъ перегнившихъ листьевъ. Случалось, что они располагали свой таборъ въ оврагѣ. Тамъ вода родника, чистая какъ слеза, по мнѣнію прихотливыхъ любителей чая,

еще болѣе возвышала букетъ его. Устраивались даже импровизованныя бесѣдки изъ крестцовъ ржи, только что сжатой. *Господа* пріѣзжали на полевыя работы не для надзора за ними и побужденія къ болѣе усиленнымъ трудамъ, а чтобы своимъ присутствіемъ, ласковымъ словомъ, облегчить эти труды. За ними привозили ведра и жбаны съ холоднымъ, сытнымъ квасомъ, къ которымъ жницы припадали съ радостными возгласами. Тутъ же привозились сотни булокъ, мигомъ исчезавшія. Правда, бывали и выговоры — одной, что пришла слишкомъ рано на работы послѣ родовъ, другой, что не защитила хорошо ребенка отъ солнечныхъ лучей и мухи безжалостно облѣпили его личико. Особенно о дѣтяхъ заботилась Дуня.

— Это по моей части,—говорила она.

Всѣмъ этимъ прогулкамъ придавали особенное оживленіе умныя бесѣды, полная свобода, споры и смѣхъ.

Молодые люди захотѣли повѣрить на красносельскихъ крестьянахъ понятія, которыя они имѣли о бытѣ и нравахъ народа.

Лебединскій, въ одинъ сердитый часъ, рѣзко осуждалъ русскихъ крестьянъ,—говорилъ, что татарская ржавчина въѣлась въ нравы ихъ такъ сильно, что надо богатырскія, вѣковыя усилія, чтобы сдѣлать его похожимъ на человѣка другихъ, болѣе образованныхъ странъ, говорилъ о цинизмѣ ихъ, конокрадствѣ, плутовствѣ, неуваженіи къ законности и чужой собственности.—Я знаю ихъ хорошо,—прибавлялъ онъ,—я жилъ между ними мальчикомъ, семинаристомъ, студентомъ.

Надо замѣтить, что въ Лебединскомъ на этомъ разъ жолчь особенно расходилась. Онъ получилъ отъ отца извѣстіе, что у нихъ въ прошлую ночь увели со двора лошадь, а у священника очистили кладовую.

Оппонентомъ Лебединскаго былъ Володя, смягчавшій словомъ примиренія рѣзкость сужденій своего товарища.

— Не слѣдъ бы мнѣ,—говорилъ Володя,—разсуждать съ тобою о нравственномъ состояніи нашихъ крестьянъ, когда ты находишься подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія. Но я не хочу, чтобы Дуня, которая тебя слушаетъ, подумала, что если я молчу, такъ съ тобою безусловно соглашаюсь. Я вступаю съ тобою въ споръ болѣе для нея.

— Чтобы быть судьею въ этомъ спорѣ, — сказала Дуня,—надо бы мнѣ поболѣе опытности и безпристрастія.—Ты знаешь, что я люблю русскаго крестьянина, какъ понимаю его, по красносельскимъ. И потому могу только стать на ту сторону, куда потянетъ мое сердце.

— Конечно, — продолжалъ Володя, обращаясь къ Лебединскому,—есть правда въ отзывѣ твоемъ о нравственности нашего крестьянина. Но и не вдаваясь въ идиллическое настроеніе нѣкоторыхъ нашихъ господъ, которые видятъ въ немъ образецъ патріархальной нравственности, примѣръ для иноземщины, я могу перечесть въ немъ и добрыя качества. Ты осуждаешь его, какъ бы осуждалъ дитя за то, что оно, не учившись азбукѣ, не умѣетъ читать. Ты указываешь въ примѣръ народы другихъ, болѣе образованныхъ странъ. Во-первыхъ, тамъ крестьяне пользуются давно законною свободой, эти люди, особенно нѣмцы, большею частью грамотные. Ты не хуже меня знаешь, что они имѣли свою, болѣе выгодную исторію, ихъ общественная жизнь сложилась иначе, они видятъ въ своихъ судьяхъ, администраторахъ, наставникахъ примѣры честности и правды и сами научаются отъ нихъ быть честными и правдивыми. Такъ-ли у насъ? Ты говоришь, что татарская ржавчина въѣлась въ нравы нашихъ крестьянъ. Да развѣ она не въѣлась въ нравы

другихъ сословій: дворянъ, купцовъ, чиновниковъ, во все и вся? Смѣшно мнѣ, право, когда ты говоришь, что крестьяне не имѣютъ уваженія къ закону, къ чужой собственности. Кто-жь, какъ не старшіе, научили младшихъ знать не законъ, а лицо—господина и приказчика всякаго рода, бояться судью, а не суда, быть увѣрену, что за деньги можно все, безъ денегъ ничего? Въ прошедшую ночь обокрали твоего отца и священника, конечно, мужички. Но развѣ повыше не крадутъ каждый день достоянія, добраго имени, чести, будущности ближняго? Перевоспитаютъ себя старшіе, перевоспитаются и младшіе.

— Ну, тутъ еще бабушка на двое сказала: да и нѣтъ. Много времени, много условій надо, чтобы осуществилась твоя коротенькая фраза.

— Бываютъ Божія времена, которыя быстро отрезвляютъ, перевоспитываютъ общества. Разрушитъ своимъ словомъ Тотъ, кто можетъ сказать его, крѣпостную перегородку, отдѣляющую народъ отъ другихъ сословій, отъ умственнаго и нравственнаго развитія, и тогда посмотри, что сдѣлается съ этимъ народомъ. Мы до сихъ поръ не подумали научить его добру, правдѣ, честнымъ нравамъ; тогда примутся за это ученіе.

— Да развѣ въ селеніяхъ удѣльныхъ и государственныхъ не заведены школы десятки лѣтъ? Чтожъ онѣ до сихъ поръ сдѣлали для нравственности крестьянъ?

— Тамъ только учили механическому чтенію, письму и цифрамъ.

— Учили и Закону Божьему.

— Также машинально. Тамъ готовили только дѣтей въ писаря, въ конторщики, въ головы, въ сельскіе бюрократы. Нѣтъ, я желалъ бы, чтобы готовили дѣтей быть человѣками. Крестьянину такая грамотность нужна, которая *воспитывала* бы его, которая

учила бы познавать истиннаго Бога, уразумѣть простымъ умомъ и сердцемъ заповѣди Господни, а не затверживать ихъ только на память, уразумѣть сердцемъ ученіе Спасителя, понимать и уважать законы человѣческіе, насколько они пригодны для крестьянина, члена семейства, общества, государства. Съ этимъ придетъ и уваженіе къ личности, къ чужой собственности. Но пуще всего, по мнѣнію моему, нужно учить женщину. Она лучше всякаго проповѣдника, всякаго учителя, внушитъ дѣтямъ своимъ религію и добрые нравы. Съ молокомъ матери они всосутъ въ себя эти нравы и передадутъ ихъ будущимъ поколѣніямъ. Въ Германіи, напримѣръ, какъ я слышалъ и читалъ, грамотныя матери первые учители Закона Божія.

«Да, тамъ говорятъ ребенку: не укради, не свидѣтельствуй ложно, не помяни имени Господа твоего всуе, не сквернитъ... Но объ этомъ умолчимъ. А у насъ отцы и матери посылаютъ дѣтей своихъ воровать не только въ господскомъ саду, но и въ огородѣ своего брата, сосѣда, учатъ ихъ божбѣ, велятъ для шутки выбранить добрымъ словцомъ бабушку, и дѣти пріучаются къ этой божбѣ, къ воровству, и дѣти сквернятъ уста и душу этимъ словцомъ, а родители хохочутъ надъ этой потѣхой. И самые чухонцы, латыши нравственнѣе нашихъ, не говорю ужь о финляндцахъ. — Проѣзжай всю Лифляндію вдоль и поперекъ, говорилъ мнѣ товарищъ-студентъ, тамошній уроженецъ, и можешь быть увѣренъ, что никто не дотронется до твоего добра, будь оно завязано хоть въ простой узелъ. Если и случается тамъ воровство и грабежъ, такъ навѣрно отъ русскихъ пришельцевъ. Перевались только за псковскую границу и какъ разъ перетрясутъ твои чемоданы. А посмотришь на чухонцевъ, на латышей—кретины передъ нашими кровными великоруссами!

«Чтожъ это доказываетъ? То, что тамъ учатся настоящей грамотности, которая *воспитываетъ* народъ, что тамъ пасторы внушаютъ своимъ духовнымъ дѣтямъ заповѣди Божіи, поучаютъ ихъ въ храмѣ и дома не по правиламъ риторики, не по обрядности, а по ученію Христа, по долгу совѣсти[1]). Что голова русскаго крестьянина устроена лучше, нежели у чухонца, что умъ его воспріимчивѣе, соображаетъ на-лету то, надъ чѣмъ иному долго посидѣть надо, ты, конечно, согласишься«.

— Не спорю, да нравы, нравы-то...

— Все это ведетъ опять къ тому, что нашъ смышленый народъ нуждается только въ воспитаніи, что грамотность, ученіе, какъ я ихъ понимаю, необходимы для крестьянъ и особенно, когда имъ дадутъ права...

— О которыхъ они пока не имѣютъ никакого понятія!

— Я откровенно сказалъ, что думаю, для Дуни, въ домашнемъ кругу, но не побоялся бы сказать слово правды въ другомъ мѣстѣ, при другихъ людяхъ.

Какъ хорошъ былъ Володя въ своемъ благородномъ увлеченіи!

Дуня слушала его съ восторгомъ, ловила съ жадностью каждое его слово; никогда еще глаза ея не были обращены на него съ такою любовью; щеки ея разгорѣлись, губы ея, казалось, готовы были произнести свое слово, но она молчала.

— Все это прекрасно, все это правда, — сказалъ Лебединскій, — но въ томъ-то и бѣда, что слово не

---

[1]) Надо прибавить, что тамъ въ церквахъ читаютъ разныя постановленія и распоряженія правительства, которыя крестьянамъ нужно знать, и крестьяне, увѣренные, что отецъ ихъ духовный, любимый, уважаемый ими, внушаетъ имъ законныя ихъ обязанности не изъ корысти, не изъ видовъ какихъ, выполняютъ эти обязанности честно и усердно.

дѣло. Легко сказать: учитесь, учите! А гдѣ средства для выполненія твоихъ горячихъ надеждъ? Средства, господинъ проповѣдникъ? Гдѣ найдемъ учителей, чтобъ исполнить твою программу?

Какія средства затѣмъ ни представлялъ Володя, изъ какой среды взять учителей, какъ ихъ приготовить, какъ вознаградить за труды, Лебединскій разрушалъ всѣ его предложенія силою своей желчной діалектики. Наконецъ, Володя не выдержалъ.

— Съ тобою ни о чемъ нынѣ толковать нельзя,—сказалъ онъ съ досадой,—ты упрямо приросъ къ одному мѣсту и ничего не видишь кругомъ себя, кромѣ предметовъ, бросающихся тебѣ въ глаза съ этого мѣста. Кабы ты потрудился стать впередъ на ту точку, которую тебѣ указываю, ты увидалъ бы другой горизонтъ, увидалъ бы другихъ людей, съ новыми условіями и потребностями.

— А ты плывешь на лодкѣ, которая несетъ тебя по быстрому теченію рѣки, и думаешь, что берега, лѣса и села бѣгутъ вмѣстѣ съ тобою. Скоро ѣдешь, братъ. Смотри, чтобъ лодка твоя не опрокинулась о подводные камни. Помяни меня, когда, по твоему, настанетъ время дѣлать истинно доброе дѣло, то появится краснобайство, фразерство, настанетъ мода на прогрессъ, на всякую эмансипацію, на школы, и пройдетъ также скоро, какъ и всякая мода. Мы падки на новизну, сначало горячо за нее хватаемся и также скоро остываемъ. Пожалуй, еще заведутъ въ школахъ разныя хитрыя премудрости, совсѣмъ ненужныя для мужичка, и собьютъ его съ толку да отобьютъ отъ ученія. А тамъ, что еще хуже...

Лебединскій махнулъ рукой и не договорилъ.

— Молодое пиво всегда бродитъ; отстоится и выйдетъ пиво доброе. Мы также еще народъ молодой; юность не сдѣлается вдругъ мужемъ; придетъ пора, и

мы возмужаемъ. Все изъ ничего не сдѣлаетъ вдругъ никто, кромѣ Бога. Помяни и ты меня, если мужичку дадутъ грамотность, которая ему нужна, она слюбится ему и пойдетъ гулять ходко по всей Руси. Называй меня, какъ хочешь, идеалистомъ, фразеромъ, горячей головой, а я скажу еще рѣшительнѣй: будущность нашего отечества зависитъ много отъ этого ученія.

— Дай Богъ твоими устами пить новое пиво. Ты знаешь, что никто болѣе меня не порадуется, если твои прекрасныя мечты, твои благородныя надежды сбудутся. Я первый поздравлю тебя съ побѣдой и крѣпко обниму. Но теперь не могу не прибавить съ дѣдушкой Крыловымъ: впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужь наступитъ. А покуда кончимъ наши разсужденія, которыя должны сильно наскучить Авдотьѣ Петровнѣ.

— Напротивъ,—сказала Дуня,—я слушала ихъ съ большимъ удовольствіемъ, но признаюсь, что склоняюсь сердцемъ на сторону мечтателя Володи противъ скептика Лебединскаго.

— Кстати,—перебилъ Володя,—скажи-ка мнѣ, моя добрая, умная сестренка, есть-ли у васъ здѣсь училище для крестьянскихъ дѣтей?

— Было,—отвѣчала Дуня, — есть и нѣтъ теперь.

— Есть и нѣтъ? это какая-то загадка.

— Которую объясню вамъ послѣ. А теперь пойдемте повѣрять ваши понятія о бытѣ и нравахъ крестьянъ на здѣшнихъ красносельцахъ. Кажется, мы такъ условились прежде. Нынѣшній день будетъ только вступленіемъ къ этой повѣркѣ. Идемте въ главную слободу, пройдемся по улицѣ и заглянемъ въ избы, а тамъ я постараюсь вамъ доставить случай посмотрѣть на здѣшнія народныя сборища, на мірскія сходки, на игрища, познакомиться съ общиннымъ порядкомъ.

— Идемте, — сказалъ Лебединскій, — но какъ я смотрю еще съ своей точки зрѣнія, то скажу вамъ напередъ, Авдотья Петровна, что мы найдемъ: — босыхъ дѣтей, замарашекъ; на губахъ и щекахъ ихъ не высохла еще каша, волосы—шапка шапкой; увидимъ, какъ они сосутъ всласть концы своихъ рукавовъ или ѣдятъ зеленую рябину, украденную въ господскомъ саду. Въ избахъ рои насѣкомыхъ, нечистота всякаго рода, образа, облупленные тараканами и закопченные дымомъ, которые наши православные *домаливаютъ*, пока не пустятъ ихъ на воду. Рядомъ съ ними увидимъ безнравственныя лубочныя картины...

— Что увидимъ, то увидимъ,—сказала Дуня, усмѣхаясь,—а если ваши слова не сбудутся, да будетъ вамъ стыдно.

Пошли въ слободу черезъ садъ. По дорогѣ попалась яблоня съ незрѣлыми плодами. Лебединскій сорвалъ нѣсколько яблокъ.

— Это на что, господинъ Мефистофель?—спросилъ Володя.

— Когда лукавый не видитъ грѣха, старается соблазнить на него

— Худую же роль вы взяли на себя,—замѣтила Дуня съ неудовольствіемъ.

Пришли въ слободу. На улицѣ все было чисто и прибрано; березки, въ свѣжей красѣ, доставляли тѣнь обитателямъ домовъ и, въ случаѣ пожара, защищали отъ дальнѣйшаго хода огня. Дѣти играли то парами, то кучками, передъ своими дворами—всѣ въ чистыхъ рубашкахъ, съ чистыми личиками,—дѣвочки въ крашенинныхъ сарафанчикахъ, мальчики въ набойчатыхъ порточкахъ, въ котикахъ или сапогахъ. У мальчиковъ волосы, остриженные въ кружокъ, были гладко причесаны, у дѣвочекъ—заплетены въ косу съ цвѣтнымъ бантомъ на концѣ. Увидавъ господъ, они не бросились

съ испугомъ во дворы свои, какъ это случается, когда эти господа держатъ ихъ въ почтительномъ отъ себя отдаленіи. Игры прекратились. Слышно было между дѣтьми голосъ: «наша барышня Дуня идетъ»! Всѣ отвѣсили ей по поклону и обступили ее. При видѣ ихъ замѣтно было на лицѣ ея возраставшее удовольствіе.

— Прогрессъ, Авдотья Петровна, явный прогрессъ!—сказалъ Лебединскій и, между тѣмъ, подошелъ къ одной дѣвочкѣ, засмотрѣвшейся на яблоки, которыя онъ держалъ въ рукѣ и предложилъ ей.

— Не бери, Параша,—сказала одна изъ дѣвочекъ, постарше, лѣтъ четырнадцати.

— Отчего жь?—спросилъ нашъ Мефистофель.

Дѣвочка постарше, зорко посмотрѣла въ глаза Лебединскаго и, не смущаясь, отвѣчала, —зелены еще; Господь Богъ создалъ плоды, чтобы ихъ ѣсть, когда поспѣютъ, послѣ второго Спасова дня. Только скоты ѣдятъ, что имъ подъ рыло попадетъ.

— А человѣкъ почему не ѣстъ?

— Потому что ему вредно.

— Почему-жь онъ знаетъ, что ему вредно?

— На то ему Богъ далъ разумъ.

— А можно ѣсть спѣлые плоды, украденные въ господскомъ саду?

— Пожалуй, можно, да грѣшно. Въ заповѣди Господней сказано: «не укради».

— Знаешь ты какія молитвы?

— Знаю: Отче нашъ, Богородицу, на сонъ грядущій и еще другія.

— Поэтому ты умѣешь читать?

— Умѣю.

— А отецъ и мать твои знаютъ молитвы?

— Теперь знаютъ. Когда мы молимся вслухъ передъ иконами, за нами говорятъ тѣ-же слова

отецъ и мать и кто въ избѣ живетъ, такъ и выучились.

— Въ Германіи,—замѣтилъ Лебединскій,—матери и отцы учатъ дѣтей своихъ молитвамъ, а здѣсь наоборотъ: дѣти учатъ отцовъ и матерей.

— А можно,—спрашивалъ онъ другую дѣвочку,—молиться въ рощѣ, на полѣ, гдѣ нѣтъ иконъ?

— Можно, потому что Господь Богъ вездѣ, все слышитъ и видитъ.

— Что намъ велѣлъ Іисусъ Христосъ болѣе всего?

— Любить Бога болѣе всего, а ближняго, какъ самого себя.

— Вотъ отецъ, мать, родные — твои ближніе, а меня ты видишь въ первый разъ: что-жь я тебѣ, чужой?

— Ты не родной, а все-таки ближній, всякій человѣкъ, всѣ люди также.

— А еврей, жидъ? Видала ты ихъ?

— Видала.

— Не правда-ли, ихъ не надо любить, они другой вѣры, прокляты?

Лебединскій говорилъ такъ утвердительно. Дѣвочка посмотрѣла въ неудомѣніи на Дуню, будто хотѣла сказать: какъ же? Вѣдь ты намъ другое толковала?

— Развѣ ты не понимаешь,—сказала Дуня,—что этотъ господинъ нарочно искушаетъ тебя, выпытываетъ изъ ума, а ты, что знаешь, въ чемъ увѣрилась, на томъ всегда твердо стой словами и дѣломъ, не смотря на искушенія, не поддаваясь соблазну.

Дѣвочка немного подумала и сказала: — Еврей, жидъ не христіанинъ, противной намъ вѣры; есть и другіе люди на свѣтѣ, еще другой вѣры, хуже,—поклоняются болванамъ, да все-таки они намъ ближніе, потому что люди, человѣки. Они не виноваты, что родились въ своей худой вѣрѣ, да ей обучены. Жа-

лѣть надо, что они не христіане, а проклинать ихъ, ругать, думать, что они все равно, что собаки—грѣшно.

Много подобныхъ вопросовъ задавалъ Лебединскій и на всѣ давали дѣти отвѣты, доказывавшіе ихъ умственную и нравственную развитость. Рѣчь ихъ была правильная—не книжная и не простонародная. Попробовалъ Лебединскій испытать ихъ въ первыхъ четырехъ правилахъ ариѳметики до 10 тысячъ; дѣти отвѣчали удовлетворительно. Въ обыкновенной школѣ потребовались бы мѣлки или грифели, да доски, а тутъ задачи разрѣшались одною головной работой, къ которой, видно, были дѣти пріучены. Особенно одного мальчика, лѣтъ 15, который бойкими глазами и молодецкою наружностью такъ и вызывалъ на состязаніе, Лебединскій старался сбить, но тотъ выходилъ всякій разъ изъ боя побѣдителемъ. При разрѣшеніи трудныхъ задачъ, онъ потиралъ себѣ пальцемъ по лбу, и въ головѣ маленькаго математика писались цифры, разбирались, соединялись и становились въ стройные ряды.

— Этотъ мальчикъ, — замѣтила Дуня, — служитъ безграмотнымъ старостѣ и ключнику помощникомъ, записываетъ снопы, копны, разныя мѣры. За то папаша положилъ ему три рубля въ мѣсяцъ. Семейные въ восторгѣ.

Когда импровизованный экзаменъ кончился, Дуня напомнила дѣтямъ, чтобы они продолжали играть. Игры снова начались, и съ ними крикъ и гамъ, какъ будто тутъ господъ и не было.

— Лавровый вѣнокъ учителю,—сказалъ съ восторгомъ Лебединскій,—а мнѣ да будетъ стыдно. Я бьюсь объ закладъ, какой угодно, что учителемъ были вы, безподобная Авдотья Петровна, а въ доказательство, что я отгадалъ, позвольте поцѣловать вашу ручку.

Еслибъ я не стыдился этихъ маленькихъ зрителей, я сталъ бы передъ вами на колѣни.

Дуня, краснѣя, подала ему руку.

— Я говорила вамъ,—сказала она съ возраставшимъ смущеніемъ,—что у насъ было училище, а теперь есть и нѣтъ. Было—подъ вѣдѣніемъ здѣшняго діакона, но метода его ученія намъ съ папашей не понравилась, и я вызвалась учить дѣтей; настоящаго училища нѣтъ. Я хотѣла на дняхъ познакомить васъ съ своими учениками и ученицами, но случай предупредилъ меня.

— Довольно и того, что я слышалъ и видѣлъ, слишкомъ довольно, чтобы доказать...

— Что можетъ сдѣлать женщина въ дѣлѣ просвѣщенія меньшей братіи,—перебилъ Володя.

— Прибавь такая, какъ Изумрудный-крестикъ. За то этихъ дорогихъ крестиковъ немного найдется на Руси. Побѣда, все-таки, не за братомъ, а за сестрой. Одинъ красно говоритъ, а другая мало говоритъ да много хорошаго дѣлаетъ.

— И еще прибавь, что моя программа все-таки не мечта, какъ ты ее называешь.

— И все-таки замѣчу, это счастливое исключеніе, особенный даръ неба, посланный красносельцамъ. Попробуй-ка сдѣлать это ученіе общимъ.

Дуня боялась, чтобы споръ не возобновился и не кончился ссорой (Володя могъ увлечься, Лебединскій захотѣлъ бы поставить на своемъ) и поспѣшила стать между ними съ своимъ словомъ.—Вы не повѣрите,—сказала она,—какъ легко и пріятно имѣть дѣло съ этими свѣжими, смышленными натурами, какъ родители благодарятъ за то, что учу ихъ дѣтей уму-разуму и добру, какъ они сами, особенно женщины, въ зимніе вечера слушаютъ выбранныя мною мѣста изъ священнаго писанія, жизнь и поученія Іисуса Христа.

Чего они не понимаютъ, то дѣти толкуютъ имъ по моимъ словамъ.

— А метода ваша?—спросилъ Лебединскій.

— Очень простая: я очерчу вамъ ее слегка, поверхностно, безъ порядка, безъ связи, которыхъ держусь,—только чтобы вы имѣли понятіе о ней. Извините, если я вамъ наскучу. Когда я учу дѣтей, стараюсь стать на ихъ мѣсто, спуститься къ ихъ понятіямъ, а не требую, чтобы они сейчасъ вытянулись до меня. Не обременяю ихъ памяти уроками, а только бесѣдую съ ними, возбуждаю ихъ любопытство и никогда не затрудняюсь удовлетворить его, но также никогда не довожу ихъ вниманія до утомленія. Главныя истины, которыя нужно имъ знать, главныя правила жизни повторяю по временамъ, чтобы онѣ врѣзались въ ихъ памяти, также испытываю, не забыли ли они, что говорила имъ прежде. Когда знакомлю ихъ съ явленіями и законами природы и Творцомъ, я веду ихъ постепенно по ступенямъ творенія, начиная съ низшей и все сравненіями, не оставляя ни одного слова, для нихъ непонятнаго, безъ объясненія.—Что такое? спрашиваю я, показывая на камень.—Камень.—Мы его видимъ, а у него есть-ли глаза, чтобы насъ видѣть?—Нѣтъ.—Закричи камню: слышитъ ли онъ?—У него нѣтъ ушей, такъ и не слышитъ.—Вотъ я его ударю палочкой: больно ему?—Нѣтъ.—А корову, лошадь, всякое животное ударить?—Имъ больно.—Оттого, что они созданы Богомъ иначе, нежели камень. Этотъ безчувственъ, потому что у него нѣтъ такого тѣла, такихъ чувствъ, какъ у животнаго. Поэтому не надо бить лошади, коровы, не надо дѣлать боли имъ и никому, кто чувствуетъ, что ему больно. Животное безсловесно и не можетъ жаловаться, какъ человѣкъ, тѣмъ болѣе грѣхъ его мучить. Толкую, что человѣку, какъ существу разумному, и

отъ иныхъ словъ и дѣлъ, безъ побоевъ, бываетъ больно. Обращаюсь опять къ камню.—Если посѣять камешекъ, выростетъ-ли онъ? — Все камышкомъ и останется.—А овсяное, ржаное сѣмячко посѣять?— Выростетъ овесъ, рожь. Тутъ я разсказываю имъ, какіе камни, минералы есть на свѣтѣ, останавливаюсь болѣе на каменномъ углѣ. Разумѣется, въ моемъ ученіи нѣтъ ни царствъ, ни ученыхъ, ни иностранныхъ словъ, нѣтъ ничего мудренаго, чего бъ нельзя растолковать дѣтскому уму, чего бъ они не поняли. Потомъ отъ камней перехожу на болѣе высшую ступень—къ растеніямъ, пользуясь случаемъ, чтобы сказать о климатахъ, о разныхъ странахъ, гдѣ, какія живутъ растенія, какую пользу приносятъ они человѣку. Показываю имъ въ оранжереяхъ виноградъ, пальмы, хлопчатую бумагу, сахарный тростникъ, чайное и кофейное дерево. Говорю, что и изъ свеклы дѣлаютъ сахаръ и какъ человѣкъ доходитъ до всего своимъ умомъ. Такимъ образомъ развиваю ихъ понятія и все постепенно, все сравненіями, отличая совершенство одного творенія передъ другимъ. Перехожу отъ растеній къ насѣкомымъ, рыбамъ, птицамъ, животнымъ, къ человѣку, вѣнцу творенія. Тутъ говорю, что мы, русскіе, не одни живемъ на свѣтѣ, какіе въ немъ народы есть, какіе у нихъ вѣрованія, обычаи, что они всѣ намъ братья, что мы не лучше изъ людей и почему. Поднимаюсь выше и дѣтей поднимаю съ собою, отъ земли на небо, знакомлю ихъ только съ главными свѣтилами, и то какъ можно проще, какъ можно понятнѣе для нихъ. Наконецъ, привожу ихъ съ любовью, благоговѣніемъ къ самому Богу, премудрому, преблагому Творцу всего, о чемъ съ ними говорили. Вы замѣтили, хоть поверхностно, изъ отвѣтовъ дѣвочекъ, какъ я учу ихъ закону Божію. Болѣе всего стараюсь утвердить въ ихъ умѣ и сердцѣ заповѣди Господни,

жизнь и ученіе Іисуса Христа, исполняю ихъ любовью къ божественному Учителю, другу дѣтей, благодѣтелю бѣдныхъ и немощныхъ, благодѣтелю всего рода человѣческаго, Спасителю нашему. Текстами я не пичкаю ихъ памяти. Въ церкви мои ученики поютъ на крылосѣ подъ надзоромъ регента, а дома, по праздникамъ, духовныя пѣсни, вмѣстѣ съ дѣвочками. Я считаю такое пѣніе однимъ изъ самыхъ надежныхъ средствъ къ ихъ нравственному воспитанію. Не забываю также объяснять имъ всю нелѣпость разныхъ народныхъ предразсудковъ и суевѣрій

Объясненія Дуни прерваны были подошедшею къ ней молодицей, которая, показавъ ей палецъ, сильно порѣзанный серпомъ, просила снадобьеца.

— Володя,—сказала Дуня, обращаясь къ брату,— сбѣгай, пожалуйста, домой и спроси у Параши *живой воды* и бинтовъ для пальцевъ. Ты разомъ слетаешь. А мы съ вами, Орестъ Григорьичъ, зайдемъ въ избу къ этой женщинѣ.—Видите, прибавила она, какая я педантка, и латынью, и педагогіей, и медициной занимаюсь.

— Вижу только, что всѣ *демуазели*, болтающія, какъ сороки, прыгающія, какъ козочки, эти модныя парижскія картинки, безъ души, безъ мысли, не стоютъ вашего мизинца

Вошли въ избу.

Скоро Володя принесъ все, чего требовала Дуня. Примочка и перевязка сдѣланы ею тотчасъ и даны наставленія, какъ дѣлать ихъ впередъ. Между тѣмъ Лебединскій имѣлъ возможность саркастически наблюдать бытъ крестьянъ, населяющихъ избу, въ которую они вошли.

Въ избѣ все было прибрано и подметено. Попадались, правда, два, три одинокіе, блуждающіе по стѣнѣ, странника изъ породы пруссаковъ, но Лебединскій, за близорукостью, ихъ и не замѣтилъ. Стеклянная лам-

ладка горѣла передъ иконами порядочной живописи, украшенными полевыми и искусственными цвѣтами; онѣ стояли въ кіотѣ, за стекломъ. Давно ужь Дуня подарила такой живописи образа въ каждую избу. Такъ какъ она нерѣдко входила въ крестьянскія избы, то пріучила хозяевъ къ чистотѣ и порядку, которыя внушала и дѣтямъ. Бывало, рядомъ съ образами прилѣплены были безнравственныя лубочныя картинки съ изображеніями трактирныхъ обжоръ и пьяницъ, обнаженныхъ женщинъ и чертей, соблазняющихъ на разныя грѣховныя дѣла, и *грамотки*, найденныя ребятишками на господскомъ дворѣ. Всѣ эти картинки сняты по наставленію Дуни и священника, который старался приноровиться къ понятіямъ красносельской барышни. Ихъ замѣнили гравюры подъ стекломъ съ изображеніемъ дѣяній Іисуса Христа. Члены семейства, которое нашли въ избѣ молодые люди и ихъ спутница, приняли ихъ съ искреннимъ радушіемъ, предложили имъ сотоваго, благоуханнаго меда, только что вынутаго изъ ульевъ, ватрушекъ съ творогомъ, не знали, чѣмъ угостить ихъ, какія ласковыя имена дать Дунѣ, какъ благодарить, что посѣтила ихъ. Всѣхъ ихъ знала она по именамъ, со всѣми обращалась, какъ съ друзьями своими.

Къ одной сторонѣ избы сидѣлъ на скамейкѣ солдатъ, старикъ, и качалъ дитя въ люлькѣ, отмахивая отъ него по временамъ мухъ. Онъ былъ въ шинели съ тремя, довольно потертыми, шевронами на рукавѣ. Глаза его такъ умильно смотрѣли на ребенка.

— Что ты, пришелъ на побывку? — спросилъ Володя.

— Въ чистую уволенъ, ваше благородіе, срокъ 25-лѣтній, и съ хвостикомъ выслужилъ,—отвѣчалъ служивый ставши во фронтъ и застегивая распахнувшуюся на груди шинель.

— Ты, видно, любишь дѣтей?—спросила Дуня.

— Какъ не любить, хоть не свой кровный, все-таки сердечный.

— А у тебя нѣтъ дѣтей?

— Были, да безъ меня померли. Вотъ пришелъ домой, ни жены, ни дѣтей, ни родныхъ не засталъ въ живыхъ, и на мѣстѣ, гдѣ была наша избенка, живутъ чужіе люди. Призрѣли меня здѣсь дальніе.

Въ этихъ словахъ заключалась цѣлая грустная исторія. Вникните въ нее, и вы поймете, отчего наши солдаты, квартирующіе въ деревняхъ, такъ любятъ няньчиться съ дѣтьми. Кто наблюдалъ за жизнью ихъ на постоѣ, видалъ, конечно, какъ иной солдатикъ сидитъ по часу съ ребенкомъ на завалинкѣ, прижавъ его къ своей груди и бережно завернувъ отъ холода полами своей шинели, а малютка треплетъ его своими ручонками за огромныя бакены; какъ иной фланговый гренадеръ нагибается до земли передъ крошечнымъ мальчуганомъ, чтобы поднять ему на потѣху красивый камешекъ, играющій въ лучахъ солнца.

— Хочешь къ намъ на господскій дворъ?—сказалъ Володя. — Мы тебя пристроимъ, ты будешь у насъ сытъ и одѣтъ.

— Благодаримъ вашу милость, только не пойду. И здѣсь мнѣ хорошо, будто въ родной семьѣ, все-таки вольнѣе, чѣмъ у васъ. Хоть и дальніе, не тяготятся мною, меня любятъ и я ихъ люблю. Чѣмъ могу, помогаю имъ, то соху справлю, то огородъ загорожу, покараулю дворъ, когда хозяевъ дома нѣтъ, а коли въ мочь, такъ и похлещу на овинѣ цѣпомъ.

Между тѣмъ какъ хозяйка занимала своихъ гостей угощеніемъ, одна крестьянка, постарше, принесла показать Дунѣ дѣтскую рубашку.

— Посмотри, родная,—сказала она,—по твоему-ли, какъ учила ты, сшила Лизутка? Не осуди, вѣдь первоученица.

Дуня похвалила работу и обѣщала прислать ластовокъ для рубашечки.

Двѣ молодухи стояли поодаль и осматривали Лебединскаго съ ногъ до головы.—Ужь не женихъ-ли барышнинъ?—сказала тихонько одна другой, толкнувъ ее локтемъ.—Полно врать-то,—отвѣчала другая,—пойдетъ она, этакая красавица, за такого дурню, худенькаго, словно сухая жордочка!

Какъ ни тихо говорили онѣ, однакожъ, Лебединскій слышалъ эти нелестныя для него слова. Не имѣя претензій на красивую наружность, онъ послѣ самъ, смѣясь отъ души, разсказалъ Дунѣ и Володѣ, какимъ комплиментомъ подарили его молодыя бабы.

Нынѣшняя прогулка была истиннымъ торжествомъ для воспитанницы Патокиныхъ. Въ слѣдующіе дни молодые люди побывали на крестьянскихъ крестинахъ, помолвкахъ, свадьбахъ, сельскихъ ярмаркахъ, мірскихъ сходкахъ, общинномъ дѣлежѣ земли.

Такъ проходили въ Красномъ-сельцѣ недѣли, какъ одинъ свѣтлый прекрасный день; казалось, счастливѣе обоихъ студентовъ и ихъ подруги не было никого въ мірѣ.

Вдругъ отъ кружка ихъ мало-по-малу отдѣлился одинъ изъ самыхъ надежныхъ членовъ его.

Разъ старый дядька Володи, Парфенъ, отецъ Параши, бывшій въ услуженіи при воспитанницѣ Патокиныхъ, страстный ружейный охотникъ (онъ и смотрѣлъ все прищурясь однимъ глазомъ, какъ бы цѣлилъ въ птицу), пригласилъ молодыхъ людей на охоту, говоря, что поведетъ ихъ на такія мѣста, гдѣ сама дичь летитъ на ружье. Лебединскій рѣшительно отказался. Не только стрѣлять не умѣетъ, отговаривался онъ, но

и ружья отъ роду въ рукахъ не имѣлъ; къ тому жь и близорукъ, да и не находилъ никакого удовольствія таскаться цѣлые дни по болотамъ, чтобы убить птичку. Володя, напротивъ, съ радостью отозвался на приглашеніе. Ему придется, можетъ статься, быть въ стрѣлковой цѣпи, мѣтить въ непріятеля, и потому онъ долженъ заранѣе ознакомиться съ своимъ будущимъ ремесломъ. День на охотѣ, другой, наконецъ, онъ такъ пристрастился къ ней, что пропадалъ по цѣлымъ днямъ, иногда приходилъ къ ночи, случалось и не ночевалъ дома. Съ отсутсвіемъ его разстроился дружескій кружокъ; прогулки по окрестностямъ прекратились, не слыхать было болѣе тѣхъ оживленныхъ бесѣдъ, которыя то возбуждали общее веселье, то приводили къ разсужденіямъ о важныхъ общественныхъ вопросахъ. Дуня скучала и въ успѣхахъ своихъ учениковъ не находила прежняго удовольствія. Лебединскій тоже скучалъ, сдѣлался угрюмѣе, еще рѣзче въ своихъ приговорахъ, убѣгалъ въ самыя глухія мѣста сада, гдѣ углублялся въ чтеніе получаемыхъ Патокинымъ журналовъ или въ думы о своемъ положеніи и будущности. Домъ, казалось, осиротѣлъ, всѣ предметы въ немъ приняли мрачный видъ, будто умеръ кто въ семействѣ. Старики были озабочены. Чтобъ отвечь ихъ отъ тревожныхъ мыслей, Лебединскій началъ было по вечерамъ читать имъ избранныя статьи изъ журналовъ, романы, принялся и за Гоголя. Онъ мастерски читалъ его, такъ, что всѣ лица Ревизора и Мертвыхъ Душъ представлялись слушателямъ, какъ живые, на сценѣ. Но и чтеніе не клеилось. Смѣхъ, возбуждамый этимъ чтеніемъ, казался принужденнымъ. Всѣ къ ночи съ нетерпѣніемъ ждали, когда придетъ имъ время разойтись, и каждый, отходя будто ко сну, спѣшилъ въ свое отдѣленіе, чтобы сбросить съ себя бремя, тяготившее его цѣлый день и скорѣе восполь-

зоваться свободой своего одиночества. И самая осень, казалось, наступала преждевременно, и вѣтеръ шумѣлъ грустнѣе, качая садовыя деревья, и совы заунывнѣе кричали.

Когда Володя не выходилъ изъ дому, онъ былъ смущенъ, тревоженъ, разсѣянъ, на разспросы объ его успѣхахъ въ преслѣдованіи дичи, отвѣчалъ неохотно, иногда съ неудовольствіемъ; съ матерью не оставался наединѣ, избѣгая ея допросовъ, съ Лебединскимъ былъ скрытенъ. Казалось, онъ боялся прямо смотрѣть Дунѣ въ глаза, спрашивавшіе его такъ дружески, съ такимъ живымъ участіемъ, что дѣлается у него въ душѣ. На блѣдномъ и пасмурномъ лицѣ его, сколько онъ ни старался скрыть свои задушевныя тайны, проницательные взгляды сестры и матери читали слѣды нечистой совѣсти, печать, если не преступленія, то важнаго проступка. Иногда старался онъ казаться веселымъ, но видно было, что это веселье къ нему не пристало, и роль его была худо разыграна. — Ужь не убилъ-ли онъ кого на охотѣ?—И эта мысль иногда приходила на умъ его домашнихъ. Марѳа Михайловна призвала къ себѣ дядьку своего сына. Что говорили они наединѣ, никто не зналъ, только съ этого времени она казалась спокойнѣе и веселѣе. При первой отлучкѣ Володи на охоту, данъ ему былъ еще другой спутникъ, кромѣ Парфена, отважный охотникъ, хаживавшій на медвѣдя, богатырски сложенный — косая сажень въ плечахъ — знавшій всѣ мѣста окрестности, какъ свой огородъ.— А то говорила Марѳа Михайловна мужу своему, что случилось Володѣ заблудиться, проколесить всю ночь и ночевать въ избушкѣ лѣсника. Вскорѣ послѣ того Володя пересталъ совсѣмъ ходить на охоту, сдѣлался еще скрытнѣе, еще пасмурнѣе; наконецъ, объявилъ матери и отцу, что зажился въ деревнѣ и ему пора отправиться въ Москву за своимъ аттестатомъ и другими

документами, необходимыми для вступленія въ военную службу. Разумѣется, это обстоятельство навело еще болѣе грусти на всѣхъ домашнихъ. Стали собирать его въ дорогу съ тѣмъ, чтобы свидѣться въ Москвѣ и потомъ разстаться на неизвѣстное время, можетъ быть, надолго, очень надолго. Ходили уже слухи о войнѣ; знали, что иные полки шли въ Царство Польское, другіе—къ границамъ Турціи. Володя только и помышлялъ служить въ дѣйствующей арміи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Часы на домѣ пробили двѣнадцать. Всѣ члены семейства Патокиныхъ и Лебединскій давно разошлись по своимъ отдѣленіямъ. Онъ уже лежалъ въ постели, принялся было за чтеніе, но не могъ читать, тревожимый тяжелыми шагами своего сосѣда, Володи, ходившаго взадъ и впередъ по комнатѣ. Спросить его, что случилось съ нимъ, онъ не смѣлъ, боясь досадить ему своею навязчивостью. Лебединскій зналъ, что есть минуты въ жизни человѣка, когда онъ хочетъ уйти отъ всѣхъ людей, въ глубь души своей и только съ нею одной бесѣдовать.

Отдѣленіе ихъ выходило уступомъ въ садъ, въ который вела дверь. Въ такомъ же отдѣленіи, только съ другой стороны дома, помѣщалась Дуня. Наружность обоихъ отдѣленій изъ саду была одинакова. Дуня тоже лежала ужъ въ постели. Мысленно перебрала она всѣ звѣнья своей жизни, и рожденіе свое, и пребываніе въ сиротскомъ домѣ, все, что сдѣлали для нея благодѣянія Патокиныхъ, дружбу съ Володей, скрѣленную годами, вспомнила и объ кольцахъ, завѣщанныхъ ей и названному брату, мысленно посѣтила опять всѣ мѣста, гдѣ провела съ нимъ послѣднее время съ такимъ тихимъ, невозмутимымъ наслажденіемъ, стара-

лась разгадать странную перемѣну въ его характерѣ, подумала и о предстоящей разлукѣ, и сдѣлалось ей грустно, очень грустно.

Ночь была темная и такая тихая, что пламя свѣчи, горѣвшей подлѣ нея на столѣ, не шевелилось, несмотря, что окно въ садъ было отворено. Въ сосѣдней комнатѣ спала ужь горничная ея, Параша. Вдругъ послышались ей изъ саду звуки желѣзной цѣпи.—Не сорвалась-ли съ цѣпи собака?—подумала она. Но такъ какъ дверь въ садъ была заперта, а въ окно животное не могло вспрыгнуть, то на этотъ счетъ не было опасенья. Черезъ нѣсколько минутъ странные звуки стали приближаться. Кто-то попыталъ отворить дверь изъ сада, но, вѣроятно, видя, что она не подается, сошелъ съ лѣсенки, ведущей въ садъ, такъ, что звуки цѣпи ясно означали ступени, по которымъ спускался человѣкъ. Дуня была не робка, но тутъ немного встревожилась. Она слѣзла съ постели, надѣла свои туфельки и заглянула за окно. Кто-то съ трудомъ цѣпляясь, вскарабкался на фундаментъ, чертя по немъ цѣпью, и силился съ своей стороны заглянуть въ комнату. Огонь отъ свѣчи освѣтилъ молодое, хорошенькое личико крестьянки. Лицо это показалось Дунѣ знакомымъ. Она ближе присмотрѣлась къ нему и вспомнила, что эта самая крестьянка, нѣсколько дней назадъ, приходила къ ней за снадобьемъ для своего маленькаго родного брата.

— Наталья, что тебѣ надо?—спросила Дуня.

— Барышня,—отвѣчала, задыхаясь, крестьянка,—я хотѣла не сюда... Впусти хоть ты меня къ себѣ. За мною гонятся мужъ и свекоръ, хотятъ убить меня. Я удавлюсь, али утоплюсь, коль ты меня не прикроешь.

Дуня долго не думала, разбудила Парашу, велѣла ей отворить дверь въ садъ и провесть къ ней крестьянку.

Параша привела ее.

Боже мой! въ какомъ жалкомъ видѣ она имъ представилась. Госпожа и служанка ахнули отъ ужаса и всплеснули руками. Плечи несчастной были исписаны кровавыми полосами, кровь проступала даже сквозь полотно рубашки; растрепанныя косы падали въ безпорядкѣ, на шеѣ былъ собачій кожаный ошейникъ съ кольцомъ, отъ котораго прикрѣплялась цѣпь къ ногѣ. Наталья со слезами стала опять умолять укрыть ее отъ преслѣдованій мужа и свекра.

Первымъ дѣломъ Дуни было велѣть Парашѣ затворить окно и спустить шторы. Послѣ того онѣ стали ухитряться, какъ бы освободить несчастную отъ цѣпи. Это было легко сдѣлать и женскими руками; цѣпь держалась только съ обоихъ концовъ къ кольцу ошейника и къ ногѣ двумя винтами, которые можно было отвинтить безъ большихъ усилій, съ помощью ножа. А молодая женщина отъ страху увѣрена была, что надобна была сила не одного мужика, чтобы ее расковать. Не такъ ли муравей, какъ говорила Дуня своему названному брату, не смѣетъ выдти изъ очарованнаго круга, только что очерченнаго около него мѣломъ?

Дуня, видя что бѣглянка дрожала и съ трудомъ переводила дыханіе, поспѣшила дать ей укрѣпляющихъ капель, старалась утѣшить ее, обѣщалась сдѣлать для нея все, что можетъ. Когда жь сама успокоилась отъ этой странной и грустной встрѣчи, то невольно засмотрѣлась на красоту молодой крестьянки, на ея тонкія, правильныя черты, каріе глаза, обведенные черными дугами бровей, все-таки огневые, несмотря, что мутили ихъ боль отъ ранъ и душевныя страданія, засмотрѣлась на свѣжую бѣлизну и роскошныя формы ея плечъ и груди, густые русые волосы, упадавшіе до колѣнъ, на маленькую ножку, которую такъ рѣдко встрѣтишь у нашихъ крестьянокъ. Воспитанница Патокиныхъ видала ее и прежде, когда она,

какъ мы сказали, приходила къ ней за лѣкарствомъ, видала ее раза два на сельскихъ праздникахъ, даваемыхъ Сергѣемъ Семеновичемъ своимъ крестьянамъ, между которыми были у ней родственники, и тогда еще поражена была ея красотою, рѣзко выдававшеюся между лицами другихъ крестьянокъ. Тогда жь узнала, откуда она и какъ ее зовутъ и подарила ей шелковый платокъ. Дуня спросила ее, почему родные такъ жестоко съ нею поступили, и Наталья разсказала ей, то съ смушеніемъ, то со слезами, свою исторію. Мы передаемъ этотъ разсказъ отчасти своими словами.

Наталья была изъ господской деревни въ полуторѣ версты отъ Краснаго-сельца. Господа не жили въ деревнѣ. Семнадцати лѣтъ выдали ее замужъ за односельнаго крестьянина.—Больно не хотѣлось за него,— говорила она.

— Развѣ старъ и не пригожъ?—спросила Дуня.

— Молодой, и не то, что дуренъ, — отвѣчала Наталья,—да мнѣ не любъ, не по душѣ пришелся. Вся деревня ихъ промышляетъ тѣмъ, что извозничаетъ. И мужъ круглый годъ въ извозѣ. Лошадокъ съ десятокъ держитъ. Пріѣдетъ въ побывку домой развѣ денька на два, на три, много на недѣлю, конямъ дать вздохнуть, смѣнить однихъ, колеса оковать, а тамъ опять въ дорогу. Только что отпировали свадьбу, отправился онъ съ товарищами въ обозѣ въ Астрахань, по арбузы. Долго были въ дорогѣ; пріѣхалъ домой — не узнала его, такъ онъ измѣнился въ лицѣ; хворалъ, извелся, оплѣшивѣлъ, хуже стараго сдѣлался. Онъ къ ней съ ласками, а она отворотится, да и грубымъ словомъ отвѣтитъ. Больше и слова ему не было, какъ плѣшивый чортъ. Свекоръ и свекровь больно ее журили за то, а ей нипочемъ. Принялся мужъ и колотить, да видитъ, не въ прокъ, махнулъ рукой и покалилъ опять въ дорогу. Съ того времени и думать о

мужѣ забыла: наряды, пѣсни, хороводы только и въ мысляхъ. Стали за нею молодые ребята ухаживать, ей-то и любо, да свекоръ и свекровь строго за нею присматривали.

Съ этого мѣста разсказа, Дуня, не знавшая другой любви, кромѣ любви сердечной, чистая душой и помыслами, была вынуждена слушать въ первый разъ исповѣдь любви преступной, беззаконной.

— Недѣли три тому назадъ,—продолжала Наталья, потупивъ глаза,—ходила она съ подругой по грибы въ свой лѣсъ. Слышали онѣ, собирая грибы, какъ въ сосѣднемъ болотѣ охотники палили изъ ружей. — Не застрѣлили бы насъ, касатка, сказала Наталья своей подругѣ, а она ей: лишь бы молодой да пригожій подстрѣлилъ — и захохотала. Баба бойкая, разудалая, на всѣ руки. Посмѣявшись, пошли далѣе то рядомъ, то отбиваясь одна отъ другой, куда заманивали ихъ мѣста, гдѣ сидѣло болѣе грибовъ. Вдругъ слышатъ, захлестали сучья, залаяла собака, кто-то крикнулъ на нее, и она замолчала. Какъ изъ земли выросъ молодой охотникъ съ ружьемъ за плечами, такой пригожій, статный, черная бровь дугой, кровь съ молокомъ — словно братецъ родной Натальи. Она оторопѣла, хотѣла бѣжать, но подруга удержала ее за рукавъ: не медвѣдь, не съѣстъ. Охотникъ подошелъ къ нимъ, вѣжливо имъ таково поклонился, спрашивалъ ихъ, не видали ли другого охотника, старика; когда жь сказали, что не видали, сталъ распрашивать, отколь онѣ, много ли набрали грибовъ, все глядѣлъ на Наталью, словно ястребъ хотѣлъ налетѣть на мелкую пташку, такъ, что она не знала, куда дѣваться отъ его взглядовъ; потомъ пошелъ съ нею рядомъ, хвалилъ ея красоту, говорилъ, что краше никого въ мірѣ не видалъ. А подруга ему: сама-то пригожа, а мужъ у ней плѣшивый, дурень такой. Посмотрѣла Наталья на охотника, да подумала:

кабы такой соколикъ у меня мужъ, не стала бы отъ него отбиваться. Мало ли какихъ рѣчей не говорилъ онъ ей—больно сладко... Слушала Наталья тѣ рѣчи и шла съ нимъ, заслушиваясь ихъ, словно приколдовалъ ее къ себѣ, и не видала, какъ подруга пропала. Оглянулась, нигдѣ не видать, будто провалилась сквозь землю. Тогда молодой охотникъ бралъ ея руки своими бѣлыми руками, цѣловалъ ее, какъ никогда мужъ не цѣловалъ.... Пришла подруга, охотникъ подарилъ ей красненькую бумажку. Разстались, обѣщались свидѣться.

— Кто-жъ это молодой охотникъ? Ты знаешь? — спросила Дуня съ сильнымъ сердечнымъ трепетомъ такъ, что грудь ея заволновалась. Она ожидала отвѣта и боялась, что этотъ отвѣтъ будетъ — имя одного человѣка... имя, до сихъ поръ для нея чистое, благородное, безукоризненное.

— Здѣшній молодой баринъ, Владиміръ Сергѣичъ—братецъ что-ли онъ тебѣ?

При этомъ имени кровь хлынула къ сердцу Дуни; въ глазахъ помутилось. Потомъ она погрузилась въ какую-то думу, склонивъ голову на грудь, блѣдная, неподвижная, будто окаменѣвшая, не слыша ничего, что говорила еще молодая крестьянка, не видя ничего кругомъ себя, забывъ, что Наталья и Параша на нее смотрятъ и замѣчаютъ ея смущеніе.

— Что-жъ послѣ?—спросила она машинально, придя въ себя.

— Я тебѣ говорила.

— А мужъ? А цѣпь?

— Съ недѣлю пріѣхалъ мужъ съ дороги и вчера провѣдалъ все отъ змѣи подколодной, той подруги, что была со мною въ рощѣ и послѣ со мною хаживала. Имѣла сердце на меня, будто я обдѣлила ее подарками. Нонѣ мужъ и свекоръ затащили меня въ хлѣвъ хле-

стали не на животъ, а на смерть, ременными возжами... Сама видишь, каково, напялили на меня собачій ошейникъ... Заковали меня въ собачью цѣпь... Натѣшившись вдоволь, ушли сами въ избу спать. «Околѣвай тутъ, какъ собака»,—сказалъ мужъ, —«съ цѣпью, небось, не пойдешь къ своему барину.»—Полежала я сколько-то на навозѣ... подняла голову — словно свинцомъ налита.. отдохнула маненько... Прислушиваюсь, ни гу-гу... Только пѣтухи голосятъ на всю деревню. И я съ ними, кажись, встрепенулась. Думаю, какъ бы на гумно, да удавиться на цѣпи. Приползла къ заднимъ воротамъ—не заперты... Въ сердцахъ забыли запереть. Отворила крохотку... скрыпнули, индо по сердцу подрало. Опять прислушиваюсь... будто всѣ замерли... Шмыгнула на огородъ. Холодный вѣтерокъ пахнулъ на меня; глотнула раза два, словно полегчало. Темь такая: зги Божьей не видать. Жаль мнѣ стало съ жизнью разставаться. Убѣгу, думаю я, къ молодому барину: авось укроетъ меня... убѣгу на зло тебѣ, моему сопротивнику, и съ цѣпью... И побѣжала, а цѣпь такъ гремитъ, словно голосъ подаетъ... Не греми ты, вражья сила, говорю, дай мнѣ выбраться на чистое поле, и стиснула ее рукой словно хотѣла задушить живого человѣка, чтобы не подавалъ на меня голоса. Остановилась духъ перевести. Прислушиваюсь... никого! Опять побѣжала, споткнулась, хватилась за земь, чтобы встать... Ужь почитай съ версту отъ дома отбѣжала. Слышу, у насъ на дворѣ голосятъ и кричатъ: «лови ее!» Опять бѣгу... Слышу конскій топотъ, таково горячо погнали, и у меня на душѣ, словно кони по мнѣ топчутъ копытами. Бѣгу что есть моченьки... въ груди загорѣлось... ни жива ни мертва, стала передъ вашимъ садовымъ заборомъ... Откуда взялись силы, перемахнула черезъ него, черезъ канаву... Слышу, подъѣхали мои враги къ забору... Мужъ кричитъ:

«ушла, окаянная, къ своему...» «Брось,—молвилъ свекоръ,—а то еще дворня высыпетъ; скажутъ, разбойничать пріѣхали, свяжутъ да въ судъ отправятъ; развязывай тогда мошну!... Побѣгаетъ, поскудница, побѣгаетъ, да и придетъ назадъ; не будетъ ее баринъ держать». Отъѣхали отъ забора... сталъ все чаще отдаваться стукъ отъ конскихъ копытъ — и вскорѣ совсѣмъ замеръ. Отдохнула маненько въ саду; сама не знаю, куда идти. Слышала только отъ Владиміра Сергѣича, что живетъ въ большомъ дому—окошко въ садъ: сама къ нему не хаживала... попала къ тебѣ.

— Параша, — сказала съ необыкновенной энергіей Дуня, обратясь къ своей служанкѣ,—что намъ съ нею дѣлать?... Она шла къ Владиміру Сергѣичу: сдай ее своему отцу, да и цѣпь отнеси... на память!... А ты ступай за нею!

Что сдѣлалось съ Дуней, съ этимъ добрымъ, кроткимъ существомъ? Глаза ея горѣли необыкновеннымъ гнѣвомъ; въ голосѣ ея, доселѣ мягкимъ, симпатичномъ, послышались грубыя, рѣзкія ноты; въ движеніи руки, когда она приказала Натальѣ выдти, было что-то грозное.

Параша взяла молодую крестьянку за рукавъ и повела съ собою; та смиренно слѣдовала за ней.

Вскорѣ Дуня одумалась.—Параша!—закричала она —воротись. Но было уже поздно...

— Боже! какъ я жестоко съ нею поступила!—говорила она сама съ собою. — Измученная, истерзанная женщина!... Я должна бы была сказать ей хоть нѣсколько словъ утѣшенія, чтобъ облегчить ея несчастіе, а я сердито прогнала ее; еще подбавила ей горя и страданій да велѣла ей отнести цѣпь... на память!... Какое я имѣю право кидать въ грѣшниковъ камень? Кто и что дали мнѣ это право?

Тутъ бросилась Дуня на постель и, чтобы заглу-

шить свои рыданія, прижалась лицомъ къ подушкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ подушка была мокра отъ слезъ.

— Такъ вотъ онъ, мой герой, — продолжала она говорить сама съ собою, — вотъ онъ благороднѣйшій человѣкъ, образецъ молодымъ людямъ, рыцарь чести и добра!.. Соблазняетъ замужнюю женщину, разлучаетъ мужа съ женой, вноситъ въ семейство раздоръ и погибель!... Хоть бы увлекся страстью! Простительнѣй бы!... Еще восхищается ученіемъ заповѣдей Божіихъ и добрыхъ нравовъ крестьянскимъ дѣтямъ! Лучше бы заучилъ въ сердцѣ своемъ святыя слова: «не пожелай жены ближняго твоего».

— Да что жь мнѣ-то онъ въ самомъ дѣлѣ? Что жь я-то принимаю такъ къ сердцу эту гадкую исторію? Какія права имѣю на него? Я что жь ему такое? Не родная ему сестра, не мать, не Наталья его! Ровно ничего. Говорилъ-ли онъ хоть тебѣ когда о любви своей?... Нѣтъ, никогда. А! понимаемъ... Ты сама его любишь, не какъ сестра, ты его любишь всею душею, всѣми помышленіями своими!

И Дуня горько плакала, вынужденная признаться сама себѣ, что любитъ Володю не какъ брата, а какъ человѣка, который въ сердцѣ ея замѣняетъ ей и брата, и мать, и отца, который для нея дороже всего въ мірѣ, какъ никого въ мірѣ любить не будетъ и никто его такъ не полюбитъ. Она любитъ его преступною любовью... да, преступною, послѣ клятвы, данной Марѳѣ Михайловнѣ. И когда-жь узнала она это? Когда узнала, что онъ любитъ другую... Все, что было между ними прежде, было самообольщеніе, безразсудная самоувѣренность, обманъ. Она обманывала свою вторую мать, когда призывала Бога въ свидѣтели чистоты своихъ чувствъ, обманывала себя. Проступокъ Володи открылъ передъ ней ея душу.

Такъ родникъ, глубоко скрывавшійся цѣлые годы въ землѣ, отъ одного удара грома выступаетъ наружу и разливается неукротимымъ ручьемъ.

И вотъ, теперь снова начнетъ она лицемѣрить передъ своими благодѣтелями, передъ всѣми людьми, передъ самимъ Володей. Нѣтъ, никто не узнаетъ, что она любитъ его. — «Никогда луковская мѣщанка не будетъ женою моего сына»,—гремѣло въ ушахъ ея, отдавалось въ сердцѣ.—И *не будетъ*,—сказала она съ твердостью, — никогда не узнаетъ онъ моихъ настоящихъ чувствъ.

Дуня пала передъ образомъ Спасителя и молила его, чтобы онъ избавилъ ее отъ преступленія клятвы, отъ чувства, которому она такъ сильно, такъ безразсудно предалась. Руки ея были сложены на груди крестомъ, волосы, выбившіеся изъ-подъ ночного чепца, падали на землю, слезы текли по щекамъ. Въ этомъ положеніи она похожа была на кающуюся Магдалину.

Послышались въ передней чьи-то шаги; Дуня спѣшила встать. Вошла Параша и за нею молодая крестьянка.

— Что жъ?—спросила Дуня тревожнымъ голосомъ

— Молодой баринъ спитъ, — отвѣчала Параша, —а отецъ приказалъ мнѣ отвесть ее поскорѣе въ садъ, въ дальнюю бесѣдку, чтобы никто не видалъ.

— Обдѣлаю все такъ,—сказалъ онъ,—что никто не будетъ знать, даже Владиміръ Сергѣичъ и всѣ будутъ довольны. Ему послѣ скажу.

— Такъ отведи поосторожнѣй.

Параша взяла было бѣглянку за руку, но Дуня остановила ихъ, обняла Наталью, со слезами на глазахъ просила у ней прощенія, что ее обидѣла, уговаривала ее помириться съ мужемъ.

— Ты очень согрѣшила передъ нимъ и передъ Богомъ. Но Господь милостивъ, онъ сдѣлаетъ такъ,

что и мужъ твой и свекоръ тебя простятъ и будутъ для тебя добры. Только впередъ не дѣлай худого. Послушай меня. Коли будешь въ горѣ, въ нуждѣ, приходи ко мнѣ, я тебя утѣшу, я тебѣ помогу.

Наталья покачала головой и горько заплакала.

— Мѣшкать нечего,—сказала Параша,—не то заря займется, увидятъ люди.

Дуня благословила Наталью и сказала:—съ Богомъ, Смотри, не забудь моихъ словъ, я тебѣ добра желаю! какъ родной сестрѣ.

Когда Параша возвратилась и разсказала, что осторожно укрыла бѣглянку, гдѣ приказано было отцомъ, и что ихъ никто не видалъ, Дуня перекрестилась и отпустила свою служанку спать, сама же, утомленная и истерзанная всѣмъ, что перечувствовала въ эту ночь, заснула только къ утру, но заснула крѣпкимъ сномъ; во снѣ или на яву, сама не понимала, слышала звуки колокольчика и проснулась поздно. Взглянула на часы: было ужь десять. Въ домѣ обыкновенно всѣ собирались пить чай къ восьми. Она проспала этотъ часъ, и это ее встревожило. Позвала Парашу и выговаривала ей, зачѣмъ не разбудила во время.

— Барыня запретила,—отвѣчала служанка,—приказала, какъ встанете, подать вамъ чай въ вашу комнату.

— Пріѣхалъ кто-нибудь? я, какъ будто сквозь сонъ, слышала колокольчикъ.

— Уѣзжалъ Владиміръ Сергѣичъ съ Лебединскимъ въ Москву.

— Уѣхалъ?...

— Часа два ужь будетъ.

Сначало это извѣстіе испугало Дуню, потомъ она обрадовалась ему.

— И славу Богу, что уѣхалъ, не видавшись со мною,—подумала она. — Какими глазами смотрѣла бы

я на него послѣ вчерашняго происшествія! Я не сумѣла бы притвориться. Какъ бы онъ встрѣтился со мной!

Что сдѣлалось съ Натальей? что сдѣлали *они?*— Эти сердечные вопросы сильно волновали ее, но она стыдилась вывѣдать ихъ разрѣшенія отъ Параши, а Параша молчала.

Дуня поспѣшила умыться водою со льдомъ, стараясь изгладить слѣды слезъ, отъ которыхъ были еще красны глаза ея, и торопливо одѣлась.

Патокины приняли ее съ обыкновенною лаской. Марѳа Михайловна объявила, что сынъ, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, поспѣшилъ въ Москву (она зорко взглянула на Дуню, Дуня покраснѣла), посылаетъ тебѣ свой братскій, сердечный поклонъ, надѣется скоро увидѣться въ Москвѣ. И Лебединскій, — прибавила она, — тебѣ низко кланяется — такъ онъ сказалъ. На дняхъ мы отправляемся туда и беремъ тебя съ собою. Грустны будутъ для насъ дни разлуки, другъ мой! Когда-то увидимся опять!

И на глазахъ Марѳы Михайловны навернулись слезы; Сергѣй Семеновичъ молчалъ, но видно было, что и онъ глубоко огорченъ. Марѳа Михайловна стала приготовляться къ отъѣзду; онъ пошелъ по своему хозяйству.

Дуня осталась въ неизвѣстности о послѣдствіяхъ ночного приключенія; но мы не имѣемъ нужды таить ихъ отъ читателя.

Параша, со всею осторожностью, свойственною ловкой субреткѣ, передала бѣглянку отцу своему, дядькѣ Володи, такъ, что никто изъ прочихъ слугъ не видалъ ихъ. Старый дворовый дипломатъ тотчасъ смекнулъ, что ему дѣлать. Разбудить молодого барина и разсказать ему о случившемся, было бы испортить дѣло. Пылкій молодой человѣкъ могъ бы рѣшиться на

какую-нибудь крайность. Имѣя отъ своей госпожи уполномочіе, въ важныхъ случаяхъ, касающихся до ея сына, обращаться къ ней во всякое время дня и ночи, Парѳенъ счелъ за лучшее слѣдовать этому пути; но прежде совѣщанія съ своею госпожей, келейно переговорилъ съ Натальей. Онъ объяснилъ ей, что Владиміръ Сергѣичъ, живя вмѣстѣ съ строгими родителями, нигдѣ не можетъ укрыть ее отъ мужа и ей остается одно средство спасенія, возвратиться домой и покориться семейнымъ своимъ, а что ее примутъ тамъ радушно, такъ онъ, Парфенъ, готовъ побожиться, какою ей угодно, божбою. Въ провожатые же дастъ ей крестнаго отца, живущаго въ Красномъ-сельцѣ. Трудно было уговорить молодую женщину на этотъ тяжелый подвигъ; однакожъ, она рѣшилась, разсудивъ, что надежды ея на молодого барина рушились, и, какъ говорилъ лукавый посредникъ, въ случаѣ, если она заупрямится, придется отправить ее въ городъ, въ судъ.—Хорошо еще, если оттуда переправятъ къ мужу и свекру, а то, пожалуй, и въ тюрьму засадятъ, какъ бѣглянку.—Для доставленія же Натальи въ ея семейство избранъ крестьянинъ Трофимъ Савичъ, какъ называли его и господа, мужикъ прямодушный и умный, великій начотчикъ божественнаго писанія и, какъ говорили, державшійся старообрядства. Парфенъ сказалъ ему, что дѣлать и какъ дѣйствовать, инструкція была въ головѣ уполномоченнаго. Благообразное лицо, патріархальный видъ, проницательный взглядъ, складная, твердая рѣчь, невольно внушали къ нему уваженіе. Часто крестьяне прибѣгали къ суду его, и на чемъ постановилъ Трофимъ Савичъ, такъ тому и быть. Порѣшивши такимъ образомъ съ бѣглянкой, старый дипломатъ, Парфенъ, просилъ секретной аудіенціи у Марѳы Михайловны. Супруга его была ключницей и довѣренною особой при верховной владычицѣ дома, и

потому онъ былъ тотчасъ допущенъ къ госпожѣ своей, несмотря на поздній часъ ночи. Марѳа Михайловна благодарила за все про все вѣрнаго и умнаго слугу и немедленно ратификовала прелиминарныя статьи договора между враждующими сторонами; въ подкрѣпленіе же его, для сильнѣйшаго убѣжденія семейныхъ Натальи къ мировой, вручены Парфену десять красненькихъ кредитокъ. Надо было матери, во чтобы ни стало, спасти сына отъ огласки этой нехорошей исторіи.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Трофимъ Савичъ, которому было поручено вести переговоры, снарядилъ телѣгу, взялъ съ собою, для своихъ видовъ, сына своего, мальчика лѣтъ тринадцати, и принялъ за садомъ бѣглянку изъ рукъ Парфена; цѣпь, на всякій случай, оставлена у дядьки. Скинувъ шапку и осѣнивъ себя широкимъ крестнымъ знаменіемъ на всѣ четыре стороны, уполномоченный, съ живымъ грузомъ и волшебнымъ кредитивомъ, тронулся въ путь. Заря обозначалась розовой струйкой; отсвѣченныя ею облачка тянулись надъ нею грядой; всѣ предметы едва выступали сквозь полумракъ. Ночная тишина нарушалась уже робкимъ, монотоннымъ чиликаньемъ пробудившихся осенних̀ъ птичекъ; одна колесница уполномоченнаго, несущая на себѣ судьбу героя нашего романа и сельской красавицы, обворожившей его своими чарами, смѣло гремѣла по дорогѣ, затвердѣвшей отъ осенняго утренника, какъ будто по чугункѣ. Наталья, уничтоженная въ своихъ надеждахъ, страдая еще отъ побоевъ и безсонной ночи, мучась неизвѣстностью того, что ее ожидало дома, сидѣла въ телѣгѣ, какъ приговоренная къ казни. Головной платокъ былъ низко надвинутъ на лицо и скрывалъ отъ ея спутниковъ слезы, катившіяся по щекамъ. По временамъ ободрялъ ее крестный отецъ ласковыми словами, увѣреніями, что все кон-

чится благополучно, лишь бы сама смирилась и обѣщалась жить съ мужемъ въ согласіи. — Все къ лучшему, — говорилъ бородатый Панглосъ, — побаловала маленько, съ кѣмъ грѣха не бываетъ! поучили маленько, извѣдала сладкое и горькое; примись-ка теперь за умъ да разумъ. Каковъ ни есть,—мужъ. И во святомъ писаніи сказано: «жена да повинуется мужу», иже первая жена взята отъ ребра Адамова. Повѣрь мнѣ, добра тебѣ желаю; вѣдь я тебѣ отецъ крестный. Когда-нибудь и мнѣ за мой совѣтъ спасибо скажешь.

— Оно бы такъ, крестный; побои бы еще ничего, да почто онъ, окаянный, изрубилъ въ мелкіе кусочки мои наряды, — промолвила Наталья, и горьше заплакала.

— Эхъ! есть о чемъ тужить! Наряды наживное дѣло. Посмотри-ка сюда, Наташа.

Тутъ уполномоченный вынулъ изъ-за пазухи свернутый бережно клѣтчатый платокъ.

— Въ этомъ платкѣ грамотка, а въ этой грамоткѣ десять красненькихъ бумажекъ, а въ каждой бумажкѣ десять цѣлковыхъ, всего сто цѣлковыхъ. Сто рублевъ, легко сказать! Коли семитками разложить, такъ отъ васъ до Краснаго-сельца хватитъ. Приказано нашей старой барыней половину отдать тебѣ на наряды, а другую твоему свекру, чтобъ еще тебѣ нарядовъ купилъ, коли ты будешь покорна, да съ мужемъ въ ладу жить. Сто рублевъ! Да можно цѣлые короба накупить! Какъ разрядишься въ штофную съ выводами растрепку, въ шелковый платокъ съ золотыми звѣздочками, да козловые башмаки со скрипомъ, да въ кастровые чулки съ красными стрѣлками, такъ бурмистрову дочку за поясъ заткнешь, инда зло ее возьметъ. Ее во что ни одѣнь, все сова совою. А тебя нарядиѣе и краше на праздникахъ не будетъ.

Слушала Наталья эти обольстительныя рѣчи, и отлегло у ней немного отъ сердца. Въ умѣ ужь и наряды, и завистливый взглядъ бурмистровой дочери, и веселые хороводы, и молодые ребята, увивающіеся около нея.

Бесѣдуя такимъ образомъ, они въѣхали въ лѣсокъ, примыкавшій къ выгонамъ деревни, въ которой жила Наталья. Сквозь деревья, порядочно обнаженныя осенью, видны были коньки крестьянскихъ избъ. Курево дыма, доносившееся до нашихъ путниковъ, и лѣнивый скрипъ воротъ давали имъ знать, что въ деревнѣ начались утреннія заботы. Крестный отецъ пріостановилъ лошадь, слѣзъ съ телѣги и завязалъ конецъ недоуздка къ оглоблѣ такъ, чтобы животина стояла смирно.

— Теперь пойду одинъ,—сказалъ онъ,—а ты, сынокъ, дожидайся меня здѣсь. Коли не сладишь съ конемъ, такъ Наталья пособитъ.

И пошелъ онъ быстро шагать къ деревнѣ, сопровождая разными движеніями руки свои разсужденія, какъ лучше приступить къ предстоявшему ему подвигу.

Изба, гдѣ жило семейство Натальи, была крайняя съ улицы. Постройка изъ массивнаго сосноваго лѣса и затѣйливыя, узорчатыя украшенія, выдѣланныя изъ дерева топоромъ мужичка такъ же искусно, какъ мастерица выплетаетъ изъ нитокъ кружева, свидѣтельствовали, что тутъ живетъ зажиточный крестьянинъ. Огонь затопленной печи освѣщалъ во внутренности дома всѣ предметы и лица, которыя мы застаемъ въ немъ.

Противъ очолка возилась съ стряпней сморщенная, низенькая, сердитая на видъ старушка. То ворчала она про себя, то бранилась съ горшками и ухватомъ. Съ полатей свѣсилъ сѣдую голову крестьянинъ лѣтъ шестидесяти, упираясь подбородкомъ въ свои кулаки. Другой, молодой крестьянинъ, худощавый, съ рѣзкими

чертами лица, лежалъ на прилавкѣ, въ углу избы, положивъ овчинный тулупъ себѣ подъ голову, опушенную волосами, какъ у птицъ, когда онѣ начинаютъ только оперяться. Блѣдное лицо его и во снѣ было подернуто грустью; иногда онъ глубоко вздыхалъ, нерѣдко, проснувшись, вставалъ съ прилавка и припадалъ къ ковшу, плававшему въ жбанѣ, чтобы утолить огонь, горѣвшій въ его груди; губы его запеклись.

Это были свекровь, свекоръ и мужъ Натальи.

— Поилъ ты коней, Ванюха? — спросилъ старикъ молодого, когда тотъ подошелъ къ жбану.

— Поилъ, да, воля твоя, не пойду въ другой разъ на улицу; дѣвки у колодца, какъ увидали меня, убѣжали, словно отъ прокаженнаго, бабы подняли брань, пропадай онѣ! Ужь и ребятишки лаются, прохода не даютъ.

Старушка оперлась на ухватъ своими изсохшими руками, исписанными сѣткой крупныхъ жилъ, и заохала.

— Что тебя тамъ пронимаетъ? — сказалъ съ сердцемъ старикъ.

— Треклята жизнь пришла на старости, — начала она говорить съ минутными перерывами, какъ пущенная въ ходъ машина, которую, то и дѣло, останавливаютъ какія-нибудь препятствія. — И рученки ужь не служатъ. Легко сказать, седьмой десятокъ пошелъ! Пора сама въ стряпухи! — Добрые люди молотить начали, а мы, чай, только прислухаемъ, какъ чужіе цѣпы-то стучатъ. — Зовите-ка помощь, да стряпайте сами, а мнѣ ужь не въ моченьку.—Сынка — жердилу выростила, сноху молодую нажила, да со свѣту свои злодѣи согнали.—Баяла я вамъ вчера: не издѣвайтесь такъ надъ молодухой — не послухали. Наказываютъ люди, да все-таки въ мѣру, не увѣчатъ. Мало, что исписали ременными возжами, еще на весь православ-

ный міръ опозорили. Собачій ошейникъ напялили, да въ цѣпь сковали. — Сусѣдъ, испужавшись, на крикъ прибѣжалъ.—Не сотворите, баетъ, грѣха, душу не погубите. Пожалуй и меня въ свидѣтели потащутъ. Вся деревня голоситъ: такого сраму, какъ стоитъ она, не бывало, да, чай, и у нехристей не слыхано.—Ой, ой! чего добраго, утопилась, али удавилась. Потѣшайтесь, какъ наѣдетъ судъ, да живодеры учнутъ потрошить въ нашей избѣ. — На сынка красную шапку надѣнутъ, а тебя съ колодниками поведутъ. Мнѣ, горемычной, придется, на старости лѣтъ, подъ окошечками ходить, да ломотикъ хлѣбца выпрашивать Христа ради.

Старику не въ мочь стала воркотня и упреки старухи,—Типунъ бы тебѣ на языкъ,—закричалъ онъ:— и безъ тебя тошно. Хоть бы кровь-то свою пожалѣла; видишь, малый совсѣмъ извелся.

Сынъ всталъ, крякнулъ отъ досады, махнувъ рукой, и побрелъ было къ двери, но въ это самое время кто-то дробно постучалъ въ окно кнутовищемъ, означившимся на запотѣлыхъ стеклахъ.

— Ахти,—сказала старушка,—не сотскій ли ужь пришелъ! Бѣда неминуча, пропала наша головушка.

Молодой крестьянинъ поблѣднѣлъ и сталъ на мѣстѣ, какъ вкопанный. Старикъ слѣзъ, кряхтя, съ полатей.— Кто тамъ?—спросилъ онъ дрожавшимъ голосомъ.

— Высунь-ка лыску, — послышался голосъ, — чай не крещенскій морозъ на дворѣ, не остудишь.

— Голосъ-то, кажись, кума Трофима, что изъ Краснаго села.

— Отвори же окно, батюшка, — сказалъ оправившись отъ испуга молодой крестьянинъ,—нечестно ему, словно нищенкѣ, передъ окошкомъ стоять.

— А, кумъ Трофимъ Савичъ, откуда Богъ несетъ?— спросилъ старикъ ужь болѣе твердымъ голосомъ, высунувъ голову изъ окна.

— Со своего гнѣздышка поднялся, былъ отвѣтъ,— да къ тебѣ по душѣ молвить словечка два есть.

— Войди, желанный, — сказалъ старикъ, и, обратясь къ сыну, приказалъ ему отворить ворота.

— Не къ нему-ли наша горемычная пташка залетѣла?—молвила старушка,—вѣдь онъ ей крестный.

— Нишни, старая,—процѣдилъ сквозь зубы мужъ, грозя на нее кулакомъ.

Вошелъ гость, Трофимъ Савичъ, помолился образамъ, поклонился хозяину и хозяйкѣ, зорко посмотрѣлъ на нихъ и промолвилъ:—Что-то у васъ не ладно дѣется? Ванюха вашъ будто изъ гроба всталъ, да и вы, словно васъ лихоманка истрепала.

Трофимъ Савичъ, огладивъ свою бороду, сѣлъ важно на прилавокъ.

— Горе посѣтило насъ,—сказала старушка. — Наталья, дочка твоя крестная, бѣжала.

— Съ чего-жъ это дернуло ее на такое дѣло?

— Пошла на худыя дѣла, такъ поучили маненько, —отвѣчалъ старикъ, вздыхая.

— Ученье ученью розь, кумъ. Нечего отъ васъ таить, видѣлъ я крестную дочку; мѣтки уроковъ, словно на биркѣ, кровью намѣчены; на годы зарубили. — А цѣпь-то собачья почто?

Старикъ, смущенный этими словами, молчалъ.

— Грѣхъ вамъ передъ Богомъ, да и передъ судомъ человѣческимъ отвѣтъ не хорошъ. А вѣдаешь-ли, кумъ, что за такія дѣла сошлютъ тебя туда, куда воронъ и костей не заноситъ? Да и сынку-то взмылютъ лобъ. Говорю тебѣ, жалѣючи васъ.

— Баяла я имъ, родимый,—вмѣшалась старуха въ рѣчь хозяина и гостя, — да знамо дѣло, баба глупа, а мужикъ, коли себѣ что въ башку забьетъ, такъ на ней хоть колъ теши, все свое творитъ.

— О, охъ! дѣло-то плохое, — перебилъ ее кумъ,

качая изъ стороны въ сторону головой. — Чай и по хозяйству безъ молодицы у васъ работа не спорится: въ домѣ одна баба, да и та старая и немощная.

— Житье ужь таково пришлось, родной,—сказала старуха, утирая глаза передникомъ, — хоть сама бѣги изъ дому.

— Аль и тебѣ, кума, погулять захотѣлось, кровь молодая заиграла?—спросилъ Трофимъ Савичъ, примигнувъ однимъ глазомъ, и захохоталъ тѣмъ добродушнымъ смѣхомъ, который такъ облегчаетъ грудь, стѣсненную горемъ.—Однако, смѣшки въ сторону, дѣло-то вышло бы плохое... кабы...

— Кабы?—спросили въ одно время мужъ и жена, ожидая рокового отвѣта.—Ужь не у тебя-ли?...

— У меня, не у меня; не потаю: прибѣжала было къ нашему молодому барину, думала укроетъ. Не принялъ ее; говоритъ, не хочу мужа съ женой разлучать, и такъ грѣхъ великій на душѣ. Думалъ, вдовая женщина. Передалъ мнѣ эти рѣчи старый слуга барскій Парфенъ, а доподлинно ли онѣ сказаны, про то душа Парфена знаетъ, она и въ отвѣтѣ. Ночевала горемычная въ саду одна-одинехонька. А помочь дѣлу можно.

— Выручи, родимый, — сказали въ одинъ голосъ старикъ и жена его.

Сынъ молчалъ.

— Много растабаривать не стану; во многомъ глаголаніи нѣсть спасенія. Опять скажу вамъ еще слово божественнаго писанія: Богъ сочеталъ, человѣкъ не разлучаетъ. Согрѣшила Наталья; кто безъ грѣха! Господь покаявшихся прощаетъ. А мы что предъ Господомъ? Меньше, чѣмъ эта соринка. (Для большаго убѣжденія своихъ слушателей Трофимъ Савичъ поднялъ съ прилавка какую-то соломенку, плюнулъ и бросилъ ее на полъ). Коли вы мнѣ передъ святыми иконами побожитесь, что примете Наталью съ любовью и миромъ

и напредки попреку ей въ этомъ дѣлѣ не будетъ, слышите? побожитесь, такъ она принесетъ вамъ повинную и дастъ обѣщаніе жить съ мужемъ въ согласіи, какъ подобаетъ доброй и честной женѣ.

— Вотъ-те Христосъ,—сказалъ старикъ, крестясь, за нимъ перекрестилась и жена.

— Нѣтъ, такъ непригоже клятву творить, перебилъ миротворецъ;—одинъ, сидя, крестится, другая съ ухватомъ въ рукѣ, а Ванюха молчитъ.

Молодой крестьянинъ низко поклонился Трофиму Савичу.

— Спаси отъ грѣха, — возопилъ онъ, — пришлось хоть самому камень на шею навязать да утопиться; земля ужь не держитъ.

Всталъ кумъ, положилъ свое кнутовище на лавку; всталъ хозяинъ, старушка поставила ухватъ въ уголъ.

— Помолимся Господу Богу, чтобы онъ благословилъ насъ на благое дѣло,—сказалъ Трофимъ, и сотворилъ три крестныя знаменія, земно припадая и трижды приговаривая съ воздыханіями: Господи помилуй. Его примѣру послѣдовали и другіе.

Кончивъ молитву, Трофимъ Савичъ поцѣловался съ ними на обѣ щеки и примолвилъ съ чувствомъ:—Знайте, ангели на небеси радуются, глядя на миръ и любовь во человѣцехъ.

— Теперь пойду къ своей крестной дочкѣ. Мужа послать къ ней непригоже; неравно испужается, все дѣло испортитъ.

Пошелъ онъ было къ двери и остановился.

— Хотѣлъ было молвить словечко о нарядахъ Натальи, что изрубили вы въ сердцахъ; на повинныхъ должны бы лечь и убытки, да знаю, кумъ скупенекъ. Богъ съ нимъ. Миръ не торгъ, и я торговаться съ вами не стану, а вотъ что скажу: старая барыня даритъ на случай мировой, Натальѣ пять красненькихъ

бумажекъ на наряды. Господь свидѣтель, молодой баринъ объ этихъ деньгахъ, ни о томъ, что между нами дѣется, ничего не знаетъ. Не утаю, есть еще у меня пять красненькихъ отъ барыни же (у старика свекра разгорѣлись глаза на эту добычу). Трофимъ Савичъ продолжалъ:—да тѣ поберегу вмѣстѣ съ цѣпью и ошейникомъ. Коли вы крѣпки будете своему слову, такъ онѣ пойдутъ опять на наряды Натальѣ, а покривите душой, такъ отправимъ вмѣстѣ съ поличнымъ въ судъ. А коли кто про это дѣло на деревнѣ почешетъ языкъ, такъ на то есть у васъ власть предержаща, брумистръ, и я въ обиду не дамъ свою крестную дочь, да и господа не дозволятъ свою кровь позорить.

— Постойте, — сказалъ Ванюха, стиснувъ грудь рукою, какъ будто хотѣлъ сдержать чувства, въ ней боровшіяся,—ты говорилъ, Трофимъ Савичъ, что миръ не торгъ, а самъ покупаешь его на барскія деньги. Денегъ твоихъ не беремъ, а коли возьметъ отецъ, да купитъ на нихъ наряды Натальѣ, такъ изрублю опять. Покорится она и будетъ жить со мною въ ладу, такъ я самъ куплю. Коли такъ, отворю ворота.

Трофимъ Савичъ мигнулъ старику и махнулъ рукой, какъ бы давая знать, что противиться теперь сыну не для чего, а тамъ, придетъ время, смягчится.

Ушелъ кумъ. Ворота распахнули. Старушка отъ радости стала прибирать и подметать въ избѣ, какъ бы ожидая почетныхъ гостей. Поставили хлѣбъ-соль на столъ. Хозяйка хотѣла-было поставить полштофикъ вина; хозяинъ сказалъ:—не надо—кумъ не употребляетъ, и снялъ вино со стола. Тревога изображалась на лицахъ старика и сына.

Послышался стукъ колесъ вдоль изгороди; телѣга влетѣла во дворъ.

Наталья вошла въ избу, помолилась образамъ; по-

томъ упала въ ноги къ свекру, затѣмъ поочереди къ свекрови и къ мужу.

— Теперь поцѣлуйтесь,—сказалъ Трофимъ Савичъ.

И поцѣловались мужъ и жена.

Передавъ деньги потихоньку старику, чтобы сынъ не видалъ, сдѣлавъ каждому должное увѣщаніе и получивъ отъ каждаго благодареніе, отправился миротворецъ домой, довольный и счастливый христіанскимъ исполненіемъ своей миссіи.

Но едва въѣхалъ онъ въ лѣсокъ, гдѣ оставлялъ Наталью съ сыномъ до рѣшенія ея судьбы, какъ навстрѣчу ему молодой баринъ, Владиміръ Сергѣичъ.

Трофимъ ахнулъ, остановилъ лошадь, передалъ возжи сыну и спрыгнулъ съ телѣги.

— Батюшка, Владиміръ Сергѣичъ, куда это вы?— сказалъ онъ, скинувъ шапку,—все покончено благополучно.

— Всѣ вы сдѣлали свое дѣло, мнѣ надо сдѣлать свое Иду къ мужу Натальи. Я виноватъ передъ нимъ,—хочу просить у него прощенія.

Трофимъ покачалъ головой.

— Христіанское дѣло вздумали, да какъ вы появитесь въ деревнѣ? Вѣдь только соблазнъ и позорище будетъ. Наталью отвезъ я къ мужу, семейныя приняли ее съ ласкою, обѣщались жить въ мирѣ и согласіи. Въ большое сумленіе введете ихъ теперь, батюшка. Богъ знаетъ, что подумаютъ.

— Ну, такъ вотъ что сдѣлай для меня: укажи мнѣ ихъ гумно и вызови ко мнѣ мужа, а домашнимъ ничего не говори.

Сколько Трофимъ не отговаривалъ молодого барина, тотъ стоялъ на своемъ и рѣшительно объявилъ, что не воротится домой, пока не исполнитъ, что задумалъ.

— Попытаемся, — сказалъ миротворецъ; велѣлъ сыну дожидаться его на мѣстѣ, гдѣ остановился и пошелъ опять широкими шагами шагать къ деревнѣ; Володя послѣдовалъ за нимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Подойдя къ крайнему гумну, Трофимъ махнулъ рукой, указавъ тутъ остановиться, самъ же направился къ избѣ кума. На стукъ его въ окно выглянула Наталья.

— Что тебѣ, крестный?—спросила она дрожащимъ голосомъ.

— Вызови ко мнѣ Ванюху на свое гумно. Слова два забылъ ему сказать, крайне нужно.

Выглянулъ мужъ Натальи въ окно—Трофима уже не видно было.

Не безъ тревоги сердечной явился Ванюха на свое гумно; подъ навѣсомъ стояли ужъ Трофимъ и съ нимъ рядомъ красносельскій молодой баринъ.

Ванюха поблѣднѣлъ и затрясся.

Подпершись рукою въ бокъ, онъ грозно, страшно взглянулъ барину въ глаза; верхняя губа его дрожала.

Не дай Богъ встрѣтить одному, безоружному, въ пустынномъ мѣстѣ, человѣка съ такимъ взглядомъ!

Володя безстрашно встрѣтилъ этотъ взглядъ.

— Я передъ тобою и передъ Богомъ виноватъ,— сказалъ онъ, скинувъ свой картузъ.—По молодости лѣтъ я сдѣлалъ дѣло худое. Сильно каюсь въ немъ.

Тутъ Володя рукой поклонился до земли.

— Господь тебѣ свидѣтель, что я никогда не буду стараться видѣться съ твоею женою, клянусь Его святымъ, великимъ именемъ, что никогда съ нею не увижусь.

У Трофима навернулись на глазахъ слезы.

Ванюха взглянулъ помягче барину въ глаза, махнулъ рукой и сказалъ:—Богъ тебя проститъ!

— Ну такъ дай мнѣ руку и поцѣлуемся.

И подалъ Володя крестьянину руку, и поцѣловались они, какъ братья.

Возвратясь домой, мужъ Натальи, сколько ни разспрашивали его домашніе, какія слова говорилъ ему Трофимъ на гумнѣ, отвѣчалъ только: про то онъ, да я знаемъ, да....—Ванюха не договорилъ этого имени и никогда, никому не сказалъ его.

Такъ какъ мы въ своемъ разсказѣ не встрѣтимъ болѣе Натальи, то прежде, чѣмъ разстаться съ нею навсегда, скажемъ, что она еще нѣсколько времени погуляла вволю, покрасовалась въ своихъ нарядахъ, но съ первымъ ребенкомъ, который у ней черезъ года два родился, сдѣлалась доброю матерью, доброю женой.

Какъ узналъ Володя о ночномъ происшествіи и послѣдствіяхъ его, мы должны теперь разсказать.

Старый дядька его, Парфенъ, тонкій дипломатъ, угодившій Марѳѣ Михайловнѣ своимъ донесеніемъ и распоряженіями, не захотѣлъ остаться въ долгу и передъ своимъ молодымъ бариномъ за то, что утаилъ отъ него это происшествіе, и какъ скоро услыхалъ, что Владиміръ Сергѣевичъ не спитъ, сдѣлавъ приличный приступъ, разсказалъ ему, какъ все дѣло было и чѣмъ кончено.

— Батюшка, Владиміръ Сергѣичъ, не взыщите, что во время вамъ не доложилъ. Вы знаете, какъ маменька ваша объ васъ заботится, паче себя. — Въ отвѣтѣ голова твоя, Парфенъ,—наказывала она мнѣ не разъ,—если утаишь отъ меня хоть сучочекъ, который сталъ Володѣ поперекъ на дорогѣ. Барыня, какъ вы изволите знать, характерная, слово скажетъ, такъ ужь выполнитъ, хоть бы каменная стѣна передъ ней стояла. Вотъ и вы къ слову молвить, Владиміръ Сергѣичъ, по ней пошли. Слава Богу, все улаживается; съ На-

тальей посланъ мужикъ умный, вѣрный, чай теперь возвращается съ добрыми вѣстями.

— Слава Богу все улаживается,—говорилъ Парфенъ, а въ душѣ Володи поднялась буря, какой онъ никогда не испыталъ. Блѣдный, дрожа, какъ, въ лихорадкѣ, онъ слушалъ разсказъ своего дядьки, будто бросили его въ пропасть, изъ которой онъ не въ силахъ выдти.

Дуня, сестра его, это чистое, прекрасное созданіе, которое онъ такъ уважаетъ и любитъ, слушала эту гадкую исторію!... Что подумаетъ она теперь о немъ? Какимъ низкимъ, ничтожнымъ человѣкомъ будетъ онъ отнынѣ въ глазахъ ея! Не лучше всякаго безнравственнаго повѣсы, который проступки подобнаго рода считаетъ извинительною шалостью, раскаяніе въ нихъ глупою щекотливостью совѣсти?... Какъ онъ встрѣтился съ нею, какими глазами будетъ на нее смотрѣть? Эта мысль мучила его.

Пока онъ разсуждалъ такъ съ самимъ собою, положивъ отяжелѣвшую голову на подушку, Парфенъ, наблюдавшій его, все еще стоялъ на одномъ мѣстѣ.

— Поди, оставь меня, — сказалъ Володя своему дядькѣ, который, казалось ему, былъ свидѣтелемъ всего, что происходило въ его душѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ посмотрѣлъ онъ на часы (было шесть часовъ), опять позвалъ Парфена и приказалъ ему отворить окно. — Мнѣ душно,—проговорилъ онъ.

— Не простудиться бы вамъ, Владиміръ Сергѣичъ, сильный утренникъ осенній на дворѣ.

— Ну такъ дай мнѣ одѣться, я пойду въ садъ.

Одѣлся онъ, но пошелъ только черезъ садъ, туда, гдѣ мы застали его съ Трофимомъ.

Когда Володя возвратился домой, было семь часовъ. Никто изъ домашнихъ не зналъ объ его отсутствіи, кромѣ соглядатая Парфена, слѣдившаго издали за нимъ, какъ осторожно слѣдитъ лягавая собака за дичью, которую почуяла, не теряя ее изъ виду и сама не показываясь ей.

Узнавъ, что отецъ и мать проснулись, нашъ печальный рыцарь явился къ нимъ и объявилъ, что отправляется въ Москву.

Марѳа Михайловна успѣла уже передать мужу, съ разными облегчительными оговорками, исторію ночного приключенія. Разсказъ этотъ былъ непріятенъ ему, но такъ какъ все было улажено къ общему удовольствію и въ шалости сына, какъ назвала она проступокъ его, большой бѣды нѣтъ — «молодая кровь играетъ»—то Сергѣй Семеновичъ, въ идиллическомъ настроеніи своей души, скоро успокоился. Отъѣздъ сына не удивилъ ни того, ни другого, и они скоро помирились съ необходимостью покориться обстоятельствамъ.

Съ молодымъ человѣкомъ отпущенъ Парфенъ для прислуги и наблюденій за его здоровьемъ и довольствомъ.

Володю же во всю дорогу преслѣдовала грустная мысль, что онъ сдѣлался недостоинъ дружбы своей названной сестры.

По отъѣздѣ его, Дуню подмывало желаніе узнать о послѣдствіяхъ ночного приключенія. Но какъ она сама не заговаривала объ нихъ съ Парашей, да и боялась убѣдиться, что отъѣздъ этотъ былъ жалкій побѣгъ отъ стеченія новыхъ обстоятельствъ, которыя могли бы еще сильнѣе потревожить ея брата, къ тому жъ опасалась, чтобы служанка не отгадала ея истинныхъ чувствъ, то и не рѣшалась нарушить обѣтъ, наложенный на себя и Парашу.

Но хитрая служанка, выросшая вмѣстѣ съ своей молодой госпожей, достойная дочка своего отца, замѣчая озабоченность и грусть Дуни, взяла на себя роль ловкой наперсницы. То броситъ словечко въ похвалу Трофиму Савичу, крестному отцу Натальи, великому миротворцу во всѣхъ спорныхъ, трудныхъ дѣлахъ, то вмѣшаетъ въ свой разговоръ имя отца, которому извѣстны многія тайны, и мало-по-малу начала было развивать пространнѣе то, что было такъ любопытно узнать Дунѣ. Но госпожа ея строго замѣтила непрошенной наперсницѣ, что она ничего не желаетъ знать изъ этой дурной исторіи.

— Я только хотѣла сказать,—говорила Параша въ свое оправданіе, — что Владиміръ Сергѣичъ — то-то добрый баринъ! самъ ходилъ, потихоньку отъ маменьки и папеньки, къ мужу Натальи, божился ему, что никогда не увидится съ нею, и просилъ униженно у мужика прощенія; тотъ его простилъ, и они поцѣловались. Кто жь другой это сдѣлаетъ!

Дуня ничего болѣе не хотѣла слышать, но и этого довольно для нея было. Володя въ нѣсколько минутъ опять выросъ въ глазахъ ея и нашелъ едва ли не полное прощеніе въ ея сердцѣ.

Володя, между тѣмъ, получивъ изъ университета свои документы и рекомендательное письмо отъ генерала Огрызкова, принявшаго живое участіе въ его судьбѣ, отправился въ Петербургъ. Чтобы не подумали, что онъ идетъ въ военную службу для щегольского мундира, онъ записался въ одинъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ, находившихся тогда на границѣ Турціи. Опредѣленіе его послѣдовало очень скоро. Наступала война и люди были нужны.

Въ Москвѣ ожидали ужь его домашніе. Видѣвъ его доселѣ въ гражданскомъ платьѣ, они все еще обманы-

вали себя надеждою, что разлука съ нимъ не такъ близка и какой-нибудь случай ее отмѣнитъ: но солдатскій мундиръ грубаго сукна, въ которомъ онъ обнялъ ихъ въ первый разъ, сказалъ имъ, что жребій его брошенъ и нѣтъ ему теперь возврата, кромѣ какъ въ постыдномъ уклоненіи отъ службы. Горько плакала Марѳа Михайловна, повиснувъ на шеѣ своего сына. Съ трудомъ могли привести ее въ чувство. Казалось и Сергѣя Семеновича пошатнулъ неожиданный роковой ударъ. У Дуни навернулись на глазахъ слезы. Володя ихъ замѣтилъ. Онъ долженъ былъ прожить въ Москвѣ только три дня. Въ одинъ изъ этихъ дней, улучивъ часъ, когда отца и матери не было дома, и узнавъ, что Дуня одна у себя въ комнатѣ, онъ, съ позволенія ея, вошелъ къ ней.—Дуня, милая сестра моя, другъ мой, позволишь-ли еще назвать тебя этимъ именемъ?—сказалъ онъ.—Завтра я ѣду, можетъ быть, мы никогда болѣе не увидимся. Вспомни, сколько лѣтъ мы были друзьями; ты мнѣ сестра не по крови, но болѣе—по сердцу, по сліянію нашихъ душъ.

Дуня, вмѣсто отвѣта, протянула ему обѣ руки.

Онъ съ жаромъ цѣловалъ эти руки, прижималъ ихъ къ своему сердцу.

— Помни только, — говорила Дуня, — когда ты будешь тамъ... среди опасностей войны, что къ молитвамъ о тебѣ матери и отца присоединяетъ свои жаркія молитвы сестра твоя, другъ твой навсегда...

— Но прошу тебя,—сказалъ Володя,—покоить и утѣшать моихъ стариковъ, замѣнилъ имъ неблагодарнаго сына, который, Богъ знаетъ изъ чего, оставляетъ ихъ тогда, когда они въ этой помощи, въ этихъ утѣшеніяхъ имѣютъ болѣе нужды. Знаю, твое доброе, любящее сердце и безъ того исполнитъ, о чемъ я просилъ бы тебя. Благослови же меня, другъ мой,

какъ ты благословила бы родного брата, отпуская его на войну.

Дуня дрожавшею рукой благословила его, но не могла ничего сказать; слезы душили ее.

Такъ простились они.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА

СТР.

НЕМНОГО ЛѢТЪ НАЗАДЪ

Часть первая и вторая 1

494860
LR
L4514V
Lazhechnikov, Ivan Ivanovich
Полное собрание сочинений ... С.А.Венгерова.
v.2.
[Transliter.: Polnoe sobranie sochineny ... S.A. Vengerova.]

NAME OF BORROWER.

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

• БИБЛІОТЕКА •
РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
• КНИГА 27 • 2 РУБЛЯ •